

НЕЖИЛЫЙ
Камешек

**ЛОРЕН
БЛЭЙКЛИ**

Лорен Блэйкли — Нехилый камешек

Перевод: Solitary-angel

Сверка: Renka, So-chan (со 2 главы)

Редактура: Лайла, jule4444ka (со 2 главы)

Русификация обложки: Renka

АННОТАЦИЯ

Дамы, дело не в волнении океана, а именно в РАЗМЕРЕ лодки.

А у меня и то, и другое идёт как по маслу. Более того, в моём арсенале есть ВСЁ необходимое: внешность, мозги, собственные деньги и большой член.

Вы можете решить, что я полный кретин. А что, сходство есть, разве нет? Я греховно горяч, сказочно богат, чертовски умён, да ещё и с огромным членом.

Знаете, что? Раньше вы никогда не слышали моей истории. Конечно, я могу быть плейбоем, о котором судачит весь Нью-Йорк, но при этом остаюсь отличным парнем. И это делает меня уникальным.

Беда в том, что, прежде чем уйти на заслуженный отдых, отцу требуется моя помощь. Местные консервативные инвесторы нацелены купить его легендарный ювелирный магазин на Пятой авеню. И я нужен отцу, чтобы заключить сделку, но для этого необходимо сыграть роль мужчины с прочными и крепкими семейными устоями. Отлично. Для своего папы я могу это сделать. В конце концов, именно ему я обязан за «фамильные драгоценности». Поэтому я прошу лучшую подругу и делового партнёра на неделю притвориться моей невестой. Шарлотта на эту роль подходит просто идеально. А чтобы носить на пальчике этот нехилый камешек, у неё есть свои причины.

И скоро эта вымышленная «игра на публику» приводит к довольно реальным забавам в спальне. Ведь Шарлотта не может притворно поджимать пальчики на ножках и кричать от оргазмов так, что дрожат стекла, когда, кувыркаясь с ней в кровати, возвожу её к совершенно новым высотам.

Но мне начинает казаться, что я больше не притворяюсь, и чувства к ней вполне реальны.

Во что, чёрт подери, я себя втянул с этим... нехилым камешком?

Посвящение

Эта книга посвящена Хелене Уильямс. Однажды я написала тебе и спросила, сможешь ли ты заставить R на обложке стать похожей на C¹¹. Хелена, ты это сделала, и лишь поэтому данная книга существует.

И, как всегда, моей дорогой подруге Синтии.

ПРОЛОГ

Мой член офигенно великолепный.

Можете не верить мне на слово. Давайте рассмотрим все его достоинства.

Во-первых, начнём с очевидного.

Размер.

Конечно, некоторые скажут, что размер не имеет значения. А знаете, что на это отвечу я? Они врут.

Вы не выберете крохотный бриллиантик на палец, когда можете заполучить три карата. И точно не захотите работать за один вшивый бакс, когда есть возможность заработать огромные бабки. А кому захочется кататься на маленьком пони, когда можно оседлать супербомбезного самца и прокатиться с ним на родео «наслаждений».

Почему? Да потому, что чем больше, тем лучше! Это намного веселее. Спросите у любой женщины, которая хоть раз произнесла самые ужасные для любого мужика слова: «И это все?!»

Никогда ни одна женщина мне такого не говорила.

Наверное, сейчас вы все задаетесь вопросом, насколько он большой? Да бросьте! Джентльмены о таком не говорят. Да, я могу быть богом секса, но при этом остаюсь джентльменом. Я открою перед дамой дверь прежде, чем раздвину ей ножки. И помогу надеть пальто, заплачу за ужин и буду относиться, как к королеве, в кровати и за её пределами.

Но я понимаю. Вы хотите представить себе реальную картинку. И чтобы у вас потекли слюнки, необходимо знать сантиметры. Ладно. Тогда представьте его. Самый большой член, о котором вы грезили. Так вот, мой намного больше.

Переходим к внешнему виду. Давайте будем честными, некоторые члены чертовски уродливы. Я не буду объяснять причины, вы и так хорошо их знаете. А вот когда дело доходит до моей лучшей части тела, то всё, что я могу придумать для описания — длинный, толстый, гладкий и твёрдый. Если бы мастера эпохи Возрождения ваяли скульптуры членов, мой мог бы стать для них эталоном.

Но, если честно, ничего из вышеперечисленного не имело бы значения, если бы не самое важное достоинство.

Эксплуатационные качества.

Безусловно, член мужика должен измеряться количеством доставленных оргазмов. Я сейчас не о соло на флейте. Это жульничество. Я говорю о дуэте, от которого женщина выгибается дугой, поджимает пальцы ног, разбивается вдребезги... И её мир полностью переворачивается.

Так сколько удовольствия доставил мой член? Я не рассказываю о своих любовных похождениях, но кое-чем могу с вами поделиться. У моего члена прекрасный послужной список.

Так что это просто вселенский отстой, что ему придется взять тайм-аут.

Мужчины не понимают женщин.

Это общеизвестный факт.

Совсем как тот парень.

Болван в углу моего бара. Опирается локтями о металлическую столешницу в позе: «я весь такой беззаботный и крутой». Разговаривая с брюнеткой в красных квадратных очках, поглаживает усы и ведёт себя так, словно он лучший собеседник в мире. Но дело в том, что он пялится на её грудь.

Ладно, у брюнетки классные сиськи. Под «классными» я подразумеваю, что им можно присвоить отдельный почтовый индекс.

Ну, брось, мужик.

Её глаза намного выше. И тебе стоит смотреть в них или леди развернется и уйдет.

Я заканчиваю наливать бокал светлого пива для нашего постоянного клиента, бизнесмена, который навещает сюда раз в неделю. Он постоянно обламывает все мои nepозволительные, как для хозяина бара, блуждающие взгляды, так что, по крайней мере, я могу налить ему выпить.

— За счет заведения. Наслаждайся, — толкнув к нему бокал, говорю я.

— Это лучшая новость за неделю, — отвечает он с легкой усмешкой и выпивает залпом пол бокала, а потом бросает на стойку три бакса. Мило. Бармены, работающие здесь за чаевые, такое очень оценят. Только Дженни пришлось уйти пораньше, у её сестрёнки какой-то кризис. Так что, пока моя деловая партнерша Шарлотта занимается бухгалтерией, я обслуживаю последних клиентов.

Когда Усач наклоняется ближе к Красным очёчкам, она отодвигается, качает головой и, взяв кошелек, идет к выходу.

Ага. Я мог бы стать гадалкой, если бы главным предназначением было предсказывать, повезёт мужику или нет. И чаще всего удача не на стороне мужиков, а всё из-за распространённых ошибок барного пикапа. Например, глупейший подкат: «Девушка, вы знаете, как превратить гибкую дискету в жесткий диск!» или «Вы должны продавать хот-доги, потому что знаете, как заставить сосиску стоять». О да! Я тоже не мог поверить своим ушам. Или как насчет такой ошибки? Парень с блудливыми глазками не может сдержаться, чтобы не рассматривать других милашек. Ну, какой женщине такое польстит?

И самая огромная оплошность при знакомствах в баре — излишняя самонадеянность. С чего вы взяли, что она хочет с вами разговаривать? Собирается пригласить к себе? Или что вы можете поцеловать её без спроса?

Вы же знаете, как девчонки относятся к наглецам.

Ну, а я?

Просто проверьте мой диплом. В колледже я освоил две специальности: финансы и язык женщин. Причём окончил я их с отличием. У меня энциклопедические познания о том, чего хотят женщины... и я им это даю. Я с лёгкостью читаю язык тела, мимику и тонкие намёки.

Вот как сейчас.

Шарлотта печатает на ноутбуке, от усердия прикусив губу. Перевод: «Ушла в работу с

головой, не трогай меня или я перегрызу тебе горло».

Ладно, согласен. Она не очень похожа на пинчера, раздирающего глотки. Но суть в том, что от неё на расстоянии идут флюиды: «Не подходи».

Правда Усач не умеет «читать» женщину, заговорить с ней, куда уж там, понять ее желания. Он идёт вдоль барной стойки, крадучись и готовясь к наступлению. Думает, что ему с ней что-то светит.

Стоя за стойкой и протирая стакан, я почти слышу, как Усач прочищает горло, прежде чем поздороваться с Шарлоттой.

В принципе, я могу понять, почему мужик нацелился на мою лучшую подругу. Шарлотта — богиня высшей пробы. Во-первых, у нее волнистые светлые волосы и глубокие карие глаза. Большинство блондинок голубоглазые, а у Шарлотты просто убийственная комбинация. Когда она поднимает на вас свой взгляд, эффект неожиданный и крышесносный.

Помимо этого, она просто королева иронии.

Плюс, она очень умна.

Но Усач не в курсе насчет последних двух качеств. Он просто знает, что она великолепа, поэтому и собирается подкатить. Взявшись за стул рядом с ней, он широко улыбается. Шарлотта вздрагивает, удивляясь тому, что Усач посмел вторгнуться в её личное пространство.

Она легко с ним разберётся. Но мы давным-давно заключили договор, а потом, когда решили вместе открыть этот бар, возобновили сделку. Если любому из нас, чтобы выбраться из щекотливой ситуации, понадобится фиктивная подружка или парень, мы поклялись вмешаться и сыграть свою роль.

В эту игру мы играли ещё с колледжа, и этот трюк творит чудеса.

Уловка отлично срабатывает, потому что мы с Шарлоттой никогда не встречались. Мне слишком дорога наша дружба. И судя по тому, как часто я заставлял её смеяться, или сколько раз она находила утешение на моём крепком плече, Шарлотте я необходим не меньше, чем она мне. Вот ещё одна причина, почему эта тактика настолько гениальна. Мы оба знаем, что между нами не будет ничего кроме дружбы.

Обогнув стойку, я иду напрямик к Шарлотте. В это время Усач как раз представился и, придвинувшись поближе, спрашивает, как её зовут.

Опираюсь на столешницу рядом с Шарлоттой и кладу руку ей на поясницу, словно она моя. И я единственный, кто имеет право прикасаться к этому телу. Пропускаю её волосы сквозь пальцы и заглядываю в глаза. А потом запрокидываю голову и смотрю на Усача с самой самодовольной улыбкой, ведь в этой реальности именно я тот счастливый сукин сын, с которым она проводит ночи.

— Мою невесту зовут Шарлотта. Приятно познакомиться. Я Спенсер, — говорю я, протянув ему руку.

Мужик морщится как кролик, когда до него доходит, что сегодня он опять в пролете.

— Доброй ночи, — бормочет он и сваливает.

Шарлотта смотрит на меня и одобрительно кивает.

— Только посмотри на себя. Супер-жених спешит на помощь, — говорит она и скользит ладонью по моей руке, сжимая бицепс. — Я даже не заметила, что он нацелился на меня.

— Именно поэтому я тебе и нужен. У меня глаза повсюду, — говорю я, запирая входную дверь. Кроме нас в баре ни души, как и большинство ночей перед закрытием.

— Обычно эти глазки заняты поиском доступных женщин, — выдает она, как бы говоря: «Я слишком хорошо тебя знаю, блудливые глазки».

— Что я могу сказать? Люблю давать своим газам хорошую разминку, в принципе, как и другим частям тела, — отвечаю я, поглаживая плоский живот, *с ярко выраженными кубиками* пресса.

Шарлотта зевает.

— Иди спать, — говорю я.

— Тебе бы тоже стоило. Ой, подожди. У тебя наверняка назначено свидание.

Она почти права. Обычно я так и делаю.

В начале месяца я познакомился с милашкой в тренажерном зале. Она занималась, словно заведённая, но стала ещё активнее, когда я перегнул её через спинку кушетки в своей квартире. На следующий день она написала, что её бедра болят и ей это очень нравится. А ещё просила позвонить, если буду в Лос-Анджелесе, поскольку не прочь ещё разок со мной прокатиться.

Кто бы сомневался. Попробовав бифштекс, кому захочется вернуться к захудалым котлетам.

Номерок я сохранил. Как знать, что ждёт в будущем, верно? Нет ничего страшного в том, что два взрослых человека всю ночь напролёт наслаждаются обществом друг друга, а утром расходятся по домам, любезно оставив на память о себе кучу оргазмов.

И это правильно. Первое правило свиданий — сперва доставить удовольствие женщине, потом, желательно, снова довести её до оргазма, после чего можно и самому достичь разрядки. Следующие правила довольно просты: никогда не влюбляться, и ни при каких обстоятельствах не быть мудаком. Мне двадцать восемь. Я не женат, богат, сексуален и всегда веду себя как джентльмен. В общем, в кровати я чертовски хорош.

Но сегодня мой дружок не на дежурстве. Сегодня я отсыпаюсь.

Так что на вопрос Шарлотты качаю головой и продолжаю вытирать столешницу.

— Не-а, завтра в половине восьмого завтракаю с отцом и каким-то парнем, которому он хочет сбегать магазин. Так что мне нужно быть свеженьким и произвести хорошее впечатление на потенциального покупателя.

Шарлотта махнула в сторону двери.

— Иди домой, Спенсер. Я закрою.

— Я так не думаю. Я приехал подменить Джинни. Ты отправляешься домой. Я вызову тебе такси.

— Ты же знаешь, что я последние пять лет живу в Нью-Йорке, ведь так? Так что вызвать ночью такси для меня не проблема.

— Я в курсе насчет твоей независимости. Но мне плевать, я отправляю тебя домой. Неважно, чем ты сейчас занимаешься, с той же прытью ты можешь это сделать в своей квартире, — отвечаю я и бросаю мочалку в раковину. — Погоди. Ты же не переживаешь, что Кретин Брэдли в такое время подстерегает тебя в холле с цветами?

— Нет. Свои дурацкие засады с извинениями он всегда устраивает днем. Вчера, например, послал мне полутораметрового плюшевого медведя, у которого в лапах было обшито шелком сердце с надписью: «Прости меня». И что, блин, мне с ним делать?

— Отправь обратно, прямо ему на работу. А на сердце нарисуй помадой: «НЕТ!».

Бывший Шарлотты — хрестоматийный красавец-ублюдок, который один на один и гроша ломаного не стоит. Не видать ему Шарлотты, как своих ушей.

— Погоди-ка! — я поднимаю руку вверх. — А у медведя, случайно, нет на лапе среднего пальца?

Она смеется.

— А вот это отличная идея. Жаль, но не хочется всех сотрудников посвящать в свою личную жизнь.

— Знаю. И не хочу, чтобы ты больше виделась с этим гадом.

Я сажаю Шарлотту в такси, целую в щеку и отправляю домой. После чего запираю бар и иду домой на Вест-Виллидж. У меня квартира на шестом этаже шикарного дома с террасой и прекрасным видом на Нижний Манхэттен. Просто идеально для такой замечательной июньской ночи.

Бросив ключи на стол в прихожей, проверяю последние сообщения на телефоне. И начинаю смеяться от эсэмэсок сестры с прикрепленными фотографиями из бульварных журналов. Одна, сделанная пару недель назад, где я вместе с красоткой из спортзала. Оказывается, она знаменитый тренер из какого-то реалити-шоу, а я — «знаменитый Нью-Йоркский плейбой». Так же меня окрестили и в другом журнале, когда я в прошлом месяце засветился с еще одной красоткой шеф-поваром на открытии ресторана в Майами.

Впрочем, сегодня я буду паинькой.

А вот завтра — не обещаю.

Рубашка на пуговицах. Галстук. Темно-серые брюки. Темно-каштановые волосы, зеленые глаза, точеная челюсть.

Да, то, что доктор прописал.

Для утра пятницы видок в самый раз. И будь я чудилой из дешевого фильма, то, охреневая от собственной крутости, показал бы себе два больших пальца.

Но если честно, это не про меня. В смысле, кто вообще так делает?

Вместо этого я поворачиваюсь к своему коту Фидо, пытаюсь выяснить его мнение на этот счет. Ответ красноречив — он уходит прочь с высоко поднятым хвостом.

У нас с Фидо полное взаимопонимание: я его кормлю, а он не мешает мне кувыркаться с цыпочками. Год назад он появился на моем балконе, с возмущением мяукая на стеклянную дверь. На шеи у парня красовался ошейник с надписью: «Принцесса Поппи». Судя по адресу, кот принадлежал милой старушке, недавно отошедшей в мир иной. Вероятно, из-за возраста она перепутала пол котенка. Родственников у нее не было, и распоряжений на питомца она также не оставила, поэтому я забрал бедолагу себе. Выкинув к черту, усыпанный стразами розовый ошейник, я дал коту нормальную мужскую кличку.

Так что у нас взаимовыгодные отношения.

К примеру, завтра Фидо не будет мяукать и выступать, что я поздно вернусь. А я намерен завалиться домой только перед самым рассветом. Сегодня мне на работу, а завтра смена у Дженни, и мы вместе с моим приятелем Ником идем праздновать. «Камеди нэйшен» продлило его сериал на очередной сезон, так что мы планируем опрокинуть не одну рюмку в питейных Грамерси. Плюс там есть сексапильная барменша, с которой я до этого перекинулся парой фраз. Зовут ее Лена, и у нее просто убойный «Секс на пляже». Она даже забила свой номер у меня в сотовом как название коктейля.

Звучит довольно многообещающе, в смысле — все точно на мази.

Собравшись, я вышел из квартиры и на метро доехал до Верхнего Ист-Сайда, ведь именно там живут мои родители. Да, они богаты, но как бы парадоксально это ни звучало, уродами никогда не были. Уверяю вас. Это не история богатого парня с конченным папашей и бездушной стервой — матерью. Это рассказ о любимом сыне, который обожает свою семью. А знаете, что еще удивительней? Мои родители любят друг друга.

Откуда мне это известно?

Ну, ведь я же не глухой. Нет, ребенком я ничего такого не слышал. Но каждое утро мама с улыбкой напевала веселые песенки. Глядя на родителей, я усвоил один важный урок: жизнь отрада, когда жена рада, а самый легкий способ осчастливить ее — в спальне.

Хотя сегодня моя главная задача порадовать отца, а папа хочет увидеть своих чад на деловом завтраке, так что мы с моей младшей сестренкой Харпер со всех ног мчимся к нему.

Я сталкиваюсь с сестренкой на Восемьдесят второй улице. Ее рыжие волосы горят на солнце, точно языки пламени. Подойдя ко мне, она делает вид, будто собирается отщипнуть у меня кусок уха.

— Посмотри, что я нашла. Минуточку. А что это? — Она поднимает руку над моей головой и достает тампон.

— Спенсер Холидэй, — приоткрывает она рот с деланным удивлением. — Ты таскаешь

с собой тампоны? А с каких пор у тебя начались месячные?

Я лопаюсь со смеха.

Она заводит руку за другое ухо и показывает крошечную таблетку.

— О, погляди-ка, вот и обезболивающее по случаю.

— Классная шутка, — улыбаюсь я. — Ты откальываешь такие номера на всех детских праздниках?

— Нет, — подмигивает Харпер. — Но именно за такие шуточки полгода назад мама всыпала мне по первое число.

Вместе мы отправляемся к одному из ресторанов на Третьей авеню. Мы в одном из самых престижных Нью-Йоркских кварталов — с краснокирпичными особняками, просторными крылечками и посаженными на каждые три метра деревьями с пышными кронами. Словно в сцене из романтической комедии.

— Как поживает лучший плейбой города? Слышала, Кэссиди Уинтерс обмолвилась, будто давненько у нее такого не было и ты самый лучший.

Я морщусь.

— А кто это?

Харпер закатывает глаза.

— Сексапильная тренерша, о вас еще в газетах писали. Я вчера вечером скидывала тебе фотку. Ты что, заголовок не прочитал?

Качаю головой.

— Не-а. Да и было это сто лет назад.

Две недели кажутся вечностью, если у тебя каждый вечер свидание.

— Уверена, она до сих пор поет тебе дифирамбы.

— Походу мне нужно немедленно избавиться от ее номера.

Излишний треп может стать фатальным для репутации.

— Ну, тебе лучше не спускать глаз с мистера Оффермана, папиного покупателя, — заявляет Харпер, а я замечаю синеволосую дамочку со спицем.

— Хочешь, чтобы я с ним пофлиртовал? — невозмутимо спрашиваю я, а потом останавливаюсь посреди улицы. Начинаю покачивать бедрами, бросая томный взгляд стриптизера.

— Потанцуй, — я шлепаю себя по заднице, — вместе со мной.

Харпер краснеет и поглядывает на даму с собачкой.

— Господи! Завязывай с этим балаганом.

— А как же мой фирменный танец со стрип-шоу «Чиппендейл»?

Она хватает меня за руку и тянет за собой. Как только мы равняемся с синеволосой дамочкой, та приподымает брови и заявляет:

— Отличный танец.

Видите? Цыпочки от меня тащатся.

— Я просто предупреждаю, этот мужик до тошноты консервативен. Семейные ценности и все такое. Именно поэтому мы здесь.

— Не вопрос. Нужно прикинуться, будто мы счастливая любящая семья. Верно? Значит, я должен делать вот так?

Я отвечаю сестрице щелбан. Заметьте, вполне заслуженный.

— Ай. Оставь мои волосы в покое.

— Ладно. Я все понял. Ты хочешь, чтобы я прикинулся мальчиком из хора, а ты

ангелочком.

Она прижимает руки к груди в молитвенном жесте.

— А я и есть ангел.

Мы входим в ресторан, папа встречает нас в фойе. Извинившись, Харпер идет в дамскую комнату, а папа хлопает меня по спине.

— Спасибо, что пришел. Значит, ты получил сообщение?

— Конечно. Разве я не выгляжу, как успешный сын благородных кровей? — спрашиваю я, проводя рукой по своему дорогому галстуку. За него отдельное спасибо «Барнис».

Отец шутливо стучает меня по подбородку.

— Ты всегда так выглядишь. — Он забрасывает руку мне на плечо. — Боже, я так рад, что ты пришел. И послушай, — говорит он, понизив голос, — ты знаешь, меня не волнует, чем ты занимаешься в «свободное время». Но у мистера Оффермана четыре дочери в возрасте от семнадцати до одиннадцати лет. Поэтому он предпочитает видеть парней...

— Пай-мальчиками? — говорю я с ангельской улыбкой.

Отец щелкает пальцами и кивает головой.

— Они тоже здесь? Его дочери?

Он качает головой.

— Только мы втроем и он. Офферман хотел познакомиться с моими детьми. В общем, чем меньше ты будешь соответствовать своему статусу «лучший плебей Нью-Йорка», тем счастливее он будет, и соответственно я. Ну что, справишься?

Я вздыхаю и округляю глаза.

— Даже не знаю, пап. Это конкретно ограничит мой словарный запас. Ведь я то и дело говорю о женщинах и сексе. Вот черт, — разочарованно протягиваю я, а потом с деланным видом загибаю пальцы. — Остается политика, религия и контроль за оборотом оружия. Буду говорить только об этом, договорились?

— Не вынуждай тебе всыпать, — шутит он.

— Пап, я все понял. Я не собираюсь разрушать твою мечту. Обещаю. В течение следующего часа я послушный сын и развивающийся нью-йоркский бизнесмен. Я ни словом не обмолвлюсь о женщинах или приложении «Настоящий мужчина», — заверяю я, зная о своих повадках хамелеона.

Я с легкостью могу сыграть роль гуляки или серьезного бизнесмена. Прикинуться выпускником Йеля или парнем с подворотни. Сегодня я буду строить из себя члена Лиги Плюща, а не чувака, который создал и продал одно из самых популярных приложений для знакомств.

— Спасибо за понимание. Я много лет искал подходящего покупателя и, кажется, наконец-то нашел. Если удастся утрясти последние детали, то до конца следующей недели мы подпишем все необходимые бумаги.

Мой отец мега крут в ювелирном деле. Вряд ли кто-нибудь знает его имя, но магазины моего отца известны всем. Он открыл «Катрин» на Пятой авеню тридцать лет назад, а для ювелирного дела это не малый престиж. Небесно-голубые коробочки, разработанные специально для его бутика, стали буквально товарной маркой и признаком отменного вкуса. Жемчуг, бриллианты, рубины, серебро, золото — стоит лишь попросить. «Катрин» назван в честь моей мамы, и это дворец утонченности. Со временем отец смог раскрутить бизнес до целой сети бутиков, расположенных в двенадцати городах мира. «Катрин» обеспечила нам с Харпер учебу в частной школе, оплатила колледж и капитально облегчила жизнь.

А теперь папа хочет отойти от дел и вместе с мамой отправиться на яхте в кругосветное путешествие. Это его заветная мечта, и наконец-то отец нашел подходящего покупателя, обладающего солидным капиталом и определенными качествами, необходимыми для управления сетью респектабельных бутиков.

Оставлять дело ни Харпер, ни мне отец никогда не планировал. Лично я не горю желанием связывать свою жизнь с ювелирным бизнесом. Как, впрочем, и моя сестра. Я уже занимаюсь тем, что мне нравится: вместе с Шарлоттой управляю тремя барами под названием «Лаки Спот». Плюс еще в колледже я сколотил собственный капитал, запустив в продажу приложение «Настоящий мужчина».

Идея была проста, как и все гениальное: никаких фотографий с членом.

А все потому, что — сами подумайте! — какой женщине понравится фотка члена? В начале отношений нет ничего более агрессивного и отталкивающего, чем послать заинтриговавшей тебя дамочке снимок своего хозяйства. И пусть даже твоему инструменту обзавидуются матерый конь, женщина только сморщится от отвращения. Моё приложение давало женщинам гарантию того, что им не придется терпеть подобные фотографии.

Приложение стало золотой жилой, банковские счета только успевали обновлять нули, а потом я свалил на пике славы, как полагается счастливчику.

Но на следующий час я обычный парень, работающий в сфере ресторанного бизнеса. Итак, поехали!

Отец ведет нас с Харпер вглубь ресторана к большому круглому столу, покрытому белоснежной скатертью.

— Мистер Офферман, рад представить вам моих детей. Это моя дочь Харпер и сын Спенсер.

Мистер Офферман оказался высоким импозантным мужчиной с темными глазами и черными, как смоль волосами. Стоит по стойке «смирно», как бравый генерал. Наверняка бывший военный. По крайней мере такое создается впечатление.

— Рад нашей встречи, — говорит он глубоким баритоном.

О да, этот чувак привык отдавать приказы.

Мы обмениваемся любезностями и садимся за стол. Как только заказ сделан, Офферман принимается за допрос Харпер.

— Наслышан о вас. Вы фокусница, это так прекрасно.

Он засыпает ее вопросами, и до меня вдруг доходит: профессия Харпер замечательно вписывается в его семейный образ жизни. И для него огромный плюс, что она работает на детских утренниках. Харпер показывает ему парочку трюков. Заставляет исчезнуть вилку, потом салфетку и напоследок стакан.

— Потрясающе. Могу поспорить дети от этого без ума. Мои девочки будут в восторге.

Мужик, у тебя подростки. Очень сомневаюсь, что их впечатлит ловкость рук.

— С радостью покажу им пару фокусов, — говорит Харпер с лучезарной улыбкой, полностью очаровывая мистера Оффермана.

— Отлично. Я хотел бы позвать вас на наш семейный ужин завтра вечером.

— Спасибо. Обязательно приду, — говорит Харпер.

Офферман переключает внимание на меня.

— А как дела с приложением «Настоящий мужчина»?

Опаньки! Походу он провел расследование.

— Компания, которая приобрела его, говорит, что дела идут в гору. Но я больше не имею к этому никакого отношения, — говорю я, отмахиваясь от вопроса.

— Судя по отзывам приложение весьма популярно. Кажется, ты знаешь, чего хотят женщины.

Я слатываю и с опаской смотрю на отца. На его губах играет неестественная улыбка. Он явно не хочет развивать эту тему.

— Сэр, я знаю лишь одно. Нужно относиться уважительно к своей женщине, а когда придет время делать предложение, посетить «Катрин» и купить что-то большее одного карата, — пытаюсь я отшутиться ювелирной шуткой.

Он улыбается и кивает, а затем откашливается:

— У меня есть знакомый репортер в «Жизнь и Время Метрополиса». Он будет освещать в прессе сделку по продаже ювелирной сети. Кое-что о бизнесе и немного о личной жизни. Надеюсь, моя просьба не покажется чересчур наглой, но мне бы хотелось ближайшие пару недель, пока будет осуществляться сделка, все внимание отдать «Катрин». А не нашумевшему приложению для знакомств или другим вещам, которые так любят мусолить в прессе. Типа любовных подвигов. — Он замолкает и расправляет салфетку на коленях. —

Надеюсь, понятно о чем я сейчас говорю?

Да ладно, мужик, мы все в курсе, о чем идет речь.

Отец решает вмешаться:

— Пожалуй, я с этим соглашусь. Нужно привлечь все внимание прессы именно к сделке.

— Отлично. — Мистер Офферман снова смотрит на меня. Походу допрос инквизиции продолжается. — А новое дело успешно?

— Ресторанный бизнес хорошее — капиталовложение. Мы с Шарлоттой основали «Лаки Спот» три года назад, и все идет прекрасно. Отличное место, прекрасные отзывы, довольные клиенты.

Он продолжает доставать меня кучей вопросов о баре, но на самом деле он просто хочет разнюхать все обо мне. Пытается понять, мой новый бизнес такой же «недостойный», как и приложение. Но я могу с легкостью справиться с таким типом. Слабаки не становятся предпринимателями. А я открыл свое дело, потому что чертовски бесстрашный и могу просчитать рынок так же, как мысли этого надутого сыча. Мне известно, чего он хочет, и я с радостью даю ему это, потому что в итоге это осчастливит моего отца.

— И что же самое лучшее в вашем деле?

— Работа с Шарлоттой, — говорю я, потому что это единственный правдивый ответ. Разве к нему подкопаешься? — Нам словно суждено было вместе создать что-то подобное. У нас во многом совпадают взгляды.

На его губах появляется легкая улыбка.

— Это здорово. Как долго вы ...

Он замолкает, когда официант приносит наши тарелки, но я улавливаю суть вопроса. Как долго мы дружим?..

— С колледжа, — отвечаю я.

— Отлично, — говорит мистер Офферман, когда официант ставит перед ним яйца Бенедикт^[2]. — Надеюсь, ты сможешь завтра прийти к нам на ужин.

Вуаля, я его сделал. Красава!

— С радостью, — отвечаю я.

Мы собирались оттянуться с Ником, но он поймет. Я украдкой смотрю на отца. Он довольный, значит, пока все идет гладко.

Мистер Офферман берет вилку.

— Возможно, ты придешь со своей девушкой.

Я чуть не давлюсь апельсиновым соком.

Мой папа собирается его поправить, но мистер Офферман продолжает говорить своим внушительным баритоном, не позволив вставить и слова.

— Моя жена захочет встретиться с Шарлоттой. Как и мои девочки. У нас теперь семейный бизнес, и очень важно подчеркнуть это во время купли-продажи компании, учитывая повышенное внимание общественности к этому вопросу. Мне нравится, что они увидят все в таком радужном свете.

Я открываю рот, чтобы исправить возникшее недоразумение. Мы с Шарлоттой просто друзья и деловые партнеры.

Но его улыбка скрепляет сделку, и я быстро прикидываю варианты.

Офферман уже думает, что мы с Шарлоттой давно встречаемся, и радуется этому факту. А если бы все так и было? Борись до конца или не высовывайся.

— На самом деле, мы с Шарлоттой дружим еще с колледжа, — говорю я, а потом собравшись с духом добавляю то, что ему хочется услышать. — Но мы начали встречаться месяц назад, и буквально прошлой ночью обручились. Я очень рад поделиться с вами этими новостями. Теперь она моя невеста.

Харпер роняет вилку, отец начинает моргать, а мистер Офферман светится от радости точно новогодняя елка. Он вне себя от счастья, еще пару секунд и запляшет от такой семейной идиллии. Он считал, что попал на бабника, а тут перед ним нарисовался счастливый жених.

— Буду счастлив прийти к вам на ужин со своей очаровательной и несравненной невестой, — добавляю я, а потом смотрю на отца с широкой улыбкой и только после этого начинаю копать вилкой в яичнице. Сестра сверлит меня взглядом с явным желанием начать перекрестный допрос. Уверен, позже меня ждет серьезный разговор. Но у меня и так намечается напряженный денек.

Самое главное теперь — убедить Шарлотту согласиться повернуть это дельце.

Мы стоим с отцом на улице около ресторана. Папа нервно проводит рукой по волосам. Он хмурится, в глазах читается тревога. Он только что посадил Мистера Оффермана в такси и пообещал в ближайшее время приехать в магазин на Пятой авеню.

Но вначале он планирует разобраться со мной. Ничего удивительного.

— Когда ты собирался мне рассказать?

Есть маленькая проблемка. Я не могу признаться ему во лжи.

Если отец узнает, что я выдумал эту гребаную помолвку ради его сделки, он решит, что обязан извиниться перед мистером Офферманом. Отправится к этому тупице и честно прямолинейно скажет, что сожалеет, но его сын просто пошутил. Вот такой он человек и именно так ведет бизнес. И если ему придется, поджав хвост, вернуться к покупателю и извиниться за своего непутевого сыночка, сморозившего глупость, отец это сделает, хотя тем самым вмиг расторгнет намеченную сделку.

Ага, щас. Только через мой труп.

Мне очень не хочется впутывать отца в эту фальшивую помолвку. Но сейчас именно это может стать ключом к решению проблемы. Я заметил огонек в глазах мистера Оффермана, когда заговорил о свадьбе. В этой сделке мне отведена роль Джокера. Как холостяк и раздолбай, я не вписываюсь в выдуманные рамки, а вот с кольцом на пальце Шарлотты превращаюсь в золотого ребенка.

Так что хочешь не хочешь, а сделать это придется.

Если ложь конкретная, нужно, чтобы к ней никто не подкопался.

— Пап, я попросил ее руки прошлой ночью.

— Я даже не знал, что вы встречаетесь, — замечает он.

Мимо нас проходит дамочка в узкой розовой юбке и на черных каблуках. Она с кокетливой улыбкой окидывает меня взглядом, и я хочу улыбнуться в ответ, но вовремя себя одергиваю.

Вот черт! На ближайшие пару недель я лишился своего излюбленного развлечения.

Ну, ничего. Я справлюсь. Смогу притвориться обрученным. Образно говоря, посажу член под «домашний арест».

— Я собирался сегодня все рассказать.

— Как долго вы вместе?

Чем проще, тем лучше. Не надо разглагольствовать.

— Пап, все произошло так быстро, — говорю я чуть удивленно и с полным обожания взглядом рассказываю о своей невесте. — Ты же знаешь, мы всегда отлично ладили и были лучшими друзьями. Знаешь, это как раз тот случай, когда твое счастье рядом, а тебе нужно вагон времени, чтобы это понять. Пару недель назад мы друг другу признались в своих чувствах и... бац. Все остальное уже история.

Офигеть. Это и правда прозвучало так правдоподобно или мне показалось? Я смогу.

Папа поднимает руку:

— Притормози. И что это значит? Остальное уже история? Как ты сделал предложение?

И ради бога, где ты взял кольцо? Предупреждаю, если ты купил его в «Шейн Ко^[3]», то я от тебя отрекусь, — заявляет он с напускной серьезностью.

Мне нужно кольцо, причем немедленно. С огромным брюликом. Сын ювелирного магната приобрел бы для своей невесты только лучшее.

— Пап, любовь вскружила нам голову. Мы встречались всего нескольких недель. — Это прозвучало достаточно правдоподобно. Но будет еще лучше, если я чуть приукрашу. — Но после стольких лет дружбы не захотелось больше тянуть волюнку. Как говорится: «Женись на своей лучшей подруге», — заявил я, хотя не в курсе есть ли такое выражение. Но кому какое дело, если это прозвучало офигенно, как трехочковый бросок в баскетболе. Мой папа кивает в знак понимания, когда я заканчиваю оду о вымышленной любви: — Когда ты понимаешь, что не можешь прожить и дня без женщины, которую обожаешь, нужно сделать ее своей и плевать, сколько ты с ней встречаешься: неделю или годы. Поэтому вчера я сделал предложение. Не мог больше ждать. Если ты знаешь, чего хочешь, нужно пойти и добиться своего, разве я не прав?

Мимо пролетает такси, а папа вздыхает от восторга:

— Даже я не смог бы сказать лучше.

Ему стоит нанять меня для написания пресс-релизов. На этом можно было бы сколотить состояние.

— Есть одно «но», у меня нет кольца, — говорю я и подмигиваю. — Ты случайно не знаешь, где его приобрести?

Он поглаживает подбородок с напускной задумчивостью.

— Ох, я могу только догадываться о таких местах. — Он смеется от его собственного остроумия и пожимает мою руку. — Приходи в два, и Нина выберет тебе самый красивый камень. Ты не можешь сделать предложение без кольца от «Катрин».

— Честно говоря...

В кармане гудит телефон. Имперский марш Дарта Вейдера. Шарлотта. Она сама ради прикола поставила на себя этот рингтон.

— Шарлотта, — говорю я отцу, помахав телефоном.

— Может, стоит поменять эту странную мелодию, ведь вы скоро поженитесь, — советует он мне, а потом расплывается в улыбке. — Эй! Это был мой первый совет для парня, который скоро станет семьянином.

На меня накатывает секундная вспышка паники. А вдруг Шарлотта откажется участвовать в этой аванюре? Возьмет и посмеется надо мной. Блин, она точно лопнет от смеха. А вдруг она заявит, что это безумнейшая идея, и она ни за какие коврижки не станет этого делать. Что тогда?

Я пытаюсь подавить преждевременную панику. Ведь именно так друзья и поступают. Притворяются, что выйдут за вас замуж, когда нужно. Так ведь?

Мелодия играет снова. Марш не замолкает.

— Тебе стоит ответить. Женщины не любят ждать, — говорит мой отец. — Эй, вот тебе и второй совет.

Взяв себя в руки, я провожу большим пальцем по экрану и вживаюсь в роль:

— Доброе утро, моя прекрасная невеста, — говорю я нараспев влюбленным голосом.

Она начинает смеяться.

— Почему мы играем так рано? Не говори мне, что начал пить с самого утра? Уже надрался вдрызг, Спенс?

— Я опьянен тобой. Между прочим, ты где?

— Только что разговаривала с одним из наших поставщиков. Договорилась о более

выгодной сделке. Всегда рада помочь. С тебя начос. Но с какой радости ты ведешь себя, как влюбленный чудик?

— Хорошо, любимая, — говорю я, глядя на отца, тот одобрительно показывает мне два больших пальца. Публика довольна игрой актера. — Скоро буду, и ты все расскажешь лично.

— Ладненько, — протягивает она, — но сделка действительно хороша, так что я не собираюсь разыгрывать все в лицах лично или по телефону, если уж на то пошло. Кроме этого я собираюсь забежать в душ. И даже не начинай. Я не имела в виду забег!

Я смеюсь:

— Конечно, буду через двадцать минут. Не могу прожить и минуты без тебя.

Я чуть не сказал «пупсик», но в этом случае мне придется попрощаться с яйцами, а мне мое хозяйство нравится. Можно сказать, я с ним неразрывно связан.

Не давая ей запротестовать, я сбрасываю вызов и смотрю на отца.

— Женщина нуждается во мне.

Отец приподнимает бровь:

— Тебе стоит послушаться и бежать к ней со всех ног. — Он потирает руки. — Честно, это лучшая новость. Ты меня просто осчастливил. Мне всегда нравилась Шарлотта.

Черт, вина грузом ложится на плечи. Даже в детстве я редко лгал отцу. И могу поклясться, что повзрослев, вообще этого ни делал. Мне в новинку горький привкус вины, и это так мерзко. Но игра стоит свеч. Скоро документы будут готовы, а через пару дней отец подпишет контракт. Небольшая ложь поможет пройти сделке гладко.

Отец сгребает меня в объятия.

— Позвони позже маме. Она обрадуется, узнав от тебя эту новость.

— Я ей все расскажу в деталях, — обещаю я, а внутри содрогаюсь от предстоящей лжи.

Ловлю такси и еду к дому Шарлотты. По пути пишу Нику сообщение, отменяя намеченную попойку.

Занят на выходных семейной ерундой. Придется все отменить. Отпразднуем в другой раз?

Ответа придется ждать пару часиков. Ник в современном мире почти как мамонт, он точно не ходит, уткнувшись в телефон. Друг предпочитает ручку и бумагу новомодным гаджетам. Наверно, благодаря этому он стал мультипликатором мирового уровня.

Такси мчится вдоль Лексингтон-авеню, а я смотрю на номерок горячей барменши «Секс на пляже», а потом быстро пишу эсэмэску.

Извини, детка. Кое-что произошло, и мне нужно побыть с семьей. Встретимся в другой раз.

Ее ответ приходит через тридцать секунд:

Мое предложение остается в силе, в любое время. :)

Три моих любимых слова — в любое время.

Но она не та, о ком я думаю, приехав в Марри-Хилл^[4]. Эта женщина стоит за гигантским букетом из... воздушных шаров?

Здесь около трех десятков шариков. Они словно марсианские головы любых размеров и всех оттенков пастельной гаммы с передачи о домашнем интерьере.

Посередине с гордостью возвышается центральный шар, единственное яркое пятно. Кроваво-красный, вероятно в форме сердца, но мне он почему-то напоминает гигантскую задницу.

Я сую таксисту двадцатку, оставляю сдачу на чаевые и захлопываю дверку. Машина отъезжает с визгом колес.

Я даже не могу увидеть лицо Шарлотты. Или грудь. Или талию. Все, что выше скрыто за воздушными шарами, но эти шикарные ноги я узнаю из тысячи. В школе Шарлотта занималась бегом на короткие дистанции, поэтому у нее подтянутые ножки с мускулистыми икрами, и на высоких каблуках они выглядят просто шикарно. Хотя, если подумать, в белых носочках и кроссовках они тоже офигенно сексапильные. Наверно, Шарлотта была на утренней пробежке.

Быстрыми шагами я сокращаю разделяющее нас расстояние и наблюдаю за происходящим.

Она пытается всучить букет какой-то мамочке, толкающей коляску. Та с усмешкой качает головой. Нас разделяет метра три, когда Шарлотта протягивает воздушные шары девочке лет десяти.

— Еще чего! — кричит та и со всех ног убегает прочь.

Шарлотта разочарованно вздыхает.

— Дай угадаю, — говорю я, приблизившись к ней вплотную. — Ты или угробила «Лаки Спот» и пытаешься начать новую карьеру продавщицы воздушных шариков, или на горизонте снова нарисовался Кретин Брэдли?

— В третий раз на этой неделе. До него, кажется, не доходит смысл фразы «мы расстались навсегда». — Она пытается отодвинуть шары, но те цепляются за ее волосы. Еще одна попытка, но статическое электричество снова работает против нее. Пастельные хреновины неумолимы, а легкий ветерок постоянно толкает их все ближе к волосам Шарлотты. — Это самые противные воздушные шары в мире. Уверена, все соседи шушукуются о его плане «воссоединения», хотя все прекрасно знают, что он натворил.

— Он просто отправил их тебе, угадал?

— Да, — цедит она сквозь зубы, сжимая «букет». — После нашего разговора по телефону я собралась пойти купить кофе, но позвонил швейцар и сказал, что мне доставили шары. Только в лифт они не поместятся, поэтому мне нужно спуститься и забрать их. Ну, не бред ли? Даже если бы я захотела их оставить, в квартиру мне их в жизнь не донести.

— И ты пытаешься их кому-то отдать? — спрашиваю я, протягивая руку, чтобы Шарлотта отдала мне это убожество.

— Я подумала, что они больше пригодятся ребенку, чем взрослой женщине. Шокирующее признание, но фетиш к воздушным шарам я переросла.

Я слышу гул автобуса, останавливающегося возле дома, и шлейф выхлопных газов несет воздушные шары прямо в лицо Шарлотты.

— Уф... — вздыхает она, когда отвратительный розовый шар пытается сбить ее с ног.

Я хватаю спутанные веревочки и убираю связку подальше от Шарлотты, а потом подымаю руку высоко над головой.

— Может, мы просто отпустим их в небо? Пусть себе летают над Манхэттеном, словно огромное пасхальное яйцо?

Она качает головой.

— Нет. В конце концов, в них кончится гелий. А потом они либо застрянут в деревьях, либо упадут на землю, где их съедят животные и заболеют, а я на это не согласна.

Шарлотта мягкосердечная. Она любит животных.

— Ясно, — киваю я. — Ладно, я понял. Ты сможешь пережить массовое убийство трех десятков уродливых шаров?

Она решительно кивает.

— Это травму я смогу залечить.

— Закрой уши, — говорю я, доставая ключи из кармана, и начинаю прокалывать шары. Раздаются громкие хлопки, но я продолжаю экзекуцию. Настает очередь красной задницы.

В конце в моих руках остается сдувшийся букет полопанной резины.

Вылитый Брэдли.

А теперь я расскажу, как Брэдли заработал дополнительные очки в звании конченого козла. Они с Шарлоттой познакомились два года назад, так как жили в одной многоэтажке. Начали встречаться. Казалось, все серьезно. Начали подумывать жить вместе. Даже решили купить большую квартиру на десятом этаже и обручиться. Все шло довольно гладко, по крайней мере до того дня, как все было готово, чтобы подписать документы на покупку трехкомнатной квартиры, а Брэдли приехал раньше, чтобы... смешно сказать... «проверить трубы». Да, вот такой была отмазка.

Шарлотта пришла подписать бумаги и застала Брэдли, трахавшего риелторшу на кухонном столе.

— Нехилая проверочка прочности железной столешницы, — сказала Шарлотта, и я так гордился, что она даже в самый паршивый момент смогла «сдержать удар» и придумать колкость.

Хотя, если честно, измена ее сильно ранила. Она любила этого парня. Шарлотта рыдала, уткнувшись мне в плечо и рассказывая о случившемся. Прошло десять месяцев, Брэдли бросил риелторшу и начал кампанию по возвращению Шарлотты.

С подарками.

Отвратительными подарками.

Я выкидываю в бак увядший «букетик».

— Теперь животные спасены от этого резинового ужаса.

— Спасибо, — произносит она с облегчением, снимает резинку с запястья и собирает волосы в «конский хвост». — Жалкий хлопок постельного убожества. Как только ты полопал шарики, и они так грустно повисли.

— Как Брэдли? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

На ее губах вспыхивает легкая улыбка. Она пытается сдержать смех, а потом прикрывает рот. Шарлотта никогда не любила трепаться или делиться подробностями интимной жизни. Хотя я точно не хотел об этом знать. Зато секреты хранить она умеет за семью замками.

Но то, что она изо всех сил пытается не проболтаться, говорит о многом.

Факты на лицо.

Каждый мужчина стремится стать лучшим. Конкуренция у нас в крови, поэтому сдержать триумф я не в силах.

С другой стороны, я не вижу в этом проблемы.

— Давай купим тебе кофе, и я расскажу, почему вел себя как влюбленный чудик.

Шарлотта добавляет сахар в кофе, и у нее расширяются глаза. С каждой секундой они становятся все больше и больше, пока не превращаются в блюдца. Когда она подносит стаканчик к губам, они едва не выкатываются.

А стоит мне упомянуть о завтрашнем ужине, как она чуть не давится. А потом прижимает руку к животу, а второй ладонью зажимает рот и начинает трястись от смеха.

— И как ты вляпываешься в такие ситуации?

— Хотелось бы верить, что всему виной ум и обаяние, но дело в длинном языке, — говорю я и пожимаю плечи с видом: «Ну что поделаешь?». Загвоздка в том, что ответ на этот вопрос один: я приду туда с невестой. А это означает, что Шарлотта должна согласиться, поэтому я серьезно спрашиваю: — Ты же сделаешь это? Сможешь на недельку притвориться, что мы помолвлены?

Ее смех становится все громче.

— И это твоя гениальная идея? Лучшее решение разрулить проблему с трепом?

— Да, — говорю я, кивая с намерением твердо следовать плану. — Это блестящая идея.

— О, Спенсер. Идея просто чудовая. Правда, я бы сказала, одна из лучших. — Она добавляет сливки в кофе. — И под «лучшей» я имею в виду «худшую».

— Почему? С чего ты взяла, что это плохая идея?

Пару секунд она намерено тянет с ответом, а потом как бы делая акцент, подымает указательный палец.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты *хочешь*, чтобы эта чепуха с фальшивой помолвкой сработала? Собираешься с успехом все повернуть?

— Да. Все верно.

Она указывает на себя.

— И для этой затеи ты решил выбрать меня?

— А кого, по-твоему, я еще мог попросить?

Она закатывает глаза.

— Ты же знаешь, что я худшая в мире лгунья?

— Ну, я бы так не сказал.

Она смотрит на меня как на безумца. Хотя, может, я и впрямь сбрендил.

— Тебе напомнить, как на третьем курсе вы с друзьями устроили розыгрыш в общежитии? Если мне не изменяет память, я тогда ушла раньше с кинотеатра, не досмотрев «Дневник памяти», и стала свидетельницей вашей шалости, а мои соседки раскололи меня за пять секунд.

— Ты бы не поддалась так быстро, — настаиваю я, продолжая пить кофе, мысленно возвращаясь в те веселые деньки.

Один из моих приятелей встречался с подружкой Шарлотты. Подружка выбросила его пульт от телевизора из окна четвертого этажа, утверждая, будто он слишком много смотрит телик, а мой друг в отместку запланировал небольшую мебельную перестановку. Беда в том, что Шарлотта застучала нас с поличным, поэтому за ее молчание я пообещал, что мы после полуночи все вернем на место.

— Ох, сдалась как миленькая. Из меня легко вытрясти правду, — категорично говорит

она, глядя мне прямо в глаза. — Сначала они просто спросили, кто перенес всю мебель из общей комнаты в прачечную, а потом стали щекотать. Если бы тогда я не слиняла с фильма пораньше, то не застучала вас. По сей день, я виню Николаса Спаркса за то, что не смогла сохранить твой секрет.

— Обещаю, что из-за этой фальшивой помолвки тебе не придется смотреть фильм Николаса Спаркса. И я клянусь, никто не будет тебя щекотать.

— Слушай, я считаю эту затею не просто смешной, но и опасной. Вполне возможно, что в будущем это выйдет тебе боком, — мягко заверяет меня Шарлотта. — Я забочусь о тебе, Спенсер. И понимаю, что всю эту фигню с помолвкой ты задумал, чтобы помочь отцу со сделкой. Но одно понять не могу, почему из всех женщин Нью-Йорка, ты выбрал именно меня? Даже услуги службы эскорта были бы логичнее. Те женщины с легкостью играют на публику.

Я фыркаю, услышав подобное предложение, а потом кладу ладонь на ее плечо и легонько сжимаю, словно тренер, пытающийся убедить игрока вступить в его команду. Мне нужно убедить ее, что она справится. Шарлотте это по плечу. Она знает меня лучше всех. Кроме того, я не могу просто позвонить в эскорт-службу и заказать невесту на неделю. *«Привет, мне, пожалуйста, опытную невесту и порцию картошки фри»*. Во-первых, у меня нет номеров таких служб. Во-вторых, именно Шарлотте выпал этот жребий. Утром я сказал, что она моя невеста. Так что либо Шарлотта, либо никто.

— Это не займет много времени. Нужно будет сходить всего на парочку мероприятий — сегодня выбрать кольцо, а завтра — на ужин. Ты справишься. Только ты и я, малыш, — говорю я, а она хмурится, услышав последнее слово.

— Так вот как ты будешь называть свою невесту? Малыш? Или солнышко? Или как-то еще? Лапуля? Медвежонок? Сладенькая? Мамонтенок?

— Уж точно не Мамонтенок.

— А мне нравится, — говорит она, и я понимаю, что она просто тянет время... или избегает ответа.

— Пусть все-таки будет малыш, — произношу я с уверенностью, пока она пьет свой кофе. — Не знаю, почему я тебя так назвал. Разве что, это очевидно. Ты красотка, малыш.

Она снова улыбается и мягко произносит:

— Спасибо. Ты тоже.

Вот видите? Мы с Шарлоттой можем оценить друг друга. Вот одна из самых главных черт нашей дружбы. Никакой катастрофы, если мы признаем привлекательность, как ее, так и мою. Вот почему она *должна* сыграть роль моей невесты.

С твердой решимостью я показываю жестом, что все это только между нами. Возможно это все чепуха, а может, и нет. Но других варианта у меня не предвидится, и мне необходима помощь Шарлотты. Часики тикают, и я помню, что в два нас ждут в «Катрин».

— Вот, что я думаю. Мы уже делали подобное. Это же наша игра, — говорю я, будто убеждаю ее присоединиться к моей банде и ограбить казино в Вегасе. — С известными нам правилами. Я постоянно притворяюсь твоим женихом, а ты моей невестой.

Она нервно прикусывает уголок нижней губы. Это ужасно мило. Если бы она была моей настоящей невестой, меня бы это до одури очаровало, и я бы ее поцеловал.

— То трехминутный розыгрыш в баре, — замечает она. — Минутная магия. Фокус-покус, и мы избавились от неприятных приставаний. А теперь ты говоришь, что мне нужно продержаться целую неделю? Под пристальным вниманием прессы, твоих родителей,

покупателя «Катрин» и всех остальных? Мне кажется, что ты напрашиваешься на неприятности.

— Да, но кто знает меня лучше тебя? Ты единственная можешь это сделать.

Маленькое кафе заполняют люди. Мы выходим и идем к дому Шарлотты, попутно наслаждаясь ароматным кофе.

— Я хочу тебе помочь. Ты же знаешь. Просто мне кажется, все догадаются об обмане и это еще сильнее навредит тебе.

Несмотря на неудачу, я продолжаю наседать:

— Тогда давай устроим проверку. Тем более в два я собираюсь купить тебе кольцо. — У Шарлотты глаза на лоб лезут, и я быстро ее успокаиваю: — Обсудим каждую мелочь, которую должны знать.

— Типа, какой пастой я пользуюсь, и стягиваешь ли ты на себя все одеяло?

— Я не перетягиваю на себя одеяло, — говорю я, когда мы уступаем дорогу семейной паре, у каждого из них по младенцу в рюкзаке-кенгуру, и они бурно обсуждают, куда бы пойти позавтракать.

— А я пользуюсь отбеливающей пастой «Крест» с мятной свежестью, — говорит она. — Но давай начистоту. Никто о таком спрашивать не будет. Кстати, ты уже думал, как переживешь неделю без своего любимого времяпрепровождения? — говорит она, и карие глаза поблескивают злорадным огоньком.

— Я могу справиться с вынужденным celibатом.

Она кивает.

— Ну да. Продолжай себя успокаивать. — Она не спускает с меня глаз. — Без шуток, если я на это пойду, тебе лучше не шататься по другим дамочкам.

В груди вспыхивает искра надежды.

— Значит, ты согласна?

Она качает головой.

— Пока нет. Я просто указываю на одно из препятствий. Для тебя эти семь дней станут мучительно долгими, — говорит она, пихая меня локтем в бок. — К тому же, как ты собираешься объяснить свои недавние шашни? Всего пару недель назад ты красовался на обложках журналов с другой. Как планируешь выкрутиться перед отцом и покупателем? И что скажешь о той дамочке, с которой тебя видели на открытии ресторана в Майами?

Я небрежно отмахиваюсь.

— Доверься мастеру. Если всплывет информация о знаменитой тренерше, то я просто буду все отрицать. Никто не поверит сплетням. А на фото с Майами все выглядит подругески. Обычное позерство перед камерой. И я уже придумал идеальную историю нашей любви. Я сказал папе, что чувства захватили нас нежданно-негаданно. Встречаемся мы всего лишь несколько недель, а вчера ночью я сделал тебе предложение, когда понял, что все эти годы был в тебя влюблен.

— Все время? — спрашивает она, подняв бровь.

Я игриво пожимаю плечами.

— Каждую гребаную минуту. Сох по тебе. И, наконец, до меня дошло, что я не могу без тебя жить. Я стал на колени и предложил тебе руку и сердце.

Шарлотта молчит, но уголки губ слегка подрагивают, а я засматриваюсь на них дольше обычного. Эти губки сногшибательны. С эстетической точки зрения. Как ее жениху, мне стоит знать обо всех нюансах, в том числе и о красоте губ Шарлотты.

Если она согласится. А она, черт побери, мне не откажет!

— Это очень сентиментальная история, — говорит она вполне искренне, когда мы останавливаемся на углу ее дома и смотрим друг другу в глаза. — От закадычных друзей, до по уши влюбленных?

— В яблочко, — быстро соглашаюсь я, и отвожу взгляд, не в силах с этим справиться.

Не знаю, почему меня накрыло таким странными чувствами. Может, причина в словах или в том, как Шарлотта на меня смотрит.

А может причина во мне.

Мы заворачиваем за угол и идем к ее дому. Шарлотта отпивает большой глоток кофе, а потом расправляет плечи и откашливается. Я скрещиваю пальцы наудачу.

— Я хочу помочь тебе, но... — начинает она и замолкает на полуслове.

Моя грудь сжимается. Похоже на то, как спускают воздух из шариков. Я лишен воздуха. Придется сказать отцу, что помолвка закончилась, не успев начаться, опустить голову и зарыдать, сетуя, что Шарлотта бросила меня и разбила мое сердце.

— Вот черт, — бормочет она, — мудак на подходе.

Поправочка, конченный мудак. Брэдли Согни-Риэторшу-Над-Столлом Букингом собственной персоной.

Он меня ненавидит. Хотя мне «фиолетово», но столь негативную реакцию я заслужил за наглый совет Шарлотте не покупать квартиру с этим дятлом. С финансовой точки зрения приобретать совместное жилье в этом доме глупо, выгодней покупка в другом квартале.

Ростом Брэдли чуть выше метр восемьдесят, но все равно ниже меня сантиметров на шесть. У него светло-рыжеватые волосы, широкие плечи и мерзкая улыбочка продавца пылесосов. Он работает в пиар сфере. Старший вице-президент по коммуникациям в огромной фармацевтической компании, которую постоянно критикуют и разносят в пух и прах. Король гиен. Гуру лжецов. Капитан Отрепье.

— Шарлотта! — кричит он и машет рукой. — Ты получила воздушные шары?

Он подходит к нам и мельком бросает на меня взгляд.

— Они не помещались в лифте, но проехали. Ты должен прекратить посылать мне подарки. Между нами все кончено. Кроме этого, — говорит она, а потом тянется и берет меня за руку, переплетая наши пальцы, чем немало меня удивляет, ведь она не из тех, кто держится за ручки, — я помолвлена со Спенсером.

Отпад.

Я удивился, что она взяла меня за руку? Но в следующую секунду происходит то, что потрясает меня до глубины души.

Шарлотта опрокидывает свою чашку кофе на Брэдли, в мгновение ока обнимает меня за шею и прижимается к моим губам.

Шарлотта целует меня.

Посреди улицы Нью-Йорка.

В губы.

И вкус у нее просто фантастический.

Смесь сливок, сахара, кофе и сладости. Лучший в мире коктейль. Все так, как я себе и представлял.

Не то, чтобы я мечтал о поцелуях с лучшей подругой.

Но постойте, я все-таки мужик и мне тяжело подавить блудливые мысли. Любой бы на моем месте совершил воображаемую прогулку по Бульвару поцелуев, Переулку влюбленных и Улице секса.

И мне предстоит по ним пройти, если Шарлотта не прекратит целовать меня так страстно и упоительно. С каждой секундой становится все сложнее думать, крепнет желание углубить поцелуй.

По самое мама не горюй.

У Шарлотты вырывается тихий полустон-полувздых. Еще один такой звук, и я прижму ее к цементно-серой кирпичной стене, скользну руками по талии и превращу этот поцелуй в мега интимный.

Потому что она чертовски сексуальна, на свою беду.

Точнее на мою гибель.

Она отстраняется. Только моему члену на это пофиг. Он стоит по стойки «смирно», отдавая честь Шарлотте и умоляя о большем. Поэтому я пользуюсь проверенным способом избавления от стояка: представляю себе потных баскетболистов. Вуаля, мой дружок грустно поник. Шарлотта тем временем смотрит на Брэдли с дьявольской улыбкой.

Пока Шарлотта с упоением целовала меня на Лексингтон-авеню, у ее бывшего отвисала челюсть до асфальта.

Вот и славно!

— Пройшей ночью мы обручились. И я безумно счастлива, — говорит она, прижимаясь ко мне и обнимая за талию.

Брэдли пытается хоть что-то сказать, но вместо этого лишь открывает и закрывает рот, словно выкинутая на берег рыба.

О, видок дико ржачный. Я смотрю на свои ботинки. И не ухмыляюсь. Клянусь, на моих губах не расплывается огромная улыбка. Я просто невинный свидетель, которого богиня одарила поцелуем.

— Как уже говорила, будет здорово, если ты прекратишь подкатывать ко мне с шарами, мишками и вишнями в шоколаде, — говорит она, а я презрительно хмыкаю. Шарлотта ненавидит вишню в шоколаде. Как он может этого не знать?

— Они мне даже не нравятся, — говорит она Брэдли, все сильнее сжимая пальцы на моей талии. Так крепко, что создается чувство...будто она шупает мой пресс.

Ладно.

Вообще без проблем. Этот каменный пресс целиком и полностью в вашем распоряжении, миледи.

— Я не знал, что у вас интрижка, — говорит Брэдли. Я смотрю на него и практически вижу, как в его голове крутятся шестеренки. — Или это длилось все время?

Шарлотта в секунду меняется в лице и стоит как громом пораженная.

— Что?.. Повтори-ка.

Это край. Он достиг новых высот. Не думал что такое возможно, но этот дятел умудрился стать истинным гуру отъявленных мудаков.

Пора вмешаться.

— Нет, Брэдли. Ты ошибаешься. Мы вместе совсем недавно, — говорю я, встретив его взгляд. — И если честно, я перед тобой в огромном долгу. Если бы не ты с теми тестами «контроля и качества» на кухонном столе, возможно, нам бы никогда не представился шанс сблизиться. Так что спасибо тебе большое, что расстался с самой замечательной женщиной в мире. Теперь она моя!

И чтобы окончательно добить болвана, я как ревнивый неандерталец притягиваю ее за талию, поворачиваю к себе и еще раз крепко целую.

А через мгновение подхватываю Шарлотту и, помахав на прощание ее бывшему, захожу в подъезд.

Не уверен, что шокировало ее сильнее: мои слова или действия, а может собственное весьма спонтанное решение — но когда мы оказываемся в лифте, она поворачивается и счастливо пожимает плечами.

— Похоже я заделаюсь твоей невестой на ближайшую неделю, Мамонтенок. В два у нас поход за кольцом, а до этого тебя ждет полный допрос.

В данную секунду я бы тоже хотел допросить тебя с пристрастием. Но твой вариант тоже неплох.

* * *

Моя излюбленная сфера деятельности — в спальне. Это моя обитель, где я полновластный хозяин. Не удивительно, что Шарлотта попросила подождать здесь. Я должен быть спокоен как удав, но почему-то взвинчен до предела.

Вероятно, причиной всему то, что от обнаженного тела меня отделяют считанные метры.

Шарлотта принимает душ, а квартиры в Нью-Йорке размером с наперсток, как их не обставляй.

Нет, вы только представьте: мокрая, обнаженная, шикарная женщина в радиусе трех метров.

Всем ясно? Ладно. Идем дальше.

Я поднимаю с небесно-голубого столика фотографию в рамке. Собака ее родителей. Пушистый коричневый пес, какая-то помесь. Полностью сосредотачиваюсь на фотке. Рассматриваю детали. Хвост. Уши. Отлично, фото сделало свое дело. Я перестаю думать о голой женщине и том, как здорово она целуется.

Или насколько сильно мне это понравилось.

Какого хрена меня так проняло?

Идиот, конечно тебе понравилось. Ты гетеросексуал, которого поцеловала красотка.

Понятное дело ты в восторге, а иначе был бы глупцом. Конец истории. Это ничего не значит. Прекращай мусолить детали.

Тем более Шарлотта выключила воду в душе.

А может, она забыла полотенце. Дверь сейчас откроется, и она попросит меня принести его.

Я бью себя по лбу.

Соберись, Холидэй.

Я ставлю фотографию обратно на столик, делаю глубокий вдох и расправляю плечи. Дверь со скрипом открывается. Шарлотта выходит из ванной, обернутая лишь пушистым белоснежным полотенцем, узелок закреплен чуть выше ложбинки груди.

— Ты, наверное, удивился, почему я попросила тебя подождать меня в спальне, а не в гостиной, — говорит она весьма буднично.

Ума не приложу, как она умудряется говорить так, словно мы занимаемся бизнес-сделкой, в то время как капелька воды скатывается вниз по ее голым ножкам. Но я кремень и справлюсь с этим. Моя лучшая подруга ни капельки меня не заводит. Вот только мой член совсем другого мнения. Гребаный предатель.

— Меня посещала эта мысль, — отвечаю я, прислоняясь к комоду, как ни в чем не бывало.

— Если ты мой жених, то должен в порядке вещей относиться к моему обнаженному виду, — говорит она, кивком подчеркивая свои слова.

Вот черт, она собирается сделать это. Планирует сбросить полотенце и попрактиковаться в сексе. Я самый удачливый парень на Земле.

Минуточку. Нет, я не могу переспать со своей лучшей подругой. Без вариантов. Я не могу трахнуть Шарлотту. Даже если она швырнет полотенце на пол и станет умолять об этом.

Сцепляю пальцы замком за спиной, чтобы не дать волю похотливым ручонкам.

— Ладненько, ты планируешь пройтись передо мной голышом, — говорю я и делаю все возможное, чтобы говорить также хладнокровно, как и она, а для этого мне требуется вагон терпения и времени.

— Нет. Я говорю о самой идее, — поправляет она.

Я укоризненно поглядываю на нее.

— Мне эта «идея» кажется весьма реальной.

— Ладно, сдаюсь. Разница не особо велика, и это часть тестового задания.

— А разве это похоже на экзамен?

Она проходит мимо меня, и наши руки слегка соприкасаются. Шарлотта открывает верхний ящик комода.

— Да. Только больше практика, а не теория.

— С чего ты решила, что нам придется ходить голыми перед мистером Офферманом? Это не реалити-шоу о фальшивой помолвке, где мы должны продемонстрировать определенные умения при прохождении испытаний. Ты же насчет этого в курсе?

Она кивает и роется в ящике:

— В курсе. Мне кажется, нам придется пройти через «Игры новобрачных^[5]».

— И в этой версии мы узнаем, привык ли я к мысли о тебе голой и наоборот?

От моего последнего слова у Шарлотты перехватывает дыхание.

И я не знаю, как воспринимать эту реакцию... Такое чувство, будто она представила

меня голышом и ее это завело.

Шарлотта поворачивается ко мне и держит в каждой руке по трусику.

— Быстро. Тебе нравится, когда твоя невеста носит черные кружевные стринги? — она трясет клочком шелковистой безбожно сексуальной ткани.

Мое лицо словно объято пламенем. Откуда, черт побери, у Шарлотты такое белье?

— Или тебе больше по душе белое бикини? — Она машет белыми трусиками, и я вижу лишь крошечный ажурный прозрачный треугольник.

Забудьте о пламени. Я оказался в гребаном аду, узнав об этом белье. Белые трусики почти ничего не скрывают.

Господи помилуй.

Если бы женщина, с которой я встречаюсь, одела бы такие трусики, то их бы давно на ней не было. Я бы стянул их зубами. Это выше моего контроля. От вида ее белья кровь в жилах закипела как раскаленная ртуть.

Склонив голову, Шарлотта бросает на меня выжидающий взгляд.

— Так в чем ты предпочитаешь видеть свою невесту?

Я все еще не ответил, усердно пытаюсь заставить кровь вернуться в мозг с «восставшей» части анатомии.

— Без ничего, — говорю я, намереваясь перевести все в шутку, но в горле пересохло и першит, а два слова слились в суровый рык.

Она совершенно невозмутимо поднимает бровь.

— Без ничего? Правда? Тогда ладно, — отвечает она, а потом поворачивается и возвращает нижнее белье в комод, берет лифчик и захлопывает ящик с тихим щелчком. — Это все упрощает. Я скоро вернусь.

Она игриво прикасается к моему плечу указательным пальцем, рывком открывая шкаф, хватая что-то с вешалки и возвращается в ванную. Когда она закрывает дверь, я падаю на кровать и тяжело дышу. Обхватываю лоб ладонью.

Какой к черту тест? Больше смахивает на самое сложное в мире испытание на прочность.

Но у меня нет времени все хорошенько обмозговать, через двадцать секунд дверь ванной открывается и раздается голос Шарлотты:

— Ну, как тебе?

На ней черная шелковистая приталенная блузка и юбка цвета клюквенного сока, которая волнами ниспадает до колен и колышется от каждого движения.

— В таком виде ты возьмешь меня за обручальным кольцом?

Я указываю на ее юбку.

— Ты, правда, не надела нижнее белье?

Ее глаза искрятся озорством.

— Мой жених сказал, что он предпочитает меня... — она подходит ближе ко мне, опускает руку на плечо и шепчет на ухо, — без ничего.

И теперь, дамы и господа, мой член официально отдает честь моей лучшей подруге — Командирше Искусительнице. Она подходит обратно к шкафу, берет пару черных туфель на каблуках и обувает.

Пристрелите меня, ради бога.

Вид ее шикарных ножек еще сильнее горячит кровь, а то, что она без трусиков, едва не сводит меня с ума. Вцепившись в волосы пятерней, я ворошу их как бульдозер.

— Ладно, этот раунд за тобой. — Я подхожу к комоду, открываю верхний ящик, беру бикини и размахиваю им как белым флагом. — Сдаюсь.

Она хмурит брови.

— Это все? Ты так легко сдаешься? Мне казалось, я нужна тебе и ты хочешь, чтобы я прикинулась твоей невестой?

— Именно. Все верно. Но ты не можешь разгуливать по улицам без нижнего белья. Курсировать по всему Нью-Йорку, светя под юбкой голой попкой. Надевай, — говорю я, протягивая ей трусики.

Ее губы расплываются в улыбке, а уголки задорно подрагивают. В глазах читается: «Я же тебе говорила».

Смирившись с проигрышем, я развожу руками.

— Ладненько, Чеширский кот. Колись, какую канарейку ты съела?

Она забирает у меня трусики, хватает за руку и тащит в ванную. Указывает на зеркало. На нем красуется подпись красной помадой:

«Спенсер заставит меня надеть белое бикини».

На меня накатывает приступ безудержного смеха. Глубокого и рокошущего. Я смеюсь от всей души, ткнув в нее пальцем.

— И ты еще говоришь, что плохая лгунья.

Она шокировано приоткрывает рот и прижимает руку к груди.

— Я не лгала. Это истина, написанная красной помадой две минуты назад. Я оказалась права. Признай это.

— Ты со мной играла.

— Нет. Я пыталась доказать себе, что смогу достойно сыграть роль твоей невесты, — заявляет она с дьявольской усмешкой, толкая меня бедром. Ее взгляд полон смеси гордости и удовольствия. — Хотела увидеть, так ли хорошо мы знаем друг друга. — Она помедлила, прежде чем тихо добавила: — и насколько близко.

Потом Шарлотта надевает трусики.

Передо мной.

Не снимая обуви.

Одна щиколотка, потом другая. Прозрачные белые кружева соблазнительно скользят по гладким умопомрачительным ножкам. Я неотрывно слежу за всем этим процессом. Честно, я не смог бы отвести взгляд, даже если бы попытался. В эту секунду я начинаю понимать, что всю следующую неделю проведу со стояком. Заведенный до предела. Это ведь нормально, да? Какой вменяемый мужик сможет находиться рядом с великолепной женщиной, которая надевает пару прозрачных...

В голове происходит замыкание. Я сухо сглатываю.

Трусики уже на коленях. Скользят вверх по бедрам. Подбираются к голой...

— Закрой глаза, — шепчет она.

Я делаю это, потому что я джентльмен. Передо мной чернота и серебристые звезды, но я представляю, что сейчас происходит.

Ну да. Круглосуточный стояк. Остается смириться с палаткой в штанах. Я не в силах с этим бороться, поэтому даже не пытаюсь начинать.

— Ты можешь открыть глаза, — говорит Шарлотта, и я подчиняюсь. Шарлотта кивает на унитаз. — Садись, партнер. Давай продолжим опрос, пока я делаю прическу и макияж.

Мы обсудили наиболее важные моменты.

Она стягивает на себя все одеяло, а я сплю голым. Шарлотта не любит биться попами перед раковиной, наводя утром марафет. А мне по барабану, если мы будем чистить и полоскать зубы вдвоем. У нее больше двух десятков лосьонов, и она меняет их каждый день.

— Ясен пень, я не пользуюсь лосьонами, — говорю я, махнув на серебристую корзинку, полную флакончиков с различными ароматами. Там лежит апельсин, мед, ваниль, кокос и куча других. — И все же, мне кажется, у меня не будут спрашивать, какими средствами ты пользуешься.

— Я это прекрасно понимаю, — отвечает она и включает фен. — Но вся суть в ощущениях. Я с большей правдоподобностью смогу сыграть свою роль, если буду чувствовать, что мы знаем друг о друге все до мелочей. Например, на сушку волос мне нужно пять минут.

Я включаю секундомер и решаю прочитать главу триллера на телефоне, пока она сушит волосы. Странно, но сейчас я чувствую себя как дома. Словно мы на самом деле встречаемся, и я жду, пока моя женщина прихорашивается перед выходом в люди.

Хм...

Может дело в том, что все обстоит именно так.

С одним маленьким исключением: мы не встречаемся.

Звенит таймер. Походу Шарлотта закончила. Я отключаю приложение и убираю телефон в карман. Смотав шнур, она кладет фен в шкафчик и щелкает пальцами.

— Мы забыли одну очень важную деталь.

— Какую?

— А как мы поняли?

— Что именно?

— Не тупи. Как мы поняли, что влюбились друг в друга? — она говорит с такой нежной уверенностью, что на долю секунды я теряю связь с реальностью. Из головы вылетает, что мы репетируем, и я просто тяну время, пытаюсь собраться с мыслями. Вот тогда на меня обрушивается правда и желание расхохотаться. Мы не влюблены. Просто играем роли. Притворяемся.

Мы выходим из ванной на кухню, и я рассказываю ей историю нашей великой псевдолюбви, которую утром наплел отцу.

— Этого мало, — заявляет она. Каблучки стучат по деревянному полу.

— Почему? — спрашиваю я, когда она берет из холодильника кувшин охлажденного чая, а я достаю два стакана из шкафа. Шарлотта любит пить чай именно таким. Делает его сама из пакетиков «Питс», которые ей приходится заказывать на Амазон, с тех пор как эту марку для гурманов днем с огнем не сыщешь в Нью-Йорке.

— Нам нужно больше деталей, — говорит она и делает глоток. — Иначе дочурки мистера Оффермана первыми же засекут ложь. Девчонки ушлые, и если они выяснят правду, то доложат все папочке. Нам нужно быть более убедительными. Итак, однажды ночью в баре мы поняли, что влюблены друг в друга, так?

— Да. Всего несколько недель назад. Все случилось слишком быстро.

— Но с чего все началось? Мне нужны подробности. С чего конкретно начался наш

роман?

— Шарлотта, я рассказал эту историю отцу, и он не вдавался в подробности.

— Но женщины будут, — уверяет она, шевеля пальчиками без обручалки, — а стоит мне надеть кольцо, как все женщины будут ворковать над ним и спрашивать о нашей с тобой истории любви. Наверняка начнут завтра за ужином. Нам нужна история, — решительно заявляет она, расхаживая по маленькой кухне, а потом взволнованно и с блеском в глазах добавляет: — Я придумала! В четверг ночью после закрытия бара мы задержались выпить по бокалу вина, и ты в шутку сказал, что все вокруг считают нас парой, а я ответила: «А может нам стоит сойтись». Повисла неловкая пауза, — мягко говорит Шарлотта, словно вспоминая о неповторимой роковой ночи.

Я с головой ныряю в рассказ и добавляю деталей в нашу придуманную историю любви.

— Только неловкость тут не причем. Этот момент был поистине замечательным, — говорю я с влюбленной улыбкой, — в ту секунду мы поняли, что не равнодушны друг к другу.

— И мы поцеловались. Неистово и умопомрачительно. Ну, с этим все понятно.

Я насмешливо улыбаюсь.

— Не только поцелуй был крышесносным. У нас был запредельно великолепный секс, — добавляю я важную деталь.

Шарлотта краснеет и молча допивает чай. Я одним глотком осушаю свой стакан и отправляю посуду в посудомоечную машину, аккуратно выставляя ее в рядок. Все, как ей нравится.

— Тогда это упростит тот факт, что ты сделал мне вчера ночью предложение в баре. Ничего удивительно, ведь там все началось. Ты попросил у меня руки, когда все ушли. Опустился на одно колено и сказал: «К черту кольцо! Я не могу больше ждать. Ты должна стать моей».

— Отлично. Мне нравится. Не трудно запомнить.

Я закрываю посудомоечную машину и встречаюсь с взглядом Шарлотты. С карими омутами, полными нежности и ласки.

— Спенсер. Спасибо.

Я поглядываю на нее как на сумасшедшую.

— За то, что положил стаканы в посудомоечную машину?

— Нет. За вагон терпения. — Она разводит руками, словно хочет охватить всю квартиру. — Я заставила тебя пройти через все это. Но мне нужно было прочувствовать, словно все происходило на самом деле.

— Прочувствовала? Возникло ощущение, что ты скоро станешь миссис Холидэй?

Она смеется.

— Очень смешно. Эти два слова несовместимы, и мы их больше не услышим, — говорит она, рассеяно скользя по моей руке ладонью, когда мы выходим из кухни. — Ты по жизни закоренелый холостяк.

Я киваю, соглашаясь с этим заявлением. Отъявленный плейбой. Стопроцентный беззаботный холостяк. Свободную птицу невозможно заарканить и посадить в клетку.

— Однозначно.

Она тянется за своей сумочкой на столе в гостиной.

— Подожди. Есть еще один тест.

— Заставишь меня прыгать через еще один обруч? Блин. Ты меня убиваешь.

Она фыркает.

— Я не думаю, что выбор трусиков можно считать трудной задачей. Неважно, это тест для меня. Он последний. После этого я с уверенностью смогу пойти в магазин твоего отца. Не забывай это наш первый выход в свет как мистера Холидэя и его невесты.

Я скрещиваю руки, ожидая, ее дальнейших действий. Она смотрит мне в глаза с серьезным выражением лица и поджимает губы.

— Пощекочи меня и попробуй выведать правду.

Я скептически приподнимаю бровь.

— Ты это серьезно?

Она кивает.

— Как никогда. Ты же знаешь — это моя слабость, — говорит она, отступая к серой мягкой кушетке, и усаживается в море синих, красных и фиолетовых подушек. Шарлотта обожает яркие тона.

Она полулежит, золотистые пряди веером рассыпаются на ультрамариновой подушке.

— Вперед, — командует она. — Мне нужно знать, что я не поддамся. Не дрогну перед пыткой щекотками и тем самым не выдам тайну своего лучшего друга.

Я расстегиваю манжеты и закатываю рукава рубашки до предплечий.

— Никакой пощады, — просит она.

— Поблажки не в моем стиле.

— Заставь меня извиваться. Преврати это в пытку. Вынуди сдаться. Только так мы узнаем, смогу ли я неделю справиться этим спектаклем.

Я широко развожу руки.

— Что тут скажешь, Мамонтенок? Ты сама напросилась.

От кушетки меня отделяют считанные метры. Я бегу к Шарлотте и берусь за дело. Безжалостно щекочу и не позволяю ей улизнуть. Я не намерен поддаваться даже лучшему другу. Всецело отдаваясь моменту, я щекочу ее талию, и через наносекунду она начинает извиваться.

— Признайся... Ты ведь не помолвлена со Спенсером Холидэем? — требую я ответа, как суровый дознаватель.

— Клянусь, он будет моим муженьком, — вопит она, а я ужесточаю щекотку.

— Я тебе не верю. Говори правду. Это все игра. Он тебя заставил участвовать в этой аванюре.

Она визжит, мечется в безумной попытке выкарабкаться и сбежать подальше от меня. При этом вся сотрясается от неудержимого смеха.

— Я всегда была от него без ума.

— Не верю, — рычу я, вцепившись в ее бедра.

Она вполне могла бы сойти за угря, учитывая с каким упорством пытается сбежать. Шарлотта практически зарывается в подушки, стремясь вернуться от моих пальцев. Но я сильный, и намертво приклеился к ней. Я скольжу руками по ее бокам, а Шарлотта выгибает спину.

— О боже, нет!

Охринеть! Она чертовски боится щекотки. Просто невероятная чувствительность. Ее лицо искажается, нос сморщен, рот широко открыт от безудержного смеха.

— За что? Почему ты без ума от него? — требую я, изо всех сил стараясь лишить ее контроля. Она пытается меня остановить. Коленка подымается и едва не врезается мне в

живот. Я блокирую, и рефлекторный удар попадает на бедро. Совсем не больно.

— Потому что, — запыхавшись говорит она, а я скольжу пальцами по ее бокам, — он заставляет меня смеяться.

Я подбираюсь к подмышкам.

— Почему еще?

— Он для меня открывает двери, — говорит она на высокой ноте, когда я добираюсь до самого чувствительного места.

— Еще одна причина, — требую я, заключая ее в ловушку. Бедрями прижимаю Шарлотту к кушетке, зажав между ног ее ножку.

Ее смех вмиг обрывается, а глаза расширяются.

— Он огромный, — шепотом выдыхает она.

На несколько секунд мы оба замолкаем. Потом я одобрительно киваю и прекращаю пытку.

— Ты доказала свою преданность нашему делу.

Я смотрю на нее. Волосы разметались в диком беспорядке, черная блузка задралась на животе, показывая несколько сантиметров шелковистой плоти, а от ее прерывистого дыхания я завожусь еще сильнее. В эту же секунду мне нужно слезть с нее. Я на самом деле должен это сделать. Она замерла и не шевелится. Не борется, пытаюсь убежать. Мне следует встать, взять ее за руку и отправиться за кольцом.

Но необычное выражение ее глаз пленяет меня. Такого я не видел никогда. Она смотрит на меня с некой уязвимостью.

— Нам стоит попрактиковаться, — говорит она столь тихо, что слова как снежинки оседают в воздухе.

— Попрактиковаться? — повторяю я, почти наверняка зная, о чем речь, но не хочу заранее строить неправильные предположения.

Приоткрыв рот, она скользит язычком по нижней губе.

— В том, чем мы занимались на улице. Надо, чтобы все выглядело правдоподобно.

— Еще один тест?

Она кивает.

— Мне даже представить сложно недавно обручившуюся парочку, которая хоть бы раз за вечер не поцеловалась. Как считаешь, это добавит нашим отношениям большей правдоподобности? Со стороны не должно казаться, что это наш первый поцелуй.

— Согласен. Как в кино, где парень с девушкой вынуждены снять один гостиничный номер, поэтому они прикидываются молодоженами. На ужине хозяин заведения, говорит: «Черт возьми, парень! Целуй девчонку^[6]». Ты сейчас об этом, да?

Она улыбается, а потом прикусывает уголок губы, точно так же как недавно в кафетерии. Тогда я подавил желание поцеловать ее, а сейчас не собираюсь этого делать. Я прижимаюсь к ней губами и целую.

Очень нежно.

Чуть отстраняюсь. Шарлотта прерывисто дышит, а ее грудь подымается и опадает. Глаза неистово блестят.

— Ты этого хотела?

— Нет, — отвечает она.

— Тогда чего же?

— Настоящего поцелуя. Хочу знать, как мой жених целуется по-настоящему. Не просто

нежный поцелуй на улице.

— Настоящий поцелуй. Ты уверена?

— Да. А почему я должна сомневаться? Ты ведь неплохо целуешься? — Она прижимает ладонь к рту. — Вот черт. В этом все дело. Значит ты в поцелуях не мастер, — говорит она, убирая руку ото рта.

— Вот теперь я обязан доказать, насколько ты ошибаешься. Клянусь, я поцелую тебя как следует.

— И как же?

Я смотрю Шарлотте в глаза, прижимаюсь бедрами к ее бедрам, чтобы она полностью меня почувствовала, а потом говорю:

— От настоящего поцелуя ты должна намочить трусики.

Она ахает, а я погружаю свой язык в ее ротик, заглушая этот звук.

Наш первый поцелуй был за Шарлоттой. На улице она застала меня врасплох, но сейчас главный я.

Я полностью контролирую ситуацию. Руководжу процессом. И я хочу подразнить ее. Заставить снова извиваться подо мной, но уже от желания. На этот раз она будет изгибаться, стремясь приблизиться, а не удрать.

Я скольжу языком по ее губам, и она их открывает, умоляя углубить поцелуй. Я не собираюсь потворствовать ее желаниям. Вместо этого перемещаюсь к подбородку, целую, а потом прокладываю губами дорожку по нежной коже к ушку. У нее восхитительная на вкус кожа, как спелая от солнца вишня. Возможно, все дело в лосьоне, который она недавно нанесла на тело, а может, это ее естественный запах. В любом случае, он сводит меня с ума. Тело гудит от желания, когда я достигаю губами уха. Ласкаю языком мочку. У Шарлотты вырывается стон.

— Ааах...

Тогда на улице это был совсем другой полустон-полувздок. Сейчас она стонет громче, не сдерживаясь, более развязано.

И мне это чертовски нравится.

Шарлотта стремительно прижимается ко мне бедрами.

Я украдкой люблюсь румянцем на ее щеках, слегка припухшими губами и закрытыми глазами. Она лежит передо мной как кусок шоколадного торта, который я жажду попробовать. Все без остатка. Сию секунду! И до последней крошки.

Зарываюсь пятерней в ее волосы. Светлые пряди переливаются между пальцев, как расплавленное золото. Не в силах сопротивляться желанию я слегка тяну назад эту копну фантастических волос. У Шарлотты со вздохом вырывается тихий стон. Пальцы путаются в волосах, и я обхватываю руками ее голову, надежно удерживая на месте.

Возвращаясь к ее рту, я прекращаю подразнивания.

Вместо этого пускаюсь во все тяжкие.

С пол-оборота достигаю пика.

Жадно целую.

Упиваюсь ею.

Наши языки переплетены, губы трутся друг о друга. Клянусь, Шарлотта млеет со мной, подо мной и даже во мне. Вождение стремительно растекается по венам. Член в штанах налит как камень. В голове бьется одна мысль: поцелуем заставить Шарлотту извиваться от желания.

Мне требуется вся сила воли, чтобы сдержаться и не сжать руками ее бедра, скользнув рукой под юбку к упомрачительно тонкому белому бикини. Но у меня нет необходимости проверять, насколько она завелась. Мне это и так известно. Шарлотту с головой выдают тихие стоны и то, как она обнимает меня за шею, зарываясь пальцами в волосах. И бесспорно, это понятно по мягким толчкам. Ее бедра приподнимаются, стремясь ко мне. На этой ноте мое самообладание летит к чертям.

Быстро передвинувшись, я вклиниваюсь между ее бедер, толкаясь ей навстречу. С ее губ срывается сексуальный стон. Ладони Шарлотты сжимают мою задницу. Остатки самообладания тают на глазах, когда она раздвигает для меня ноги. Явное приглашение трахнуться на кушетке.

Вот черт, как же я хочу это сделать. И если я подамся желанию, через пару секунд ее бедра будут вокруг моей талии, и я захочу отыметь ее как следует. Народ, какого черта я могу этого не желать? Она такая сексапильная, уже готовенькая, и полна желания ринутся в бой.

Я хочу сдернуть кружевные трусики и овладеть ее телом.

Но она моя лучшая подруга, и я не могу так поступить с ней.

Каким-то образом здравый смысл берет верх, лишая член контроля.

Я разрываю поцелуй, отскакиваю от нее и в считанные секунды стою на ногах. Мне нужен поток воздуха и пространство, чтобы прочистить мозги. Если я сейчас не свалю отсюда, то заведу нас в непроходимые дебри. Меньше всего я хочу, чтобы она знала о моей внутренней борьбе, поэтому беспечно пожав плечами, я заявляю:

— Мне даже не нужно спрашивать, завелась ли ты.

Она моргает, а потом усмехается.

Шарлотта садится и расправляет плечи.

— Не сомневаюсь, ты хотел бы это узнать, наглец, — говорит она, поправляя блузку и юбку.

Да уж, момент слегка неловкий. Мы едва не занялись петтингом, а теперь обмениваемся колкостями, и, несмотря на это, я ее безумно хочу. Это не должно повториться. Тест удачно пройден, теперь она с легкостью сможет изобразить мою невесту. На этом точка! Хоть умри, а шоу надо довести до конца.

Семейное шоу. Не гребаное порно.

Она встает и идет в спальню, а я по полной использую перерыв. Пытаясь настроиться, с глубоким вздохом представляю раздевалку полную волосатых мужиков.

Блин, меня сейчас вырвет.

Но фокус срабатывает. Эрекция исчезает.

Шарлотта возвращается, и когда наклоняется за сумочкой, я замечаю, что на ней черные кружевные стринги. Я отворачиваюсь, чтобы скрыть наглую самоуверенную ухмылку.

— Так что насчет «Метс»^[7]?

Как только двери лифта открываются на ее этаже, я пытаюсь увести разговор подальше от нашей «практики» на кушетке. Это была генеральная репетиция. Больше такое не повторится. Баста! Слишком опасно.

— У них хороший сезон, — говорит она, и, как ни в чем не бывало поправляя ремешок сумочки на плече.

— Это заслуга отменных подач питчера, — говорю я, нажимая на кнопку первого этажа. Интересно, когда мы последний раз говорили о бейсболе, пытаюсь уйти от неловкой ситуации?

Шарлотта у нас тащится от бейсбола, а все из-за тайных грез профессиональной лиги. Я ей постоянно твержу, что если наши бары прогорят, то ей следует стать генеральным менеджером команды, но Шарлотта отшучивается, что бейсбол — это любовь, которую нужно сохранить непорочной.

Ни о какой «непорочности» в данную секунду не может быть и речи. Мы застряли в реально неловкой ситуации, а бейсбол превратился в треклятую метафору.

— По-прежнему убиваешь время на подбор личной звездной команды?

Она поворачивается ко мне, в карих глазах горит неподдельная решимость.

— Я не шутила, говоря, что тебе придется забыть об интрижках на неделю. Мне нужно знать, что тебя устраивает расклад и это не станет проблемой, даже когда мы не играем на публику.

Походу мы закончили с баскетбольной фигней.

— Конечно, — быстро отвечаю я, дергая за галстук с явной обидой. — Поверить не могу, что ты считаешь, будто я не смогу прожить неделю без секса.

Лифт спускается, а Шарлотта качает головой.

— Ты можешь посчитать это глупостью, как и фальшивые отношения, но после Брэдли...

— Шарлотта, клянусь. На неделю я в завязке, — уверяю я, подняв три пальца^[8]. — Слово скаута.

— Ты никогда не был бойскаутом.

— Твоя правда. Но я не обманываю какими бы не были отношения: фальшивыми или настоящими.

Шарлотта вопросительно приподнимает бровь.

— Настоящими? А у тебя они когда-то были?

— Конечно. И под «настоящими» ты имеешь в виду те, где я знаю фамилию девушки? — говорю я с невозмутимым видом

Она скрещивает руки на груди.

— Давай-ка я чуть перефразирую. Ты когда-нибудь с кем-нибудь встречался больше двух недель?

Я презрительно фыркаю.

— Две недели. Ты гонишь?

— Аманда из колледжа не в счет.

— Почему? Я был с ней четыре месяца. Ну да ладно. В любом случае у меня были серьезные отношения, — говорю я, хотя чертовски уверен в обратном. Но суть этого разговора не в моей способности к длительным отношениям. Тут главный вопрос, может ли мой член поддерживать моногамию. — Я тебе пообещал и буду держать свое либидо в узде. Считай, на мне пояс верности. Но эта сделка двухсторонняя, и ты со мной в одной лодке.

— На этот счет не стоит волноваться.

— То есть для тебя это не проблема? — спрашиваю я, когда лифт останавливается на первом этаже.

Она усмехается.

— Как будто у меня есть варианты.

— Значит на этой неделе у тебя не намечалось страстных свиданий?

Она поднимает руки, растопырив все пальцы.

— Их не было уже десять месяцев, — резко отвечает она, и двери лифта раскрываются.

Мы проходим через фойе на улицу, где нас уже ждет такси. Я открываю дверь, и Шарлотта усаживается на сиденье. Я сажусь рядом. Мы пристегиваемся.

Наконец-то все отлично, мы выбрались из пучины смущения. Сейчас между нами все, как всегда.

— То есть ты десять месяцев ни с кем не встречаешься? — уточняю я, зная, что после разрыва она никем серьезно не увлеклась. Но если задуматься, то, что Шарлотта не упоминала о свиданиях не означает, что их совсем не было.

Она качает головой.

— Никаких отношений. Свиданий. Поцелуев. Ничего.

Десять месяцев без секса. Это же целая вечность. Я бы, скорее всего, не выдержал дольше десяти дней. Может, четырнадцати, но эти две недели превратились бы в пытку. Она, наверное, по полной программе отрывается с «игрушками».

Вот черт! Теперь я представляю Шарлотту в постели с фиолетовым вибратором-кроликом. Ноги широко раздвинуты, рука полностью контролирует скорость проникновения, дыхание тяжелое и отрывистое.

Спасибо, мозг, за этот фантастический образ, благодаря которому все рациональные мысли улетучились из головы.

Иногда я поражаюсь, как мужчины справляются со всеми своими развратными фантазиями. По сути, я удивлен, как нам, мужикам, удастся хоть с чем-то справиться, когда в башке творится такой хаос. Чудо, что мы можем зашнуровать ботинки и расчесывать волосы.

Вдруг до меня доходит. Этот поцелуй на кушетки. И тот на улице. Это ее первые поцелуи за десять месяцев. Мои и только мои! На меня накатывает счастье. Я первый парень, с которым она целовалась за целую тучу времени. Хотя это вроде как бессмысленно, но я безумно рад. А еще более безрассудной кажется волна собственнического инстинкта, пронесшаяся по венам. Я не хочу, чтобы Шарлотту целовал кто-то другой.

В смысле следующую неделю, ясен пень.

Откуда вообще такое собственническое желание?

— Кстати, — говорит Шарлотта, когда автомобиль подъезжает к магазину, — как это все закончится?

— У нас?

Она кивает.

— Фальшивая помолвка.

— Думаю, мы понарошку расстанемся, — говорю я, хотя даже не задумывался об этом. Может, потому что не планировал это заранее. Все вышло спонтанно.

— В конце недели? — спрашивает она, когда мы подходим к сверкающим дверям нью-йоркского ювелирного магазина, который был частью моей жизни сколько себя помню.

— Ага, настоящий поддельный разрыв, — подчеркиваю я, чтобы скрепить сделку, прежде чем куплю ей кольцо. У которого есть срок годности, как и у нашего запланированного романа.

Разрыв неизбежен.

* * *

За час, который мы проводим в «Катрине», я узнаю три вещи: Шарлотте нравится держаться за руки, обнимать меня за талию и перебирать пальчиками мои волосы.

Кроме этого, у нее поистине шаловливые ручки, которые она самоотверженно пускает в ход. А еще у нее безупречный вкус. Шарлотта выбрала платиновое кольцо с двух каратным бриллиантом в огранке «принцесса».

— Именно об этом кольце я всегда мечтала, — заявляет высокой шатенке с аккуратным пучком на голове, опрятной шелковой блузке и серой юбке. Это Нина, правая рука моего отца.

Клянусь, Шарлотта сейчас на седьмом небе от счастья. Она ведет себя как смущенная невеста. Нина ослепительно улыбается.

— Тогда давай убедимся, что хрустальная туфелька будет сидеть на тебе идеально, — говорит она и уходит в подсобное помещение за нужным размером.

— Ты профи, — говорю я, убедившись, что Нина нас не услышит. Шарлотта пренебрежительно машет рукой, а я не унимаюсь. — Нет, серьезно. Тебе гарантирован Оскар за роль восторженной невесты.

Она пробегает пальцами по стеклянной витрине и пожимает плечами, словно в ее игре нет ничего сложного.

— Мне нравятся бриллианты. Это все упрощает.

— Ах, так в дело вступила Честная Шарлотта? И мисс Честность любит драгоценности? Она кивает.

— Именно, она обожает огранку «принцесса» и платину. В прошлом году, когда моя подруга Кристин обручилась, я за нее ужасно радовалась и как дурочка пялилась на великолепную обручалку. Но самое важное: она была очень счастлива и безумно влюблена. Так что мне не нужно изображать восторг при виде обручальных колец.

Я вижу неподдельную искренность в ее глазах. В карих омутах нет и намек на лукавство. Она от души наслаждается происходящим. Вероятно, не «браком» со мной. Но самой идеей в целом.

Правда сбивает с ног и мне тяжело совладать с эмоциями, поэтому я перевожу все в шутку.

— А если бы это было кольцо на мизинец? Если бы я подарил тебе золотое колечко с огромным бриллиантом? Тебе бы оно подошло?

Она наклоняется, озорно приподнимая брови.

— Спасибо за подсказку, лапуля. Теперь я знаю, какой тебе сделать свадебный подарок. Нина возвращается и говорит, что кольцо будет готово через пятнадцать минут.

— Спасибо, жду не дождусь, — говорит Шарлотта, и теперь я знаю, что она не кривит душой и полностью честна с Ниной.

Но я лгу и чувствую себя конченным мерзавцем. Я много лет знаю Нину: она нянчилась со мной и с Харпер. После открытия «Катрин» на Парк-авеню она стала первой папиной сотрудницей. Начав с продавца, она долгие годы поднималась по карьерной лестнице, и когда магазин превратился в международную сеть стала вице-президентом. Папа частенько повторяет, что моя мама и Нина помогли ему принять большую часть важных деловых решений за последние тридцать лет. Они его главные советники.

— Я так за вас рада. А еще очень счастлива, что именно ты подтолкнула его стать на колени, — говорит Нина Шарлотте, которая отводит взгляд. Нина опирается бедром на витрину с бриллиантовыми теннисными браслетами и легонько хлопает меня по руке.

— Мне до сих пор не верится, что ты женишься.

— Думаешь, это сон? Может, мне стоит себя ущипнуть, — говорю я и щипаю себя за предплечье, старательно игнорируя грызущее чувство вины. Я не могу позволить лжи отравить мое существование. Все для благого дела, никто не пострадает. К тому же, я не первый мужчина в истории человечества, которому понадобилась фальшивая невеста.

— Я помню тебя безрассудным пятилетним мальчишкой, словно это было вчера, — говорит Нина с взглядом полным ностальгии.

— В голове не укладывается, как отец позволял мне в таком возрасте находиться в магазине, — говорю я, вспоминая сколько времени провел в этом роскошном месте. Я знаю здесь каждый уголок вдоль и поперек. Пять этажей утонченности, блеска и гламура. За стеклянными витринами и на вершине мраморных пьедесталов сверкают бриллианты, а бордовый ковер настолько мягкий, что хочется свернуться и заснуть на нем.

Или наворачивать круги, как я и делал в детстве.

— Ты был неугомонный, — говорит Нина, качая пальчиком. Она улыбается, и в уголках серых глаз собираются морщинки.

— Насколько? — спрашивает Шарлотта.

Я слышу в ее голосе любопытство с примесью лукавства. Шарлотта бросает на меня беглый взгляд, и я тут же понимаю, где зарыта собака. Она пытается выудить на меня компромат, а потом когда я потеряю бдительность, нежданно-негаданно начнет дразнить.

С радостным смехом Нина начинает колотиться.

— Маленький Спенсер был сущим наказанием. Однажды, его мать уехала к родственникам за город, и отец привел Спенсера в магазин за час до открытия. Так этот маленький дьяволенок сразу начал носиться, как заведенный, сметая все на своем пути, — рассказывает она и копирует меня, размахивая руками.

Шарлотта смеется, а меня передергивает от неловкости.

— Могу представить.

— Ох, это было только началом хаоса, который он пытался посеять. Во время одного из своих марафонских забегов вокруг магазина, Спенсер опрокинул стенд с рубинами. А как-то раз он вытащил из витрины бархатную подкладку и повязал себе как накидку, — продолжает делиться подробностями Нина, и у Шарлоты подрагивают губы от смеха. — Но, — протягивает Нина, сузив глаза и подняв палец, — у меня было решение.

— Снотворное? — игриво спрашивает Шарлотта и сжимает мою руку.

Я сдерживаю стон, прекрасно зная, к чему все идет.

— О, я могла лишь мечтать, чтобы маленький негодник заснул, пока его отец был на встречах. Вместо этого, я пошла в магазин модных аксессуаров для животных в конце квартала и купила поводок, который прикрепила к петлям на поясе его вельветовых брюк.

Шарлотта прижимает пальцы к губам, а я роняю голову на ладонь. Ну вот оно! История, от которой я сгораю от стыда. Не знаю, что хуже: поводок или вельветовые брюки.

— Вы выгуливали его по магазину на поводке? — спрашивает Шарлотта, и каждое слово звенит четче от возрастающего интереса.

Нина кивает, гордясь своим решением проблемы. Она похлопывает себя по ноге, как заядлый кинолог, и тихо свистит.

— Ко мне, мальчик, — говорит она, содрогаясь от смеха. — Ему это нравилось. Он так привязался к поводку, как маленький кокер-спаниель.

— Потрясающе. С другой стороны, он еще тот кобель, — весело говорит Шарлотта, покачивая головой.

Я закатываю глаза, но женщины продолжают стёб.

— Разве они не все такие? Я про мужчин, — добродушно заявляет Нина.

Шарлотта кивает.

— Хорошо, что я люблю собак.

— К тому же, у меня было всего два варианта: или надеть на него поводок, или позволить маленькому сорванцу разгромить все витрины с бриллиантами. С годами он наигрался. В хорошем смысле слова, — говорит Нина, глядя меня по щеке. — А с тобой он еще больше наберется ума-разума, согласна? — обращается она к Шарлотте. Та слатывает и выглядит напряженной. Ее глаза расширились. Я замираю.

Блин!

Походу наша песня спета.

Сейчас Шарлотта расколется.

— Не правда ли? — настаивает Нина, пытаясь привлечь внимание оцепеневшей Шарлотты.

На ее щеках вспыхивает румянец, она сейчас выложит все как есть. Презентует длинную неказистую правду на золотом блюдечке с голубой каемочкой, украшенную белым нелепым бантом. Шарлотта с легкостью справилась с покупкой обручалки. Но все прошло гладко только благодаря ее всепоглощающей любви к драгоценностям. А сейчас, видно, мы подобралась к сложной части представления. Вот черт, я вижу ужас в ее глазах.

Слов не слышно, но ее губы двигаются. Я сжимаю руку Шарлотты, пытаюсь ее растормошить и заставить ответить на вопрос. Если она и дальше будет молчать, мне придется вмешаться. Кое-как ей удастся выдавить из себя нервную улыбку. Она подмигивает Нине и наконец говорит:

— Если честно, он так и остался проказником. Так что, если у вас остался тот поводок, я хотела бы его позаимствовать.

Нина хохочет, запрокинув голову, а потом опускает руку на плечо Шарлотты и шепчет:

— Ох, как же мне нравится дикая энергетика недавно помолвленных парочек.

Нина, извинившись, уходит за кольцом, а Шарлотта впивается в меня взглядом.

— Ты ведь подумал, что я раскрою наше прикрытие?

Я показываю большим и указательным пальцем насколько она права.

— Ты была близка к этому, не так ли?

Она вопросительно приподнимает бровь.

— Возможно, я хотела заставить тебя понервничать.

— Ты коварная женщина, — говорю я, прищурив глаза.

Она скользит пальцами по моей руке.

— Или, возможно, я просто представляла тебя на поводке, — заявляет она с видом кошки, которая не только слопала канарейку, но и накормила ей всю свою чертову семейку. — Ты же в курсе, что теперь у меня на руках козырь? История о Спенсере на поводке. Но еще прикольной, что она назвала тебя кокер-спаниелем, — продолжает она подтрунивать надо мной с хитрой ухмылкой, намекая, что я влип.

— Что тут скажешь? Походу, уже тогда я был кобелем.

По крайней мере я снова могу дышать полной грудью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так тебе это до сих пор нравится? Гулять на поводке? — говорит она, толкая меня локтем.

— Ты таким способом подбиваешь меня на что-то извращенное и непристойное?

— Нет. Просто пытаюсь выведать насколько далеко зашла та фантастическая история, о которой я смогу упомянуть в баре или рассказать Нику, Кристин или твоей сестренке, — говорит она, делая вид, что выгуливает собачку.

Но я не так себе представляю эту картину. Даже близко. Пора ей узнать, как я тащусь по ролевым играм. Наклонившись к Шарлотте, я убираю ее волосы с плеча и шепчу на ухо:

— Если кого и свяжут, то только тебя. И это будет не поводок. Шарф, чулки или те мега сексуальные, как грех, стринги, которые тебе пришлось надеть вместо белого бикини, что промокли от моего поцелуя. Я бы обернул эти черные кружева вокруг запястий и крепко завязал у тебя за спиной, и ты бы не вырвалась, пока не стала бы умолять меня о ласках.

У нее перехватывает дыхание.

Шарлотта вздрагивает, по ее телу бегут мурашки. Она хватается за рубашку и сжимает пальцами пуговицу. Охренеть... ей явно по душе эта идея. Это чувствуется в воздухе. Протоны и электроны гудят от напряжения, исходящего от ее тела.

Я вдыхаю.

Пахнет сексуальным влечением.

Ума не приложу, что мне с этим делать.

Если честно, не знаю, какого хрена все это наговорил. По сути, мне даже в голову не должны лезть мысли, как затащить Шарлотту в кровать, тем более я не должен думать о «фиксировании» и ролевых играх с ее участием.

К счастью, возвращается Нина с кольцом.

— Быстрая подгонка для особенных клиентов, — говорит она с улыбкой на лице.

«Невеста» протягивает руку, и я надеваю бриллиантовое кольцо на пальчик Шарлотты. На секунду наши взгляды встречаются. Я пытаюсь прочесть выражение ее глаз и понять, думаем ли мы об одном и том же: насколько невероятно происходящее. Я, нью-йоркский ловелас, надеваю кольцо на чей-то палец.

Пусть даже временно.

Может, Шарлотте это тоже кажется странным.

Я вглядываюсь в ее лицо, но из-за ее серьезного вида не сразу могу понять, что с ней происходит. Каково ей впервые с обручалкой на пальце. Потом я замечаю тень печали в больших карих глазах. Сердце сжимается в тиски. Наверно, сейчас она вспоминает, как

десять месяцев назад бывший возлюбленный разбил ей сердце.

Хорошо, что я никогда так не поступлю. Я не в силах причинить ей такую боль.

Я быстро целую Шарлотту в щеку, отдаю Нине свою платиновую карту и трачу около десяти тысяч долларов на кольцо.

Вечером, на работе, я замечаю, что Шарлотта его сняла.

На следующий день я стою и наблюдаю, как маленький белый шар пролетает высоко в воздухе и приземляется на искусственный газон где-то в четырех с половиной метрах от нас.

— Отстой, приятель, — говорю я Нику.

— Я в курсе.

Он хватает еще один мяч, устанавливает его на «тишку^[9]» и размахивается клюшкой. Мяч высоко взмывает, едва не задев черную сетку, и падает на зеленую тропинку старого пирса, расположенного на реке Гудзон. Рядом с драйвинг-рэйнджем^[10] на обед пришвартовались два белых круизных катера, а над головой у нас простирается голубое небо. Мы в спортивно-развлекательном комплексе «Челси-пирс^[11]», где Ник отрабатывает удары в гольф.

— Мне неприятно об этом говорить, но я сильно сомневаюсь, что твоего нового начальника впечатлят такие удары. Может, вместо этого уговоришь его сыграть с нами в софтбол?

Он презрительно усмехается.

— Вряд ли. Мой начальник одержим гольфом. Говорят, он оказывает покровительство и отдает лучшее время в тайм слоте только тем продюсерам, что разделяют его увлечение.

— Сумасшествие. Но если это правда, то тогда при ударе тебе не следует так размахивать плечом, а сделать упор на бедра, — советую я. В школе я от скуки занимался гольфом.

Я стараюсь об этом не трепаться, чтоб не выглядеть высокомерным снобом. Или слишком старым. Но если это поможет моему приятелю, то я с радостью поделюсь с ним всеми секретами игры.

Ник поднимает голову и смотрит на меня через очки в черной оправе. Каштановые волосы падают на лоб.

— Только не смей лапать меня за бедра и все показывать.

Я со смехом подымаю руки сдаваясь.

— Будь уверен, этого никогда не произойдет, — говорю я, отходя в сторону и не мешая Нику с очередной попыткой.

На этот раз все не так печально. Мяч пролетает по дуге, приземляется и аккуратно катится по травке.

— Ну, вот видишь, так держать, — говорю я. — Напиши об этом в своем следующем эпизоде. Приятель Мистера Оргазма спасает друга от полного фиаско на гольфовом поле перед новым начальником.

Ник Хаммер — мегазвезда в телевизионном мире. В школе он был тихим ботаником, вечно уткнувшимся в блокнот. Там он рисовал комиксы с пошлинкой, которые затем выкладывал в интернет. Через десять лет он применил свой талант в анимированном шоу «Приключение мистера Оргазма». Веселом пошлом сериале, который крутят поздно ночью по кабельному «Камеди нэйшен». Его герой — анимационный персонаж в плаще крестonosца, со священной миссией дарить женщинам заоблачный оргазм. Уверен, это была тайная мечта Ника в школе. Теперь же это стало реальностью, а искусство — отражением его жизни. Хотя Ник так и остался тихоней, женщины стали его замечать. Он нарастил

мышечную массу, покрыл руки татуировками, эскиз которых придумал сам, и, главное, нашел мужество наконец заговорить с противоположным полом. Результат? Поистине волшебный. Парень превратился в мартовского кота, и я подозреваю, что очки и скромное «Я бывший ботан, а теперь звездная персона» играет ему только на руку с дамочками.

— И как, по-твоему, я вплету в сюжетную линию игру в гольф? — сухо спрашивает он.

Я пожимаю плечами и хлопаю его по плечу.

— Без понятия. Поэтому, мой друг, писатель у нас ты. Твоя обязанность придумать, как операция «спорт» впишется в формат шоу. Кстати, о сюжете... мне нужна небольшая помощь, — говорю я, подходя к цели нашей незапланированной встречи.

Отложив клюшку, он изгибает палец.

— Это называется точка Джи. Ты найдешь ее внутри женщины. Когда попадешь в нужный угол, она кончит сильнее, чем когда-либо. Что-нибудь еще?

Я притворяюсь, что бью барабанную дробь перед тем, как сделать кульминационное признание и рассказываю ему о своем временном статусе «жениха».

Насмеявшись вволю — поправочка, от всей души поржав, — над моим затруднительным положением, он спрашивает:

— Это так ты меня просишь стать шафером? Фальшивая свадьба тоже намечается?

Я смеюсь и качаю головой.

— Не будет никакой свадьбы. Никогда. Но мне нужно не это. На выходных, во время следующей игры в софтбол, к нам присоединится отец и его покупатель. Все, что от тебя потребуется, это подыграть мне. Если вдруг об этом пойдет речь, то не удивляйся и постарайся не вызывать подозрений.

Мой папа собрал разновозрастную команду по софтболу, спонсируемую «Катрин», и в этом году позвал нас с Ником в команду. И софтбол дается другу явно лучше, чем гольф.

Ник кивает пару раз, словно обдумывая предложение, а потом поглаживает подбородок.

— Давай-ка расставим все по местам. Ты просишь меня подыгрывать всей придуманной тобой хренотени? Без проблем. Думаю, я справлюсь с этим.

Я закатываю глаза.

— Именно поэтому я на тебя полагаюсь. Бездонный колодец сарказма.

— От такого же слышу, — заявляет он с ухмылкой.

— Мне пора на ужин к мистеру Офферману. Если что, я тебе позже позвоню.

Я направляюсь к выходу.

— Значит, я больше не смогу подкатывать к Шарлотте? — окликает меня Ник.

Мои плечи мгновенно напрягаются. Огненная лава ревности возвращается с удвоенной силой, и словно объятый пламенем ястреб бросается с неба, впиваясь здоровенными когтями. Я напоминаю себе, что Ник шутит. Причем всегда. Он у нас любитель прикалываться. А я ни капельки не ревнивец и не собственник. Ястреб превращается в голубя.

— По крайней мере, неделю или около того, — отвечаю я. — А потом она вся твоя.

Это заявление кажутся таким неправильными, что режут слух. Даже если она не моя, Шарлотта не может стать девушкой Ника.

А я не гребанный голубь мира.

— Мне всегда казалось, что вы отлично смотрите вместе, словно сладкая парочка «Твикс», — говорит он приторно сладким голосом.

Так и слышу, как он изображает поцелуи. Вдобавок, стопудово, напевает «Kissing tree».

Одно ясно как день, мне не стоит спускать с него глаз.

А еще нужно поработать над ролью.

Учитывая, что все это просто игра.

Ничего более.

Великолепный стейк, вкусный «Цезарь», приятное вино.

Как и разговор.

Пока все идет гладко. Мы говорим о драгоценностях, частных школах, софтбольных лигах и прекрасной погоде. Интересно, сможем ли мы закончить вечер на этой дружеской ноте и избежать неприятностей?

Возможно. Когда мы приехали в ресторан, семейство Офферман поздравило меня и мою невесту с помолвкой, а стоило Шарлотте «блеснуть» кольцом, как все женщины начали охать и ахать. Включая мою сестренку. Она рассыпалась в поздравлениях, а потом стиснула меня в объятия и прошептала на ухо:

— Меня вокруг пальца не обвести, но я тебя прикрою.

Походу, невозможно надурить фокусницу. Она с легкостью разгадывает любые трюки и наш мулж с помолвкой не исключение.

— Спасибо. Я у тебя в долгу.

— Вот именно. Тем более, я еще не простила тебя за Санта-Клауса, — прошипела она, а потом разомкнула объятия и широко улыбнулась на камеру.

Репортер из «Жизнь и Время Метрополиса», явно не охотился за скандалами и сенсациями, так что надолго не задержался. Мне кажется, он стажер, и это доказывает, что статья заказная. Паренек задал несколько вопросов отцу и мистеру Офферману о продаже семейного бизнеса, сделал пару общих снимков и слинял.

Похоже, спать он ложится в детское время.

Прост, как три цента.

Наш ужин в фешенебельном стейк-хаус, который находится практически в центре Манхэттена, подходил к концу. Внутри ресторана царит особая атмосфера благодаря белоснежным скатертям, дубовым столам, официантам в костюмах и мягкому освещению. Я отрезал кусочек от медальона и глазам своим не поверил, когда кое-что заметил. Эмили, старшая дочь мистера Оффермана, сидела напротив и не спускала с меня глаз, при этом накручивая на палец прядь черных длинных волос.

О-ля-ля!

Мне этот взгляд знаком. Так на меня посматривают женщины через барную стойку, когда пытаются закадрить. На меня накатывает беспокойство. Девчонка хлопает ресничками?

Я отвожу взгляд и подношу кусочек мяса к губам, а потом медленно жую и глотаю. Беру бокал и запиваю вином. Что-то скользит вдоль носка моего ботинка. И это «что-то» очень напоминает ножку юной леди.

Нет.

Ни хрена подобного!

Эмили пытается ко мне подкатить?

Грудь словно стягивают тисками.

Я отодвигаю ногу подальше.

Моя сестра громко смеется.

Маленькая паршивая приколистка. Она сидит рядом с Эмили.

Моя мать поворачивается к Харпер с лучезарной улыбкой.

— Что смешного?

Она кивает, отчего подпрыгивает рыжий хвост, и улыбается.

— Просто вспомнила одну забавную шутку.

— Поделишься? Или она не совсем уместна? — вежливо спрашивает мама. Она тоже хочет, ради папы, чтобы ужин прошел хорошо. Плюс она не отстала от жизни. И, если Харпер знает хороший анекдот без пошлостей, мама с радостью его послушает. У нее отличное чувство юмора.

Сестра кладет вилку на стол.

— Наоборот, как раз в тему. Можно сказать, идеально подходит Спенсеру, — говорит Харпер, сверля меня взглядом. Она откашливается, привлекая внимание всех за столом.

Без понятия, что она задумала, сажусь ровно, а нервы звенят от напряжения. Харпер обещала не раскрывать мой секрет, но она слишком долго искала способ отомстить за Санта Клауса. Мне тогда казалось, что пятикласснице уже пора прекращать верить в сказки. Тогда со слезами на глазах она поклялась отомстить мне за разрушенную веру в чудеса.

И лучше ей сейчас не вымещать на мне детскую обиду. В противном случае я подвешу ее вверх тормашками над перилами, пока она не начнет молить о пощаде. Ой, погодите-ка. Такое могло прийти в голову только десятилетнему Спенсеру. А взрослый я никогда бы такого не сделал. Вместо этого, когда она в следующий раз притащит домой ухажера, я покажу ему семейный альбом. Фотку сестренки со второго класса. На ней у Харпер стрижка, сделанная ей собственноручно.

— Я прям сгораю от любопытства, — говорю я, откидываясь на спинку стула.

Вперед, сестренка.

Вздернув подбородок, она начинает рассказывать анекдот:

— Почему слепец не мог видаться с друзьями?

— И почему? — с любопытством спрашивает миссис Офферман, нахмутив брови. «Из-за слепоты», — отвечает она самой себе с довольным видом.

Харпер, выдержав паузу, наклоняется и смотрит мне в глаза:

— Потому что он был женат.

Харпер удается развеселить всех за столом. По крайней мере, всех, кому больше двадцати. Дочери мистера Оффермана натянуто улыбаются, но Харпер нет нужды их развлекать. Они и так готовы есть с ее рук после обсуждения поп-музыки и советов для более удачного селфи. Плюс дополнительные баллы она получила за «только представьте себе это видео-селфи».

— Думаешь, и с тобой такое скоро приключится, Спенсер? — спрашивает моя сестра, невинно хлопая ресницами, и подпирает подбородок руками.

Ну и чертенок.

— Нет, Шарлотта у меня замечательная, — говорю я, пытаюсь пнуть под столом Харпер. В смысле слегка толкнуть ногу. Но вместо этого вскрикивает Эмили.

— Ай, больно!

Вот блин! Ошибочка вышла!

— Что случилось, дорогая? — Миссис Офферман переводит взгляд на старшую дочь. Эта миниатюрная женщина большую часть ужина суетилась вокруг своей семьи как курица-наседка.

— Кто-то меня пнул, — раздраженно говорит Эмили.

Зоркие голубые глаза недовольной матери устремляются в мою сторону, пытаюсь вычислить виновника происшествия. Меня аж внутри передергивает. Черт, не могу поверить, что умудрился облажаться, и все из-за собственной сестры.

Пытаюсь придумать хорошую отмазку, но не успеваю произнести ни слова. Шарлотта хватается за сердце и начинает извиняться:

— Эмили, прости. Это я. Когда Спенсер меня достает, я его пинаю. А он как истинный мужчина частенько это делает, но несмотря ни на что я его обожаю. На этот раз я промахнулась и попала по тебе. Мне очень жаль, — говорит она с нежной улыбкой, и я мог бы расцеловать ее. Минуточку, но я взаправду могу ее расцеловать.

Что собственно и делаю. Я кладу руку на ее щеку.

— Я это заслужил. Мне нравится, что ты не даешь мне спуску, сладкий медвежонок, — говорю я и мягко целую ее в губы.

Она отвечает на этот сладкий целомудренный поцелуй, но даже этого достаточно, чтобы забыть о полном столе зрителей. Мне хочется лишь больше поддельных поцелуев. Губ, зубов, языка.

Прикосновений.

Больше *ее*.

Именно этого я не должен желать.

Раздаются аплодисменты. Я прерываю поцелуй и понимаю, что громче всех радуется Харпер.

— Вы такая милая пара. Когда свадьба?

Ох.

Эта маленькая деталь.

У моей мамы глаза загораются от восторга.

— Ах, да. Венчание будет летом?

— Мы думаем весной, — говорит Шарлотта, плавно принимая удар на себя. — Пожалуй, в мае. Вероятно, в художественной галерее. Или в музее. В музее современного искусства такой прекрасный сад скульптур.

— О, это великолепное место, — говорит миссис Офферман, оставляя инцидент с пинком в другой галактике. Она прикрывает ладонью рот, чтобы ее дочери не смогли услышать: — Я уже к нему присматривалась, обдумывая детали бракосочетания моих девочек, несмотря на их возраст. Но мне кажется, в таком вопросе рано никогда не бывает.

Мистер Офферман накрывает руку ее ладонь.

— Дорогая, это замечательное хобби. Благодаря ему ты хоть изредка выбираешься из кухни.

У меня челюсть чуть на стол не упала. Мы сейчас что, в пятидесятых?

— Из кухни?..

Мой отец откашливается, и его голос заглушает мой вопрос.

— Кейт, а ты что думаешь о саде скульптур? — говорит он моей матери, тем самым прикрывая мне рот. — Ты всегда любила Музей современного искусства.

— Изумительное место, хотя, по-моему, свадьба Шарлотты и Спенсера везде будет великолепной. Шарлотта, знаю, вы с матерью близки, но если захочешь, я всегда с радостью тебе помогу. Я обожаю свадьбы.

Миссис Офферман встрянет в разговор, пялясь на Шарлотту:

— Твоя мать, наверно, на седьмом небе от счастья. Она распланирует вашу свадьбу?

Шарлотта в недоумении хмурит лоб.

— Уверена, она поможет.

— Конечно, она поможет, дорогая. И даже больше. Она живет рядом?

— Мои родители в Коннектикуте.

— Чем ей еще заниматься, кроме как планировать твой особенный день? — продолжает миссис Офферман с выражением крайнего удивления, словно она и представить не может, что мама Шарлотты может заняться чем-то еще, кроме как ежесекундно раздавать приказы команде флористов и прикапываться к каждой мелочи в банкетном зале.

— У нее очень напряженный рабочий график, — говорит Шарлотта.

— Ой. Она работает? — Походу, женщина в полном замешательстве. — А кем?

— Она хирург в больнице в Нью-Хейвене.

У миссис Оффермана лезут брови на лоб, а глаза становятся размером с блюда.

— Как интересно. А твой отец?

— Он медбрат, — сухо говорит Шарлотта, и я едва сдерживаю смех, но вовремя поджимаю губы.

— Правда? Я думала, он тоже врач? — с искренним удивлением говорит моя мама, потому что Шарлотта сейчас нагло брешет. Это убивает меня, целиком и полностью, но я каким-то чудом сдерживаю смех.

Шарлотта хлопает себя по лбу.

— Виновата. Он начал как медбрат, но благодаря поддержке мамы отучился и тоже стал доктором.

На этот раз она говорит всю правду, и выражение лица миссис Офферман бесценно. Такое чувство, будто она никогда не слышала о санитарях и тем более о тех, кто по настоянию жены становятся врачами. При этом мистер Офферман потрясен еще больше жены.

Повисает неловкое молчание. Разговоры за столом на мгновение затихают. Тишину нарушает лишь звон бокалов и скрежет вилок о фарфоровую посуду.

— За счастливую пару, — говорит мой отец тост, стараясь спасти присутствующих от ненужных дебатов о распределении ролей мужчины и женщины.

— Точно! Точно! Кто не любит свадьбы? Ведь это наше излюбленное занятие, не так ли? — говорит мистер Офферман, подмигивая моему отцу, как бы говоря: «Мы пьем за то, что приумножает наш капитал».

Его дочери поднимают бокалы с газировкой, а я с вином и в первую очередь чокаюсь с Шарлоттой. Из-под стола слышен слабый шум, похожий на легкий стук. Шарлотта смотрит на меня с усмешкой и очень интимным выражением, словно мы только что поделили один маленький грязный секрет. В следующей секунду я понимаю, о чем речь. Нет сомнений, кто к кому прикасается. Это ее пальчики скользят по моей обуви. Щиколотке. Голени. Еще выше. Она сводит меня с ума. Настоящее безумие — то, как охренительно здорово чувствовать шаловливые пальчики ног Шарлотты на моей ноге.

И под «здорово» я имею в виду желание взять ее за руку, затащить в ванную комнату, прижать к стене и задрать юбку. Узнать, какие на ней сегодня трусики и влажные ли они от возбуждения.

Но есть одна проблема. Этому не бывать.

Вероятно, всему виной вино.

— Надо завтра сходить в Музей современного искусства, — говорит миссис Офферман

моей маме. — Эмили планирует на следующий год в колледже изучать историю искусств. — Ее старшая дочь поднимает бровь, явно не согласная с этим заявлением. — А ты можешь посмотреть на сад, Кейт.

— Отличная идея, — как всегда дипломатично соглашается моя мать.

Миссис Офферман смотрит на Шарлотту:

— Не хочешь к нам присоединиться?

— Непременно. — Шарлотта сжимает мою руку. — Мы придем вдвоем.

— Сгораю от нетерпения, — говорю я, потому что любой другой ответ может стать причиной моего расчленения.

Я допиваю свой бокал вина, а тем временем тема разговора меняется, как и положение ноги Шарлотты, на которую возвращается туфелька. За что я весьма благодарен. Если я так возбуждаюсь от ее поглаживания ножкой, то мне, походу, нужно удостовериться, не выпадаю ли я назад в подростковый возраст.

После десерта и кофе я отвожу сестру от стола на приличное расстояние для разговора.

— Харпер, серьезно. Ты должна быть на моей стороне. А вместо этого чуть не сдала меня с потрохами.

— О, я тебя умоляю. Даже не думала об этом. Я просто прикалывалась. Ты знаешь, я тебя всегда прикрою, — заявляет она с таким видом, будто я сбрендил, если считаю иначе. Но безумие на этой недели уже входит в порядок вещей.

— Знаю. И прошу сыграть за мою команду, а не за противников, — говорю я с легким отчаяньем в голосе.

Кого я пытаюсь обдурить? Легкое? Как же! Оно до офигения полное.

Она смеется.

— Ты становишься жалким, когда в чем-то нуждаешься. Где Спенсер, который подвешивал меня в восьмилетнем возрасте над перилами?

Я изображаю на лице полнейший шок.

— Мне казалось, тебе тогда было шесть?

— Еще хуже. — Она притягивает меня в объятия. — Все нормально. Я тебя не выдам. Но я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Не переживай. Знаю.

— Хорошо, если так. И будь осторожен. — Она поворачивается и с угрожающим шепотом хватается за мою рубашку. — Но когда ты будешь меньше всего этого ожидать, я тебе отомщу за Санту. — Захват усиливается, и голос становится еще тише: — Смотри в оба. Эмили поедает тебя глазками. Походу, она уже на крючке.

Я кошусь в сторону стола. Эмили встает, не отрывая глаз от телефона в руке.

— Ошибаешься, — говорю я, отстраняясь, — она просто пялится в телефон и переписывается с друзьями.

Но оказывается, сестра права. Эмили сейчас не сводит с меня глаз. Наши взгляды встречаются, и она облизывает губы.

Харпер со смехом изображает кошку, выпускающую на волю коготки.

— Мяу. Попахивает кошачьими боями.

Я качаю головой. Вряд ли Шарлотта любительница склок.

Моя фальшивая невеста проходит мимо Эмили, и девчонка пялится на нее, словно ждет момента, чтобы наброситься. Через долю секунды она хватается Шарлотту за руку. Вот черт! Харпер права. Сейчас начнется потасовка. На мгновение меня раздирает двойное желание

понаблюдать за представлением или остановить драку.

— Боже мой, я без ума от твоих туфель, — говорит Эмили с улыбкой, полной обожания. — Где ты их купила?

Фух! Походу, Эмили пялилась на обувь Шарлотты. И вот они уже весело болтают о моде и дизайнерах, и Шарлотта замечательно с этим справляется.

Не могу понять, почему она только сомневалась в себе.

Она — бриллиант чистой воды и может в любое время играть роль моей фальшивой невесты.

— Фух!.. — Шарлотта с тяжелым вздохом проводит рукой по лбу. — После такого представления и долгого дня мне нужно срочно выпить, — заявляет она, когда мы садимся в машину. — И одной рюмочкой вряд ли обойдется.

— Поддерживаю. — Я провожу костяшками пальцев по ее коленке и говорю водителю ехать в центр. — Кстати, насчет санитары. Это была бомба! Мега-охренительно.

Мы даем друг другу пять.

— Это даже нельзя назвать ложью. Так, истина с небольшой временной задержкой.

— Откровенно говоря, ты справилась сегодня на пять баллов.

— Ой, спасибо, — говорит она игриво. — А ну-ка, давай зачетку.

Я протягиваю ей руку с воображаемым документом.

Шарлотта делает вид, что открывает зачетную книжку.

— Вижу, я и правда получила твердую пятерку.

Я качаю головой.

— Пятерку с плюсом. Байка о санитаре заслуживает дополнительных полбалла. Видишь? — Я пальцем показываю в «зачетку», как будто та реально в ее руках.

Шарлотта со смехом хватается меня за руку.

— Честно, не смогла сдержаться. У нее реально отсталые взгляды на жизнь.

Поскольку моя мать посвятила себя нашему с Харпер воспитанию, я считаю вполне нормальным, когда матери работают или нянчатся с детьми. Главное, чтобы ей это было по душе. Если говорить конкретно о моей матери, то она помимо заботы о детях, старалась помочь мужу дельными советами. А отец в свою очередь относился к жене, как к королеве, равной ему во всем. Именно так все и должно быть, независимо от выбора женщины.

— Раз речь зашла о старомодном, может заскочим в «Гин Джойнт»? — спрашиваю я о новом баре в Челси, который получил кучу восторженных отзывов, особенно благодаря «Олд фешен^[12]» с джином.

— Давай. Я на ногах с шести утра, — говорит она, а потом надувает губки, как звезда из старых фильмов, и говорит с хриплой сексуальной интонацией: — Но я все еще в настроении пропустить по стаканчику на сон грядущий.

Вскоре мы заходим в красную дверь и спускаемся в бар, где играет тихая знойная музыка, а гости расслабляются на вельветовых диванах бордовых, ультрамариновых и пурпурных цветов. Место в духе Нового Орлеана: роскошное, мрачное и печальное.

Шарлотта садится на диван, кладет рядом сумочку и позволяет себе наконец расслабиться. Я тем временем заказываю нам напитки и возвращаюсь с ее коктейлем «Олд фешен» и моим бурбоном.

— За Честную Шарлотту, — говорю я, поднимая бокал.

— За Кокер-спаниеля Спенсера, — подхватывает она и делает глоток, а потом стонет, приподняв стакан. — Это божественно. Попробуй.

Она протягивает мне коктейль. Я делаю глоток и обалдеваю от вкуса.

— Ни фиги себе! Мы можем стырить у них рецепт?

Она смеется.

— Как тогда в «Спикизи», — говорит Шарлотта, и ее глаза затуманиваются

воспоминаниями о том, как мы начали наш бизнес.

Мы тогда праздновали продажу приложения «Настоящий мужчина» на открытии нового бара недалеко от центра и заказали их фирменный коктейль «Фиолетовый снежный шар», который впоследствии стал очень популярным, как упакованные напитки в продуктовых магазинах. Коктейль оказался потрясающим, и мы одновременно подняли бокалы со словами:

«Давай стырим рецепт, — а потом так же в унисон выпалили. — Чур, с тебя выпивка».

Это скрепило сделку и стало для нас решающим моментом. Еще в колледже мы были пивными снобами, и на вечеринках часто шутили, что когда-нибудь откроем собственный бар, где дела пойдут в гору, ведь нам известна разница между хорошим пивом и помоями из кеги. Вряд ли это можно считать особым достижением, но благодаря ему мы не забывали об этой идее.

Вот только получив дипломы, начали работать в совершенно разных сферах, но на нашу дружбу это не повлияло.

Я запустил приложение, а Шарлотта получила шикарное предложение в сфере расширения клиентской базы одной компании из списка «Фортуна 500». Работать ей приходилось с акулами бизнеса, да еще и сверхурочно, что в итоге не приносило ей ни грамма удовольствия. Шарлотта была несчастна, но не собиралась увязнуть в депресняке, наоборот составила план с твердым намерением заниматься тем, что ей нравится: открыть свое дело в отрасли развлечения, общения и дружеских тусовок. Подав заявление об увольнении, Шарлотта спросила меня, готов ли я заняться тем, о чем мы договаривались в ту ночь, когда поклялись никогда не пить пиво из кеги.

«Я получила годовую премию. Хочешь вместе со мной открыть бар в центре?»

С деньгами от продажи приложения и готовностью окунуться в вихрь новых приключений, я мгновенно согласился.

«Может назовем бар в честь собак из нашего детства?»

«Отличная идея!»

Остальное уже история. «Лаки Спот» оказалось выгодным вложением капитала, и сейчас мы владеем сетью из трех баров. Плюс совместная работа проносит нам обоим массу удовольствия.

Пока в «Гин Джойнт» потихоньку собирается толпа, мы с Шарлоттой вспоминаем деньки, когда только начинали бизнес. Дверь открывается, и в бар заруливает компания сексапильных красоток в облегающих джинсах и на офигительных каблуках. Где-то в глубине сознания мелькает мысль заценить их достоинства, но желание пропадает так же быстро, как появляется.

Шарлотта допивает коктейль, а я — бурбон. Мы болтаем о самых незабываемых клиентах за эти годы. Непринужденность и легкость разговора напоминает мне, почему для нашей дружбы безопасней воздержатся от поцелуев. Я не могу ее потерять. С ней я могу быть самим собой, просто расслабиться и отдохнуть. После того, как на горизонте нарисовался Кретин Брэдли мы редко тусовались и мне этого охренеть, как не хватало.

Словно читая мои мысли, Шарлотта радостно вздыхает и говорит:

— Мне не хватало наших посиделок, пока я была с тем козлом.

— Я думал о том же.

Склонив голову, она смотрит на меня:

— Серьезно? — На ее лице смесь удивления и заинтересованности. — Так это

работает?

— Что? — спрашиваю я с любопытством.

Она пробегает пальцами по моим волосам.

— Имплантированное в твой мозг устройство, чтобы читать твои мысли, — говорит она с мнимой серьезностью.

Я смеюсь и сжимаю ее плечо.

— Ты меня поймала. Следующий раунд за мной.

— Пусть вся ночь будет твоей.

— Так и будет. И да, мне чертовски не хватало наших посиделок.

— Того, как я зависала у тебя дома. И мы запоями смотрели сериалы, лопали мармеладных мишек или лимонные конфеты, которые по настроению запивали текилой или вином.

— У нас с тобой отменный вкус при выборе конфет и напитков.

— Так и есть. — Шарлотта счастливо вздыхает и придвигается ко мне. — Знаешь, это может показаться странным, но я рада, что застучала его на горячем. Покупка совместного жилья обернулась бы мне грандиозной ошибкой. Но в последнюю минуту меня от этого уберегла какая-то сила. Звучит безумно?

— Совсем нет.

— Будь я помолвлена и живя с ним, не смогла бы быть с тобой.

Сначала я решил, что разговор о наших тусовках. Но, когда почувствовал ее руку на своей ноге, не удивился бы, если речь шла совсем о другом.

Я кошусь вниз. Ее ладошка лежит на моем бедре. Интересно. Честно говоря, не в курсе, как до этого дошло, и почему я не заметил раньше, но так здорово чувствовать на себе ее теплое прикосновение. Кажется, я начинаю к этому привыкать. Может, поэтому не заметил, что она какое-то время касается меня, пока мы болтали. Я чертовски быстро привык к ее рукам на моем теле.

Мимо проходит официантка, и Шарлотта подзывает ее и заказывает джин с тоником. К тому времени, как приносят наш заказ, рука Шарлотты больше не лежит на бедре. Она движется. Выводит небольшие линии, и это не безвредное прикосновение. А нечто совсем другое.

Я застигнут врасплох и совершенно не готов к такому повороту: поздняя ночь, мы одни без зрителей, а Шарлотта продолжает касаться меня словно мы влюбленная парочка.

— Спенсер, — говорит она беззаботно и счастливо. — Я так рада, что мы с тобой начали совместный бизнес.

Ладненько, все обретает смысл. Она под мухой, в хорошем настроении и с явным желанием рассказать всем, как прекрасен этот мир. С этим я могу справиться. Выпив глоток джина, Шарлотта ставит стакан и придвигается еще ближе. Ее ладошка скользит выше по ноге.

Опаньки!

Неожиданный маневр. Игра принимает серьезный оборот.

— Да, я тоже.

Ее пальчики поднимаются выше по ткани моих брюк. Становясь более приветливыми. Я бы сказал, чересчур. Интереснонасколько крепкие у них коктейли?

— До того, как мы занялись барами, я была такой несчастной, а сейчас наоборот счастлива, — говорит она, и похоже ее рука на моем бедре обретает свой собственный

рассудок. Или это гормоны. В любом случае ее рука все ближе подбирается к члену.

Такое чувство, что в баре кто-то переключил термостат. Становится жарко.

— Ты знаешь, почему еще я рада, что не с Брэдли?

— Почему? — осторожно спрашиваю я. Ловкие нетерпеливые пальчики с каждым миллиметром приближаются к цели. Я в огне. Горло словно опалено. Волосы наверняка охвачены пламенем. В эту секунду я запросто мог бы растопить Северный полюс.

— Потому что я наслаждаюсь нашим маленьким спектаклем, — говорит она, прижимаясь грудью к моей руке. Она такая мягкая, мне до смерти хочется узнать, каково почувствовать ее в руках, или как отреагируют пальцы, кружа по чувствительной коже, а главное, услышать ее стон, когда я обхвачу сосок губами и втяну в рот.

Как сильно он затвердеет и набухнет.

Ну вот опять двадцать пять.

Я думаю о чем не следует.

Ее пальцы уже не в двух сантиметрах, и даже не в одном, а считанных миллиметрах от моего члена.

С одной стороны, я знаю, что нужно делать, а с другой, не имею ни малейшего понятия. Инстинкты твердят придвинуться, приласкать, поцеловать и поиметь. Но это, как вырванная страница сценария. Даже целая глава. Это ведь Шарлотта, и наша ситуация выходит за все мыслимые рамки. Мы друзья. Деловые партнеры. И делаем вид, что встречаемся, но не спим вместе. Вчера абсолютно трезвыми мы попрактиковались в поцелуях, а сегодня выступили на бис перед публикой.

Сейчас наш уговор не в силе. Мы здесь вдвоем, и все же ласковые прикосновения не прекратились.

С другой стороны, нас обоих покинул здравый смысл. Я навеселе, да и она пьяна. Вероятно, вся проблема в этом. Слово бар пытается соблазнить и околдовать нас. Тут темно, все вокруг зажимаются, флиртуют и целуются. Атмосфера «Гин Джойнт» навеивает порочные мысли. Гудит от полуночных обещаний и дикого секса.

У меня перехватывает дыхание, когда ее пальцы касаются моего члена. В ее глазах вспыхивает огонь, словно она получила желанный подарок, именно такой реакции я добиваюсь у женщин, но дьявол меня раздери, не от Шарлотты.

— Шарлотта, — говорю я голосом полным строгого предупреждения.

— Спенсер, — шепчет она, пухлые и сексуальные губы слегка придыхают на последнем слоге. Я так и вижу, как ее губы коснутся моего члена, светлые волосы рассыплются на моих бедрах, а голова начнет двигаться вверх и вниз. Такая великолепная и чертовски опасная картина.

В следующую секунду события принимают резко другой оборот. Шарлотта кладет голову мне на плечо и убирает руки себе на колени.

Словно внутри нее щелкнул переключатель.

— Мне просто нравится с тобой зависать, — говорит она и прикрывает глаза, словно ей хочется спать.

— Мне тоже, — хрипло соглашаюсь я. — И ты устала.

— Знаю. Длинный день. Подушка взывает ко мне.

Здорово. Зашибись, блин! Я заведен, а ее вырубает. Шаловливые ручки прекратили свои игры, Шарлотта спокойна, как удав, а у меня гребаная палатка в штанах и рядышком на вельветовом диване пристроилась сексуальная, как грех, лучшая подруга.

Через пятнадцать минут мы садимся в такси. Я даю водителю адрес Шарлотты с твердым намереньем убедиться, что моя счастливая, нетрезвая и уставшая подруга благополучно доберется до дома.

Такси трогается.

Я поворачиваюсь взглянуть на нее, и окружающий мир исчезает в дымке необузданных желаний.

Она обнимает меня за шею и прижимаются губами к моим губам. Страстные поцелуи, словно гроза с молниями сыплются с неба, обжигают и искрятся в раскатах грома.

Она конкретно пьяная. Это чувствуется по небрежным медлительным движениям, расслабленному телу и судорожному дыханию. На ее губах смесь джина и самой Шарлотты, и никогда в жизни алкоголь не был столь сладок. Лучший в мире коктейль. Все в ней меня заводит: вкус, запах, дыхание. Я чувствую на ее коже аромат меда, значит, сегодня она предпочла «медовое соцветие» из своей коллекции лосьонов. И знание таких мелочей еще сильнее разжигает кровь. Мне чертовски интересно, на чем она остановится завтра. Какой она будет на вкус. Когда она выйдет из душа, какой лосьон начнет втирать в кожу, и будет ли он также сводить меня с ума.

Медовый шикарен. Пьянящий и завораживающий, как и она. Не знаю, каким будет ее следующий выбор, но уверен, от него у меня тоже снесет крышу. Все в Шарлотте чертовски соблазнительно.

Особенно, когда она посасывает мои губы, как сейчас. Со стоном я обнимаю ее и притягиваю ближе. Она залазит мне на колени и прижимает к спинке сиденья, пока мы едим вдоль проспекта, освещенного огнями ночного Манхэттена.

Шарлотта выдыхает мое имя в одурманивающем стоне. С ее прекрасных красных губ это звучит как чистый экстаз.

— *Спенсер*, я хочу тебя, — шепчет она мне на ухо. — От твоего вчерашнего поцелуя я стала такой мокрой... И сейчас тоже изнываю от желания. Все в тебе меня заводит.

Боже милостивый! Черт бы все побрал! Кто-нибудь, спасите меня от себя самого. Выхода нет. Мне придется нажать на тормоза. Все выходит из-под контроля. Мы на всех парах мчим в пропасть, где нас ждет крах. Я должен это остановить, пока не поздно.

— Шарлотта, — предупреждаю я и пытаюсь снять ее с себя.

Но знаете, что происходит?

Она поднимает юбку и прижимается к члену. Это в высшей степени самая сладкая и непристойная пытка. Тяжело дыша я смотрю на нее. Машина тормозит на светофоре, но нам обоим глубоко плевать, что от водителя нас отделяет вшивых полметра. В данный момент мне почти все побоку, кроме языков пламени, обжигающих кожу от этого провокационного трения. Мокрые трусики трутся об эрекцию, а губы исследуют тело. Это самое чувственное нападение, которое едва не лишает меня рассудка. Ее губы порхают на моей шее, подбородке, челюсти, прокладывают дорожку из поцелуев к уху. Она ласкает мочку, а потом прикусывает.

Со стоном я сильнее сжимаю ее бедра. Мне чертовски это нравится. Все, что она делает, сводит меня с ума. Она скользит языком по раковине уха, и теперь я запросто могу выбросить белый флаг и сдаться. Шарлотта нашла мое слабое место и походу в курсе этого. Она целует меня, и от каждого движенья языка я завожусь еще сильнее. Меня одолевает дикое желание затащить ее к себе домой, бросить на кровать, войти в нее и показать, что если она сводит меня с ума поцелуем, то я могу заставить ее кричать от удовольствия, благодаря своему члену.

Приподняв бедра, Шарлотта снова садится на меня и шепчет:

— Тогда на кушетке, почувствовав тебя, я очумела от желания. До предела.

Ее рука скользит между нашими телами и обхватывает мой член.

Меня словно током прошибает. От ее прикосновения каждый миллиметр тела гудит от тысячеватного напряжения. Ее глаза сияют чистой, необузданной похотью, как будто она знает, насколько я заведен и хочет заполучить меня целиком и полностью. Черт, как же я хочу ей это дать.

Сию секунду!

— Хочу почувствовать тебя внутри и узнать, каково это, — бормочет она.

Тысячи ответов мелькают в голове.

Это будет лучшим, что у тебя когда-либо было. Расстегни мои штаны, и возьми член в руку, а потом позволь прокатить с ветерком. Это будет лучшая поездка в твоей жизни. Ты увидишь звезды. Горы будут двигаться, а земля содрогаться.

Но единственное, что я до одури хочу сказать:

Господи, я так чертовски сильно хочу трахнуть тебя сейчас.

Но, к счастью, с моих губ срывается совсем другое. Каким-то чудом рассудок берет верх. Остатки порядочности непостижимым образом умудряются взять под контроль похоть.

Шарлотта пьяна, и я не хочу воспользоваться Честной Подвыпившей Шарлоттой.

— Ты пьяна, Мамонтенок. Давай найдем твою пижаму и уложим тебя в кроватку, — говорю я, стискивая ее бедра, чтобы снять с колен.

Шарлотта оказывается проворней, чем я ожидал. Она пересаживается на кресло рядышком со мной и произносит с насмешкой, на удивление четко и внятно:

— Я не пьяна.

Я не собираюсь спорить на этот счет. Пьяная или нет, это слишком рискованно. Такси тормозит у следующего светофора, и Шарлотта сладко зевает, прикрыв рот. Ее голова опускается на мое плечо. Немного погодя, я несу ее в квартиру, открываю дверь, иду в спальню и укладываю Шарлотту на кровать, а затем снимаю обувь. Она что-то бормочет, но глаз так и не открывает.

— Вода. Тебе нужна вода.

— Ммм... Звучит превосходно, — сонно говорит она.

Я иду на кухню, наполняю стакан холодной водой и приношу его ей.

— Садись, — прошу я, и она быстренько усаживается.

Протягиваю ей стакан, и Шарлота залпом выпивает больше половины.

— До дна. Я налью тебе еще один и оставлю на тумбочке. Ночью, когда встанешь в туалет, выпьешь и его.

Кивнув, она отставляет в сторону стакан и, обняв меня, тащит к себе на кровать. А потом пытается уложить рядом.

— Мне нужно идти.

— Останься со мной. Пожалуйста, — просит она, зазывно поглаживая простыни на удобном матрасе. — Просто поспи рядом. Я не прошу о большем.

Спать рядом с ней? С таким стояком? Когда шаловливые ручки скользят по моему телу? Черта с два. Я не так силен. Я не настолько хорош.

— Мне нужно идти. Я должен покормить своего кота. — Это звучит как самое нелепое в мире оправдание, но это правда.

В ее взгляде мелькает боль, а может разочарование, но потом исчезает без следа. Шарлотта улыбается.

— Спокойной ночи, Капитан Жених. Поцелуй киску от меня.

О, я бы с удовольствием это сделал.

Стоило ее голове опуститься на подушку, как Шарлотта в считанные секунды засыпает. Она начинает сопеть, и это так чертовски мило. Я чешу затылок. Как может храп быть очаровательным? Но это правда. Я стою в темноте и смотрю на нее, лунный свет, просачиваясь через жалюзи, падает на нее. Светлые волосы веером лежат на белой подушке, блузка сползла с плеча, обнажив вишнево-красный бюстгальтер, а юбка гармошкой собралась у бедер. Я могу, как в кино, раздеть ее или оставить в одежде.

Первый вариант мне кажется неправильным. Вместо этого я выполняю обещание. Наливаю стакан воды и оставляю на тумбочке. Открываю аптечку, беру две таблетки аспирина, и на всякий случай кладу рядом со стаканом. Ищу какую-нибудь бумагу. Нахожу блокнот на кухне и ручку в ящике с посудой. Пишу ей записку:

Выпей две таблетки аспирина с утра и позвони мне, когда проснешься. Я собираюсь окончательно избавить тебя от похмелья.

Я уйду и заслуживаю похвалу за самоконтроль. Позже собираюсь связаться с Комитетом парней. Пусть они знают, что сегодня я достиг новых высот в искусстве сопротивления соблазну. Рассчитываю с утра получить золотую медаль, и с учетом всей сложности ситуации, по меньшей мере, с торжественной церемонией награждения.

Такси проносится мимо меня, но я его не останавливаю. Вместо этого поворачиваю на юг и иду пешком домой, хотя живу отсюда чертовски далеко. Мне нужно время и пространство, чтобы забыть о тех пяти минутах в такси, когда мне хотелось по полной программе оттрахать свою лучшую подругу.

Прогулкой по городу я должен отвлечься от мыслей о Шарлотте. Поэтому иду, рассматривая небольшие бакалейные лавки, цветочные магазины, китайские рестораны с их широким ассортиментом лапши, круглосуточные аптеки, где продается все на свете. Я прохожу весь город, в окружении толпы людей, которые не спят, несмотря на поздний час.

В час ночи отпираю дверь в свою квартиру, но эрекция никуда не пропала. Прогулка не сработала. Я чертовски возбужден.

Шарлотта на меня подействовала как пузырек «Виагры». Вот самое трудное жестокое и необычное наказание за вожделение к лучшей подруге.

Фидо мяукает, поднимается на задние лапы и приветливо прижимается к моей ноге.

— Голодный?

У него дергается хвост. Захожу на кухню, открываю сумку и достаю немного кошачьего корма. Полностью натуральный, органический, и, если в двух словах — трапеза королей. Когда я оставил Фидо у себя, Харпер купила этот корм, заявив, что еда из натуральных продуктов без добавления консервантов самая полезная. Мой парень пристрастился к этому корму и, вероятно, из-за него чувствует себя королем зверей.

Я ставлю миску на пол. Кот накидывается на еду и мурлычет от удовольствия. Парень на седьмом небе от счастья, и на меня накатывает зависть. Зашибись! Теперь я завидую собственному коту. Видите ли, ему живется проще, чем мне.

Так-с, не забудь завтра сгонять в магазин и заказать себе хоть немного здравомыслия, а то ты потерял рассудок, Холидэй.

Иду в ванну, где умываюсь и чищу зубы, одновременно пытаюсь забыть этот вечер.

Смотрите, совсем не сложно отшить пьяную девушку, это неправильно пользоваться ее состоянием. Но по какой-то неизвестной гребаной причине отшить Шарлотту было чертовски сложно. То, что она говорила. Сексуальные, греховно-сладкие слова, слетавшие с ее губ, раскаленной лавой обжигали мое тело. Зацепили какую-то струну в душе. Пробудили желание.

Поцелуй на улице — это одно.

На диване совсем другое.

Но события в такси приняли совершенно иной оборот. Шарлотта, как вихрь чистой похоти, запрыгивает на меня, притягивает ближе и начинает тереться.

Я безумно этого хотел.

Желал заполучить ее.

И до сих пор хочу.

Раздеваюсь и бросаю свою одежду в корзину в шкафу. Ложусь на кровать совершенно голым, выключаю свет, и кладу обе руки за голову. Слабые отзвуки субботней нью-йоркской ночи слышны из окна даже на шестом этаже. Звук шагов по тротуару, дружеский смех, такси останавливается, высаживает пассажиров и берет новых клиентов.

Прислушиваясь к этим мелочам, я по-прежнему дико возбужден.

Ни хрена себе! Что, черт побери, мне делать с этой эрекцией? Забивать гвозди? Рубить дрова? Это как пытка. У члена есть свой собственный источник крови.

Я зажмуриваюсь и пытаюсь сопротивляться, стискиваю череп ладонями.

Нельзя этого делать.

Я не могу «перезарядить ствол», думая о Шарлотте. Не могу зайти так далеко. И не буду! Не стану осквернять нашу дружбу. Мы и так хватили лишнего, а если зайдём ещё дальше, то похерим все хорошее, о чем она сегодня говорила в баре. Шарлотта — моя надежная, фантастическая подруга. Она сводит меня с ума, заставляет смеяться, и я не могу рисковать ее потерей ради секса.

Даже думать о том, как я ее трахну.

Но я будто на смертном одре. Кожа горит, в голове произошло замыкание на слове «секс».

Нужно что-то решить со стояком, который решил сверхурочно сутки напролет стоять по стойке «смирно». Я мчусь в гостиную, хватаю ноутбук, а потом возвращаюсь на кровать.

Женщины. Много женщин. Горячая лесбийская порнушка. То, что доктор прописал. Это избавит меня от бурного приступа похоти последних двух дней. Типа двух горячих цыпочек в чулках, трахающих друг друга. И никаких gifок из Тамблера. Мне нужно видео, и я знаю, где его найти.

Через считанные секунды я наблюдаю, как великолепная рыжуля в черных чулках с подвязками входит в тускло освещенную гостиную.

Отлично! То, что нужно! Кладу ноутбук на покрывало и растягиваюсь на кровати. Подушки под головой позволяют с удобством наслаждаться картиной.

К рыженькой присоединяется сногшибательная брюнетка. На ней лишь белые до бедра чулки и высокие каблуки. Трюк срабатывает, огромное спасибо. Беру член в руку и начинаю. Ладонь скользит медленно от головки до основания к изнывающим опухшим яйцам.

То, что доктор прописал. Я собираюсь наслаждаться каждой секундой представления. Сильней сжимаю ладонь. Член пульсирует и подрагивает. Здорово, я уже близко, как и цыпочки на диване, почти достигшие оргазма.

Видео идеальное, ни одна из них не похожа на Шарлотту. Обнаженные красотки целуются, и мое тело напрягается. Ненасытный поцелуй. Рыженькая сжимает в руках полные груди брюнетки. Та стонет и начинает пальцами играть с киской рыжей. Мой ствол твердеет, пока я люблюсь, как пальцы скользят по изнывающей киске.

У меня перехватывает дыхание и вырывается стон.

Громкий.

Представляю, насколько она горячая и влажная.

Все красивое и скользкое от возбуждения.

Какова она будет на моих пальцах.

Я начинаю рывками приподнимать бедра, двигаюсь быстрее. Моя вторая рука ползет вверх от живота и добирается до груди. Ногти скользят по соску. Мне так здорово. Окружающий мир исчезает. Есть только я, мое тело, и женщины на экране, пока я трахаю свой кулак.

Вскоре рыжая становится на колени и раздвигает ноги своей партнерши. Брюнетка откидывается на диване и со стоном приоткрывает рот, а рыженькая тем временем вылизывает ее. Аккуратными, быстрыми и такими восхитительными движениями языка.

— Да, — стону я, не сводя глаз с экрана. Я благодарю небеса за этих малышей. Мой член выходит на финальную прямую, и я чертовски рад такому быстрому исходу.

Представляю себя между двумя цыпочками. Как ублажаю обоих. Одну трахая, а вторую вылизывая.

Лучше и не придумаешь.

Но в следующую секунду в гостиную заходит третья, и все становится астрономически горячим. У нее светлые волосы и карие глаза, и она божественна. Все вокруг исчезает, кроме нее. Сексуальная, подтянутая и до одури обольстительная. Я не могу отвести глаз. Вскоре это больше не незнакомка...это моя девочка... Шарлотта стоит передо мной обнаженная. Я больше не вижу других женщин. Они испарились, когда я закрываю глаза, ускоряя движение руки. Черт бы все побрал, но я больше не в силах с этим бороться.

Я проиграл эту битву. Шарлотта единственная, кого я вижу.

Она не такая, какой была вчера или даже этим вечером. Это новая Шарлотта. Она, голая, взбирается ко мне на кровать и ползет на четвереньках. Это ее сексуальные пухлые губы, мягкий сладкий животик, сильные ноги и божественно красивая мокрая киска.

Влажная для меня.

Изнывающая по мне.

Она садится на мой член. Привет, развязка!

Яйца напрягаются, по позвоночнику проносится жар, я зажмуриваюсь и вздрагиваю, а потом с громким стоном кончаю внутри Шарлотты до последней капли. Оргазм иссушает меня.

Я задыхаюсь.

А когда наконец открываю глаза, Фидо сидит у подножия кровати, облизывая лапу, а потом проводит ей по усам и уху. Он прекращает умываться и презрительно глазеет на меня блестящими желтыми глазами.

Вот такой конец моего субботнего вечера. Мой кот наблюдал, как я дрович, фантазируя о лучшей подруге.

— Ни слова, — шиплю я.

Он смотрит в сторону, надменно вздернув нос.

Но он сохранит мою тайну.

А я твою, маленький гребаный вуайерист.

Давайте притворимся, что я ничего не делал.

Сделаем вид, будто я обладаю удивительным самоконтролем и не онанировал, мечтая о своей бизнес-партнерше прошлой ночью.

Пока Шарлотта заказывает яичницу, картофель, тосты и черный кофе в закусочной «Венди» следующим утром, я продолжаю думать, не догадалась ли она, что стала звездой моих грязных фантазий о наезднице.

Или как в середине ночи уже я ее объезжал... золотые локоны рассыпались по спине, а руками я обхватывал ее попку.

А еще утренний душ. Я опустился на колени, не переставая целовать ее. На вкус Шарлотта была как райское наслаждение. О да! Вот в чем проблема при выборе скользкой стези. Все пошло по наклонной. Сделай первый шаг, и вскоре ты поймешь, что три раза к ряду дрочил, мечтая о лучшей подруге.

Но на этом все. Я вернулся на праведный путь. Эти три раза стали панацеей. Я выкинул из головы все мысли о ней. Полностью. Слово скаута.

На Шарлотте короткая серая юбка, фиолетовая футболка, волосы собраны в небрежный хвост. Я без понятия, какое на ней белье, и в моей голове даже нет мыслей о ее трусиках и лифчике. Вот видите? Я исцелился.

— Что будете? — спрашивает меня официантка.

— То же самое. Только яйца пожарьте посильней, — прошу я. Официантка кивает и идет на открытую кухню.

Парень за соседним столиком листает «Нью-Йорк Пост». Помощник повара бросает масло на сковороду. Солнце ярко светит, и на выцветшем светло-зеленом столе видно каждую царапинку, а так же вмятины на бежевом плиточном полу.

Сегодня явно похмельное утро. Дверь со звоном открывается, и в закусочную вваливается четверо парней, чуть моложе меня. Походу они кутили допоздна, и судя по глазам страдают от дикого будуна.

«Венди» резко отличается от очарования «Гин Джойнт». Здесь в воздухе повисло сожаление. Не знаю, исходит оно от других людей или от Шарлотты.

Она вертит салфеткой.

— Голова еще болит? — спрашиваю я.

Шарлотта сегодня на удивление немногословна.

Она качает головой:

— Все в порядке.

— Вода помогла?

Она кивает:

— Всегда помогает.

— Хорошо. Но, на всякий случай, нужно пройти всю профилактику после похмелья, — говорю я, ведь именно за этим привел ее сюда. — После пьянки нет ничего лучше, чем завтрак в закусочной. Это доказанный факт с медицинской точки зрения.

Она слабо улыбается, а к нам подходит официантка и наливает в кружки обжигающий черный кофе.

Шарлотта обхватывает чашку ладонями.

— Серьезно? Кстати, я не так уж много выпила, — уныло говорит она.

Ей не сбить меня с намеченного курса. Чем больше я говорю и подтруниваю, тем большая вероятность вернуться к нашим нормальным отношениям.

— Вычитал на прошлой неделе в...

— Я о прошлой ночи, — начинает она, и разговор стопорится после этих кошмарных слов.

Но я быстрый. И знаю, как уворачиваться и делать бросок. Подымаю руку, призывая ее к молчанию, и качаю головой.

— Не волнуйся.

— Но...

— Никаких «но». Все путем.

— Но я хочу сказать...

— Шарлотта, мы оба выпили несколько коктейлей, и... Эй, с этим все ясно. Я кажусь тебе более привлекательным, когда ты под градусом.

Я подмигиваю, и начинаю иронизировать в свой адрес, чтобы она не чувствовала вину за наш едва не совершенный промах.

Уголки ее губ лишь слегка приподнимаются. Без помады. По сути, на ней почти нет макияжа. И выглядит она по-прежнему здорово. Она всегда такая, в любое время суток и в любую погоду.

— Ты намекаешь на джин, но даже без...

Я тянусь и беру ее за руку, а потом по-дружески сжимаю. Мне необходимо ее успокоить.

— Мы друзья. Ничто этого не изменит. И никто не сможет разрушить нашу дружбу. Ну, если ты когда-то не выйдешь замуж за полного придурка. Так что не делай такого, — говорю я, улыбаясь своей фирменной улыбкой и отчаянно пытаюсь перевести разговор на другую тему, а то не ровен час она догадается, что проделала моя рука за последние двенадцать часов.

— А ты не женись на стерве, — говорит она, прищурившись. И это моя Шарлотта. Она вернулась, и мы с ней так похожи. Шарлотта не позволит странностям в такси испоганить самые лучшие отношения в нашей жизни. Хотя странность не совсем правильное слово. Больше похоже на накал страстей и жгучее желание. Именно об этом не стоит думать в отношении Шарлотты.

— Но я как раз хотела поговорить прошлой ночи, что мы друзья...

— И я о том же! — восклицаю я с преувеличенным энтузиазмом, но она же произнесла волшебные слова. Друзья. Мы. Мне нужно сделать на этом акцент, чтобы мы об этом ненароком ни забыли. — Наша дружба — самое важное для меня, так что давай будем просто дружить.

Ее лицо застывает, словно она надела маску. Шарлотта вертит обручалку, и самое странное — от этого вида мое сердце пускается в пляс. Она надела кольцо, хотя не обязана его носить.

— Да. Друзья. Это самое главное, — монотонно выговаривает она.

— Вот о чем мы говорили прошлой ночью, верно? — спрашиваю я, а потом освежаю ей память, если из-за джина у нее появились какие-то пробелы. — Зависать у меня, запоями смотреть сериалы, лопать мармеладных мишек или лимонные конфеты под текилу или вино.

Она кивает.

— Все верно, — соглашается она и улыбается мне, но как-то фальшиво.

— Нам стоит повторить. Раз нам ничего не мешает, — заявляю я, словно карточный игрок, который сделал ставку на «дружбу», поставив на кон кучу бабла.

— Конечно.

— Как насчет сегодня? — говорю я, опять-таки стремясь повысить ставку. Собираюсь горы свернуть, но доказать, какие мы офигенные друзья.

— Хорошо.

— У меня дома? — Я иду ва-банк, играя по-крупному.

— Без шуток? — Она выгибает бровь. — Ты правда хочешь просто вместе позависать?

— Ясень пень! Мы же вчера об этом говорили.

Она качает головой, и я не уверен, забавляется она или это самоотвод. Шарлотта со вздохом поправляет хвост и пожимает плечами.

— Хорошо, — говорит она. — Друзья не бросают друзей в одиночестве есть конфеты. Я принесу мишек.

— Ради тебя я съем всех зеленных.

Она вздрагивает:

— Ненавижу зеленые.

— И с меня вино. Если мне не изменяет память, то с медведями ты предпочитаешь «Шардоне»?

— Все верно, но как ты смотришь, если сегодня мы обойдемся безалкогольной Маргаритой?

Я эффектно бросаю салфетку на стол.

— Сразила наповал, — говорю я.

Наверное, мне нужно было подумать, прежде чем такое ляпнуть. К счастью, к нам подходит официантка.

— Вот ваши яйца, — говорит она, ставя тарелки. — Хорошо прожаренные. Как вы просили.

Эти слова эхом отдаются в голове, и до меня доходит, что я натворил. То, о чем я попросил так самоуверенно. Мои бредовые идеи. И мое: «Я-во-чтобы-то-ни-стало-спасу-нашу-дружбу».

Я необдуманно пригласил Шарлотту к себе на вечер. Во всей Вселенной не хватит потных баскетболистов, чтобы справиться с опасностью, которую я навлек на себя.

***

Остаток завтрака уходит на планирование недельного меню в «Лаки Спот». Ни один из нас не заводит речь о сегодняшнем или вчерашнем вечере, или о наших вымышленных отношениях. Добравшись до бара, мы проводим несколько часов за работой, пока Дженни не заступает на свою смену во второй половине дня. До того как отправиться в музей, мы снова возвращаемся к нашей дружбе и деловому партнерству с такой легкостью, будто прошлой ночью ничего не произошло.

Но стоило нам зайти в музей, как все резко меняется.

Шарлотта с шаловливыми ручками покидает сцену. Конечно, она все еще прикидывается моей невестой, но не вживается в роль как вчера. Заметила ли перемены мама и миссис Офферман, но когда мы смотрим на картины Эдварда Хоппера, я из кожи вон лезу, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Картина прекрасна, — говорит миссис Офферман.

— Да, безусловно, — поддакиваю я. Обнимаю свою фальшивую невесту и быстро целую в щеку, а потом добавляю: — Прямо, как и ты. Кстати, я тебе сегодня говорил, как ты красива?

Шарлотта напрягается, но выдавливает из себя:

— Спасибо за комплимент.

Моя мама смотрит на нас и улыбается.

Но не Эмили. Кажется, девчонке нет дела до искусства, хотя это ее будущая специализация.

Но все нормально. Я возвращаюсь к начальному курсу. Продолжаю играть. Когда мы бродим мимо работ Шагала и Матисса, я сыплю шутками, и все женщины, включая Шарлотту, смеются. К тому времени как мы добираемся до сада скульптур, я уверен, что мы с Шарлоттой заодно и отлично справляемся с ролями.

Пока Эмили не поворачивается к ней:

— Как давно ты влюблена в Спенсера?

Шарлотта застывает, а на ее щеках вспыхивает румянец.

— В смысле, ты увлеклась им еще до того, как вы начали встречаться? — не понимает она. — Вы ведь с ним дружите целую вечность, верно? Так это один из тех...

— Эмили, дорогая. Это слишком личное, — говорит миссис Офферман, резко обрывая ее.

Девчонка пожимает плечами, словно в этом нет ничего особенного.

— Мне просто интересно. Они вместе учились в колледже. Мне не кажется странным поинтересоваться, были ли они влюблены друг в друга еще тогда.

Шарлотта приподнимает подбородок.

— Мы всегда были друзьями, — говорит она, а потом прижимает руку ко лбу. — Простите, я на минутку, — извиняется она и уходит прочь.

Мама смотрит на меня. Кажется, она обо всем догадалась. Она не спускает глаз с Шарлотты, когда та исчезает через стеклянную дверь.

Мать подзывает меня к себе. Как только я подхожу к ней, мама шепчет:

— Она чем-то расстроена. Иди и успокой ее.

Точно, о чем речь! Супержених спешит на помощь. Мамы всегда знают, как лучше поступить.

Я бегу за Шарлоттой через двери и по коридору, но догоняю, когда она уже у дамской комнаты. Я зову ее, но Шарлотта хватается за дверную ручку и заходит внутрь.

Дверь закрываясь, и я остававливаюсь.

Лишь на секунду.

В коридоре тихо в отличие от суеты в остальной части музея, поэтому я захожу в дамскую. Шарлотта стоит у раковины и брызгает воду на лицо.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, подходя к ней.

Здесь три пустые кабинки. В коридоре раздаются шаги, а потом тишина.

Шарлотта качает головой. Я подхожу к ней, кладу руку на поясницу и слегка поглаживаю. Она отстраняется от меня.

— Ты плохо себя чувствуешь? У тебя болит голова из-за вчерашней ночи или что-то другое?

Мы замираем, когда дверь со скрипом открывается, а потом закрывается, но я не слышу, чтобы кто-то вошел. В дамской комнате тихо, здесь только мы вдвоем.

Шарлотта разворачивается, хватая меня за рубашку и тащит в кабинку.

— Я не могу больше притворяться.

Мгновенно у меня поникают плечи, а ноги становятся ватными. Я слишком много от нее просил.

— Ты о помолвке?

— Нет. С ней все в порядке. Фальшивая помолвка не проблема, — говорит она, глядя на меня.

Никогда не видел эти карие глаза настолько серьезными. Такое чувство, будто Шарлотта собирается штурмовать отвесную стену. Она даже не моргает.

Я хмурю брови.

— Тогда в чем проблема?

Если честно, мне очень любопытно, потому что, если она говорит не о нашей любви понарошку, то я без понятия, о чем речь.

Шарлотта сильнее сжимает мою рубашку. Челюсть сжата. Она тяжело дышит через нос. Никогда не видел ее такой.

— Что я натворил?

— Прошлая. Ночь, — бормочет она, делая паузу на каждом слове.

— А что насчет прошлой ночи?

Она прикрывает глаза, но выглядит огорченной, а потом делает глубокий вздох и снова смотрит на меня. Жесткость куда-то пропадает.

— Ты притворяешься, будто ничего не произошло.

— Нет, — быстро отвечаю я, пытаюсь защититься. — Неправда.

Хотя именно этим весь день и занимаюсь. Из шкуры вон лезу в надежде добиться результата.

— Еще какая правда. За завтраком ты именно этим занимался. Мы просто пытаемся отмахнуться и спрятать это подальше, а такой вариант не по мне, — говорит она твердо, напоминая мне про одну из многих ее черт, которыми я восхищаюсь. Сила и упорство. — Ты не дал мне высказаться, но я кое-что должна знать. Я много раз тебе говорила, что с меня хреновая лгунья и это правда. Я не сильна во лжи. Даже вчера, за ужином, об отце я говорила чистую правду.

Вот и еще одна моя любимая черта — она чертовски честная.

— Ладно, что ты хочешь знать? — спрашиваю я и чувствую, как по коже ползут мурашки. Нападают как летучие обезьяны.

Злющие до безобразия.

Как будто существуют другие.

Шарлотта прикрывает глаза.

— Неужели ты такой твердолобый, Спенсер?

Я развожу руки.

— Походу, да. Почему бы тебе просто не объяснить? Что ты хочешь знать?

Она сжимает в кулаке мою рубашку и притягивает еще ближе к себе. В долю секунды расстояние между нами тает. Сначала нас отделяли сантиметров тридцать, достаточно пространства, чтобы держать гормоны в узде. Теперь же они вырываются на свободу. Кружа в вихре. Окутывая и не отпуская. Накаляя обстановку до предела.

— Я тебя не привлекаю?

У меня отвисает челюсть, а голову словно сдавливают тески.

Она что, рехнулась?

— Ты серьезно?

Она кивает:

— Отвечай на вопрос, Холидэй. В этом вся причина той байды в духе: «давай будем просто дружить»?

— Ты великолепная. Красивая. Просто потрясающая, — говорю я, расточая комплименты, как уличный продавец. — И я не хочу уничтожить нашу дружбу. Она для меня слишком важна.

Шарлотта кивает:

— Ты не ответил на вопрос.

— Я сказал, что ты красивая.

— Ты это же говорил про работы Хоппера. Ты и к художнику испытываешь влечение?

Я сглатываю. Стараюсь собраться с мыслями, но голова забита образами прошлой ночи. Все, что я проделывал с ней в квартире, мои фантазии, каждую мелочь, которую я хочу с ней сделать. За последние двое суток я узнал одну печальную истину: меня дико к ней влечет. Уровень притяжения просто зашкаливает. Это как сила вселенского масштаба.

— Я похож на дебила? — спрашиваю я, и голос звенит от напряжения. Одновременно меня бесит и заводит ее вопрос. Мой дружок опять стоит в стойке. Я на пределе, потому что весь этот день приходилось прикидываться, что мы только друзья.

— Ты правда хочешь знать ответ?

— Да.

— Нет, не похож. По мне, ты раздражен. Прямо как я. Так что мы оба злые как черти.

— Ошибаешься, я не злюсь — отвечаю я и хватаю ее за запястье. Разжимаю кулачок и притягиваю Шарлотту к себе. — И не раздражен. Я чертовски возбужден. Только полный безумец не испытывал бы к тебе влечение, — сипло шепчу я.

Ее глаза вспыхивают как бенгальские огоньки. Я уже упоминал об этой прекрасной черте. Ее зрачки искрятся с озорством и радостью.

— Правда? — Весь гнев испарился из голоса. Она мягкая и пушистая, а этот сладкий голос сводит меня с ума. Страшно хочется услышать и другие вещи, произнесенные с такой интонацией.

— Да, — цежу я сквозь зубы. Рука вокруг талии притягивает ее все ближе, а потом я провожу пальцами по подбородку Шарлотты. — Но нельзя чувствовать влечение к своему лучшему другу. Наверное, мне придется обратиться в больницу, чтобы разобраться с таким огромным притяжением. Я попрошу врачей лазером выжечь его из меня. Но их диагноз будет плачевным: «Простите, сэр, но оно по всему вашему телу. Исправить такое мы не в силах».

На ее губах расцветает улыбка.

— Правда? — спрашивает она, но вопрос больше напоминает констатацию факта.

Теперь она все узнает, и больше отступать я не намерен. Это не в моем характере.

— Не вынуждай меня доказывать, — говорю я, прижимаясь к ней.

В ее глазах пляшут чертики.

— Нет, докажи.

— Вызов принят.

В считанные секунды моя рука ползет вверх под ее юбку, и она задыхается, осознав, что происходит. Кончиками пальцев я скольжу между ее мягких бедер и когда добираюсь до трусиков, провожу указательным пальцем по хлопковой ткани. Они влажные, и мой член салютирует, в лучшем духе вышки на Эмпайр-стейт-билдинг. У меня вырывается стон. Не отрывая от нее глаз, я засовываю один палец в ее трусики. У нее дрожат плечи, а у меня закипает кровь, пока вожу пальцем по восхитительно влажной и скользкой киске. Убираю руку и подношу палец к губам, а потом слизываю влагу. На вкус она лучше, чем я мог себе представить. На этот раз мой громкий стон разносится эхом по уборной. Шарлотта дрожит в моих руках.

Она смотрит, как я облизываю палец, и все вопросы отпадают. Все уже понятно. Она открывает губы и говорит:

— Есть кое-что, что я также хочу тебе доказать. Сегодня ночью.

— Что именно?

Прежде, чем Шарлотта успевает ответить, дверь со скрипом открывается. Я разжимаю объятия, а она поправляет рубашку, а потом юбку. И чтобы окончательно развеять все сомнения насколько сильно мое желание, я засовываю палец в рот и сосу его. Не спуская с нее глаз, шепчу насколько она охренительно вкусная.

Шарлотта вздрагивает, и с ее губ срывается вздох. Я подношу палец к ее губам. Она берет его в рот, ласкает языком и сосет.

Я смотрю на нее, стораю от желания. Вытаскиваю палец, щипаю за уголок ее рта, открываю дверь и выхожу. Я сталкиваюсь с миссис Офферман.

Она моргает, а затем улыбается и машет.

Возвращаюсь к семье, зная одну вещь наверняка.

Я без понятия, что произойдет сегодня, когда ко мне домой придет Шарлотта.

Я открываю дверь и протягиваю Шарлотте безалкогольную Маргариту.

— Спасибо, — она делает глоток и заходит в квартиру.

На Шарлотте черные балетки, джинсы и нарядная серая майка с причудливым кружевным вырезом.

Проклятье. Она ловко скрыла свои искренние намерения. По наряду не понятно, что она планирует. Конечно, я мог бы упростить дело и спросить в открытую, но если бы она надела короткое черное платье и туфельки на высоких каблуках, это бы прояснило ситуацию. С другой стороны, на мне самом джинсы и черная футболка. Где гарантия, что по моему прикиду видно, насколько я готов на все, хотя надеюсь все-таки видно.

Она трясет пакетиком мармеладных мишек:

— Фермерские, с ноткой свежести, — говорит она.

— Надеюсь местного выращивания?

— Конечно. В радиусе восьмидесяти километров от фермы до стола.

— Отлично. И еще лучше мелкосерийного производства, — говорю я, насмехаясь над пищевыми пуристами, и радуюсь про себя, что еще, по крайней мере, могу обмениваться с ней шутками.

Шарлотта заговорщически шепчет:

— Они из Бруклина. Понятное дело, мелкосерийного производства. Хотя для меня по-прежнему загадка, почему нам под силу отправить человека на Луну, но убрать зеленых мишек из пакета они не могут.

— Это одна из великих тайн вселенной, — я закрываю дверь и машу в сторону гостиной. Шарлотта идет впереди, и я не в силах сопротивляться. Пялюсь на ее задницу, пока она проходит по паркетному полу к дивану. Такое чувство, будто Шарлотта разрешила мне поглазеть на нее.

— Как и гигантская спаржа, — усмехается она.

— Никогда не пойму, зачем нужны такие громадные овощи. Но ты и правда моталась в Бруклин за конфетами? — спрашиваю я, когда она садится на бежевый диван. Раздвижные стеклянные двери на террасу открыты, комнату овеивает теплым июльским ветерком.

Она качает головой, скидывает балетки и забирается с ногами на диван.

— Бруклинский магазин, где делают этих мишек, открыл филиал в моем районе. Но ингредиенты от местных производителей и не содержат желатина.

— Основное требование к мармеладным мишкам. — Я усаживаюсь с ней рядом и повторяю то, что она талдычит годами. Шарлотта не раз давала понять, что и пальцем не прикоснется к конфетам с желатином, который делается из говядины. Если бы ей захотелось в конфетах мяса, то она бы ела мясные конфеты, а этого никогда не случится. Это просто отвратительно.

Из этого следует, что конфеты с говядиной неприемлемы.

Я киваю на ноутбук:

— С чего начнем? Нетфликс? Или Хулу? А может, сразу врубим серию «Касла»? Или новинку с Уиллом Ферреллом? Романтическую комедию? Шпионский боевик? Или проверим бейсбольную статистику на «Спорт сента»?

Она открывает пачку и кладет желтую конфету в рот. Та скользит по ее губам. Везучий медведь.

— Как насчет «Касла»? Давай серию про ирландского мафиози.

Я точно знаю, о чем речь, потому что мы почти все серии смотрели вместе. Я быстро нахожу нужную и включаю. Мысленно поздравляя себя тем, что не забыл прошлой ночью закрыть вкладку с порно.

Фидо вальяжно расхаживает по комнате, бросая на нас надменные взгляды, и мяукает. Уверен, на кошачьем языке он сдает меня с потрохами. Слава Богу, «Берлиц» не разработала курсы по переводу с кошачьего.

Мы расселись в привычном за многие годы стиле. Она с горой подушек на одной стороне дивана, а я на другой. Ноутбук посередине на журнальном столике. На экране идет сериал. Мы перерыли половину мишек с пакета, Шарлотта тщательно просматривает цвета. Я, ради прикола, кидаю точно разрывную гранату в кучку перебранных, зеленого. Мы пьем Маргариту, и в какой-то момент Шарлотта закидывает ноги мне на бедра и скрещивает их в щиколотках.

Меня словно прошибает молнией, как прошлой ночью в ресторане, когда она коснулась моей ноги. Интересно, нет ли у меня скрытого фетиша на ступни? Никогда раньше об этом не задумывался, но стоит мне опустить взгляд на ее ножки с карамельно-розовым лаком на пальчиках, как я люблюсь ими точно замороженный и умудряюсь пропустить, как Касл объясняет Кейт Беккет свои предположения о мотивах убийства.

Пытаюсь сосредоточиться на экране, но все мои мысли только о Шарлотте. Нервы гудят от напряжения, словно мне вкололи убойную дозу кофеина. Украдкой наблюдаю, как она слегка подымает плечи, зарываясь глубже в подушки. Интересно, ей по вкусу поцелуй в плечико? Шарлотта убирает волосы с лица, и мне до одури хочется узнать понравится ли ей, если их собрать в охапку или намотать на кулак. Касл и Беккет близки к поимке убийцы, когда Шарлотта кладет в рот красного медведя, а я сгораю от желания изведать сладостно-вишневый вкус ее губ.

Она тыкает большим пальцем ноги мне в живот. На долю секунды я напрягаюсь, пытаюсь понять, догадывается Шарлотта, что сейчас творится у меня в башке. Но она увлеченно следит за приключениями наших бесстрашных героев.

Не понимаю, я был уверен, что к этому времени мы будем уже голыми. Но, в отношении Шарлотты мой барометр не пашет. За одним исключением, я чертовски уверен, что она хочет массаж ног. Я тянусь к ее ступням и начинаю массировать их, как делал много раз прежде.

Продвигаясь по своду стопы к пятке, я пытаюсь избегать шаловливых мыслей о ее ножках. Не тех, где я обхватываю губами пальцы ее ног, потому что у меня нет такого заскока. А других, где я смыкаю руки на лодыжках, развожу ноги и вколачиваюсь в нее.

Член встает, наливаясь как бита. Гребаный предатель. Клянусь, будь он человеком, то оказался бы конченным стукачом, который трепался бы всем о моих секретах.

— Ч-ч-черт, — бормочу я себе под нос.

Шарлотта смотрит на меня.

— С тобой все в порядке?

— Да. Все путем. Просто закончил Маргариту, — говорю я, схватив бокал со стола. Отличный предлог пойти прочистить мозги. — Не останавливай, я скоро вернусь.

— Ничего. Я подожду. — Она нажимает кнопку паузы. Меньше всего мне нужно ее

пристальное внимание во время моего бегства на кухню за напитком, который я даже не хочу. Я провожу рукой по черным волосам и смотрю на кувшин с безалкогольной Маргаритой. Своей невинной чистотой этот напиток будто издевается надо мной. Да пошло оно все к черту! Я хватаю бутылку текилы из шкафа и наполняю бокал, а потом открываю дверь морозилки и беру немного льда.

Морозный воздух на лицо.

Через пару секунд холодильник делает свое дело.

Я возвращаюсь к Шарлотте и поднимаю бокал:

— Я повышаю градус, — признаюсь я и делаю большущий, жадный глоток.

Она поднимает руку, словно пытаюсь выхватить у меня текилу. Я протягиваю ей бокал, и Шарлотта делает глоток.

— Ммм... — мурлычет она.

Я ставлю напиток на столик, и мы возвращаемся к просмотру серии с расследованием убийства, которое в данную минуту заботит меня меньше всего. Не уверен, как быть с тем эротичным моментом в дамской комнате музея. С другой стороны, пора признать, что я не знаю, как поступить со всем происходящим между нами за последние несколько дней. Дико хочется узнать, что же она собирается мне доказать. К сожалению, у меня нет устройства для чтения мыслей.

На экране мелькают титры.

Шарлотта поворачивается ко мне.

— Хочешь глянуть шоу Ника?

Нет! Я не хочу смотреть телик!

Мне хочется раздеть тебя и облизывать каждый сантиметр тела, но ты ведешь себя так чертовски безмятежно и нормально, что это сбивает меня с толку.

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Только я видел каждую серию раз двадцать. Какую хочешь посмотреть?

— Я сама найду, — говорит она, перегнувшись через мои ноги, берет ноутбук, переключается на приложение «Камеди нэйшен» и там находит «Приключения Мистера Оргазма». Довольно скоро начинает играть вступительная мелодия. Я закрываю глаза и откидываю голову на спинку дивана, когда до меня доходит, какую она выбрала серию.

В ней женщина где-то посеяла оргазм и уже год не испытывала наслаждения, поэтому ей пришлось нанять Мистера Оргазма для поиска пропавшего экстаза.

Серия угарная, и Шарлотта просто лопается от смеха. Меня начинают мучить смутные сомнения, не пытается ли Шарлотта доказать, что, даже ведя себя как друзья, мы оба умираем от желания, стремясь к одному и тому же. Все было таким очевидным, и пускай до этой минуты я безбожно тупил, но больше не буду. Вряд ли у меня хватит терпения ждать момента истины.

Я тянусь через диван и нажимаю паузу. За окном доносится гул сирены, смешанный с музыкой из расположенного неподалеку бара. В моей квартире особый шум. Воздух гудит от открытой перспективы. Мы балансируем над пропастью, в которую, несмотря на все доводы рассудка, я так отчаянно желаю прыгнуть, хотя и не должен.

— Что ты хотела доказать? Ты сказала в музее, что хочешь мне что-то доказать.

Она садится, скрестив ноги.

— То, что мы можем быть друзьями, — говорит она, как ни в чем не бывало.

— Ладно. И мы сегодня этим занимались?

Она с довольным видом кивает.

— Именно. Мы ели мармеладных мишек, пили Маргариту, смотрели телевизор. В общем, вели себя как обычно.

— Почему ты хочешь это доказать?

— Потому что собираюсь сделать тебе непристойное предложение, — говорит она так прямолинейно, будто собирается предложить мне работу. — Ты уже знаешь, у меня давно не было. — Она делает паузу и смотрит мне в глаза, пытаюсь понять, дошло ли до меня, о чем речь.

Дошло! О да! Еще как дошло!

Я киваю.

— И, судя по всему, меня очень влечет к тебе. Кто бы мог подумать, — продолжает она, пожав плечами, словно это неожиданность.

Я смеюсь:

— Да, незадача. — Я машу рукой. — Давай продолжай.

Она кивает на ноутбук.

— Мне нужна твоя помощь.

— Будь более конкретна. Притворись, что я полный невежда, и ты должна разложить мне все по полочкам, — говорю я, изо всех сил стараясь сохранить хладнокровие.

— Ты попросил меня неделю изображать из себя твою невесту, и у меня есть почти аналогичная просьба. Сделка на неделю. Как ты смотришь на то, чтобы вернуть должок другим макаром? И мы с тобой закончим, что начали прошлой ночью.

Я думал, что мы шли именно к этому, но оказался совершенно не готов к реакции своего тела на ее слова. Я возбужден до предела. Словно повернулся ключ в замке зажигания, и я на всех парах помчался по дороге моих вчерашних ночных фантазий.

— Поверь, я знаю, о чем ты думаешь, — продолжает она, но я очень надеюсь, что это не так, и Шарлотта не догадывается, что я представляю, как она голая бьется в экстазе подо мной. — Ты переживаешь, сможем ли мы остаться друзьями. Вот поэтому я хотела тебе это доказать. Мы сможем остаться друзьями. Без каких либо сложностей и непоняток.

Ах, да. Точно! Не скажу, что прямо сейчас об этом думал, но задумывался раньше. Тогда давай с этим разберемся.

— Меня посещали эти мысли, — отвечаю я, слегка кривя душой.

— Но мы уже трижды переступили черту и нашей дружбе это не помешало. Верно? — говорит она так небрежно и так чертовски убедительно, но я почти уверен, что она одержала победу надо мной еще на словах о мишках с нотками фермерской свежести.

— Да, — говорю я сильным, напористым тоном, будто вынося приговор, стукнув судебным молоточком. Уверен, мы должны переспать. Немедленно! А потом повторить. Неоднократно. Ночью.

— Как ты смотришь на небольшое отклонение от намеченного курса на неделю нашей фальшивой помолвки? — говорит она, нежно толкая меня.

По мне, идея просто гениальная. Я готов наброситься на нее и раздеть. А потом реализовать все свои и ее фантазии. Довести Шарлотту до охрененно потрясающего оргазма двадцать раз к ряду, чтобы стереть из памяти месяцы пресного самоудовлетворения.

Но заключение сделки проходит гладко, когда обе стороны с самого начала знают все условия и ожидания.

— Мы должны обговорить несколько основных правил, — говорю я.

— Да. Основные правила. Типа никакого анала, ты об этом?

— Хмм... Не совсем то, что я имел в виду, но этот запрет я переживу — говорю я со смехом.

— Отлично, — говорит она и кивает, а потом поднимает бровь. — А что ты имел в виду? К чему упомянул об основных правилах?

— Скорее о том, как долго это продлится.

— Одну неделю. Пока мы изображаем влюбленную парочку.

Очевидно, она уже все обдумала.

— Понял. Логично.

— А потом мы снова станем друзьями. Обещаешь?

— Без проблем, — говорю я, протягивая мизинец для заключения сделки, хотя, давайте начистоту, это не в моем стиле. Мужики не дают клятвы на мизинцах. Тем не менее, когда Шарлотта скручивает свой мизинчик вокруг моего, кажется, самое время для такой чепухи.

— Это очень важно, — решительно говорит она, когда мы соединяем пальцы, а потом отпускаем. — В конце недели мы опять станем просто друзьями.

— Никаких ночевок, — добавляю я, — это все только усложнит и запутает.

— Согласна. И никаких странностей. Это еще один пункт.

Я рьяно киваю и отмахиваюсь руками.

— Я ненавижу странности. Нам они не к чему.

— Помимо этого никакой лжи.

— По-любому я «за».

Она отсчитывает на пальцах.

— Хорошо. Итого: никакого анала, ночевок, странностей, обмана. Это длится неделю, а потом мы возвращаемся к дружбе.

— Это все?

Она косится на меня как на сумасшедшего.

— Что ж, глупость, конечно, но есть еще один момент.

— Давай! Выкладывай о чем речь.

Она закатывает глаза:

— Ясное дело, не влюбляться, — говорит она с полным пренебрежением такой идеи.

Я не в силах сдержать собственную насмешку:

— Ясень пень! Это не про нас.

— Этого никогда не произойдет.

— Без вариантов. Совершенно исключено. — Мы оба киваем полностью солидарные в этом вопросе.

Шарлотта берет за край футболки, намериваясь снять ее с себя.

Я поднимаю руку:

— Погоди-ка!

— Ты еще не готов?

— Во-первых, я родился готовым. Во-вторых, я почти всегда готов заняться делом, — говорю я, косясь на свою ширинку, чтобы она не сомневалась о чем речь. — А за последние двое суток, я стал сверх меры готовенький. — Шарлотта расплывается в улыбке. — Ну, а теперь давай включим какую-нибудь музыку или что-то в этом духе.

Она хлопает себя по лбу.

— Точно! Настрой. Давай создадим нужное настроение.

— Я уже в настроении. Но называй это как хочешь.

Она встает и поднимает палец.

— Для начала я сгоняю в туалет, — говорит она и выбегает из комнаты. Почему-то Шарлотта идет во вторую ванную в моей спальне, а не в ту, что рядом с кухней. Яжимаю плечами.

Пофиг!

Я включаю потоковую музыку, выбираю несколько знойных композиций, которые напоминают мне о прошлой ночи в баре, а потом беру свой бумажник и достаю из него презерватив. Бросаю его на столик, и пакетик с легкостью выскальзывает из рук.

До меня доходит, что ладони вспотели.

Твою ж мать!

Я нервничаю.

Офигенно сильно, и это недопустимо. Я не нервничаю перед сексом. Я в постели мегакрут. Полон уверенности, мастерства, которым одариваю женщин. А Шарлотта достойна только лучшего. Проклятье, я имею в виду самого лучшего. Делаю глубокий вдох и расправляю плечи, напоминая себе, насколько я хорош в этом деле. Это мой мастер-класс. Я собираюсь подарить Шарлотте самое умопомрачительное удовольствие в ее жизни.

Подхожу к выключателю и слегка приглушаю свет, а когда оборачиваюсь, Шарлотта стоит в гостиной, прислонившись к стене.

На ней одна из моих белых рубашек на пуговицах и больше ничего.

Я застываю.

Не в силах дышать. Даже моргать. Единственное, что я могу — смотреть на ее великолепную фигуру. Светлые волосы струятся по моей рубашке. Шарлотта тербит пуговицу, словно не знает, куда деть руки. Сильные обнаженные и безупречные ноги слегка скрывают края рубашки. Я не знаю, надеты ли на ней до сих пор трусики, но планирую это выяснить.

Каждый молекул внутри меня гудит. Мне нужно коснуться ее прекрасного тела. Поцеловать каждый миллиметр кожи. Облизать, попробовать и хорошенько трахнуть.

Подарить ей массу удовольствия.

— Ты пытаешься соблазнить меня? — спрашиваю я, подходя к ней.

— Да, — хрипло шепчет она. — Сработало?

Я киваю:

— С одним маленьким исключением, так не должно быть.

Хватит ей устанавливать правила и принимать решения. Хорошего понемногу. Это моя территория, и главный здесь я.

Я окидываю ее взглядом с макушки до пят и наблюдаю за ее реакцией. Шарлотта тяжело дышит, глаза блестят от желания.

— О чем ты?

— Не ты соблазняешь меня, — я провожу костяшками пальцев по ее щеке, Шарлотта трепещет от моего прикосновения. Теперь контроль в моих руках. — Это я соблазняю тебя.

С великой силой приходит великая ответственность.

Не секрет, что я «хорошо оснащен». Шарлотта уже поняла это, хотя даже не раздела меня. Но, когда у тебя член намного больше среднего размера, секрет успеха в том, что ты не должен размахивать им, как большой бейсбольной битой. Наоборот стоит относиться к нему, как бейсбольный менеджер к лучшему клоузеру^[13]. Член с огневой мощью — твое секретное оружие, и на вес золота знать, как правильно разыграть матч, расставив игроков на поле. Смысл в том, что член никогда не должен быть звездой выступления.

На первом месте всегда девушка. Она должна чувствовать это от начала и до конца. Нужно правильно ее разогреть. А для этого использовать все свои инструменты: руки, пальцы, рот, язык и слова.

К счастью, я отлично в этом разбираюсь и намерен показать Шарлотте все, на что способен.

Для начала слова...

— Я должен кое в чем признаться, — говорю я.

— В чем?

— Знаю, ты пыталась доказать, что мы можем оставаться друзьями, пока мы смотрели сериалы. Но я не очень был настроен на дружеский лад.

— Нет? — спрашивает она, а в глазах мелькает беспокойство.

Я качаю головой:

— О какой дружбе может идти речь, когда я не мог перестать думать, насколько сладки твои губы, — шепчу я, и беспокойство в глазах Шарлотты превращается в искры желания. Ее грудь поднимается и опускается, словно каждый вздох подпитывает предвкушение близкого наслаждения.

Я обхватываю ее лицо руками, склоняюсь к губам и целую.

Ласково сводя с ума. Мягкий, медленный, дразнящий поцелуй подстегивает желание и несет скрытое обещание. Я прижимаюсь к ее рту, пробуя, заявляя права, а потом скольжу языком между красных жаждущих губ.

Наши языки переплетаются, и у меня вырывается стон.

Это не первый наш поцелуй, но впервые мы не собираемся им ограничиваться. Мы целуемся, осознавая, что собираемся довести дело до конца.

Ее груди прижимаются к моей рубашке, и очень скоро я намерен уделить им особое внимание. Я скрупулезно изучу эту великолепную грудь, а потом проведу сладостные часы, исследуя каждый миллиметр тела.

Вот так я ее целую. С обещанием предстоящего наслаждения.

Ее.

Множokратного.

Разорвав поцелуй, я провожу большим пальцем по ее верхней губе, помечая территорию.

У нее вырывается тихий стон, полный страсти.

— Ты на вкус как вишневая конфета, текила и желание, — говорю я ей, опуская руку на шею и проводя пальцами по мягкой, нежной коже. — А теперь, когда узнал вкус твоих губ, я

сгораю от желания познакомиться с тобой всю. Увидеть обнаженной. Я несколько дней не переставая только и мечтал об этом.

— Тогда раздень меня, — говорит она с мольбой.

— Ну, раз ты так любезно просишь, — отвечаю я едва слышно и медленно расстегиваю одну пуговицу, а затем другую. Я полностью опьянен, зная, что не только увижу грудь Шарлотты, но буду прикасаться, целовать и ласкать ее. Пульс зашкаливает от предвкушения, а стук моего сердца, кажется, слышен на всю квартиру. Мне хочется навечно запечатлеть этот момент в памяти. Никогда не забуду, каково снимать рубашку с Шарлотты.

Она проводит языком по губам, глаза сверкают, а тело слегка дрожит. Шарлотта напоминает красивую птицу в клетке: крылья трепещутся, сердце бешено колотится, стремясь вырваться на свободу.

Я стану ее единственным освободителем. Позволю вырваться и воспарить к небесам.

Еще одна пуговица выскальзывает из плена, и мои пальцы скользят по ложбинке.

Шарлотта судорожно дышит, а у меня вырывается стон. Мы оба одновременно ухмыляемся от осознания истины. Не нужно быть телепатом, чтобы понять, как мне нравится прикасаться к ней, и в каком от этого Шарлотта восторге. Несмотря на то, что грудь уже неприкрыта, я не спешу распахивать рубашку. Упорно жду, когда расстегну каждую проклятую пуговицу. Я в предвкушении охрнительного момента, когда, наконец, увижу ее обнаженное великолепие. Я уже знаю, Шарлотта прекрасней любого бриллианта.

Добравшись до последней пуговицы, я провожу пальцем по нежной плоти, и у Шарлотты с губ срывается стон.

Последняя пуговица выскальзывает из петельки, и я отступаю на шаг.

Я сражен наповал, стоящей передо мной женщиной. Шарлотта всегда была красивой, но сейчас, стоя у белой стены в лучах лунного света, льнущего из балкона, она не просто красива.

Она ангел, спустившийся согрешить со мной.

Рубашка наполовину распахнута, открывая взору аппетитную полоску кожи, начиная от яремной впадинки, ложбинки между грудями и вниз до пупка. На ней розовые кружевные трусики с низкой посадкой. Взявшись за воротник, я стягиваю ткань по ее плечам, но на секунду останавливаюсь и целую ключицу. Ткань плавно скользит вниз, а я усыпаю дорожку из поцелуев от ее локтя до запястья.

Со счастливым вздохом Шарлотта скидывает рубашку на пол. В груди разгорается безумный огонь от ее вида, вкуса и запаха.

Боже милостивый, раздевать ее все равно, что разворачивать подарок. Когда развязываешь бантик, открываешь упаковку и понимаешь, что внутри тебя ждет, намного больше, чем ты смел мечтать на Рождество.

Шарлотта небесной красоты.

У нее круглая полная грудь с напряженными вздернутыми сосками. Живот плоский и мягкий, а бедра умоляют о прикосновениях, чтобы я их сжимал, пока овладеваю ей. Мой член затвердел, как сталь, от этого восхитительного образа.

Но в первую очередь я уделяю особое внимание ее груди. Обхватываю их руками и сжимаю. При первом прикосновении у Шарлотты срывается стон, и она откидывает голову назад к стене.

— Хочешь знать, какие еще совсем не дружеские мысли меня посещали? — хрипло шепчу я ей на ухо, поглаживая мягкую плоть вокруг сосков.

— Да. О чем? — звонко спрашивает она, тая от моих прикосновений.

— Мне было интересно, понравится ли тебе так же, как мне, когда я буду ласкать твою грудь ртом. — Я слегка отстраняюсь и смотрю ей в глаза. — Как, по-твоему, я угадал?

Она быстро кивает. И от такого отчаянного рвения горячие искры молнией устремляются вниз по позвоночнику. Ее ответ — словно мечта, именно такой реакции я от нее хотел... чтобы ночь со мной оказалось лучше любой ее фантазии.

Хочу, чтобы реальность превзошла все ее ожидания.

Тем более, я еще никогда не видел такую Шарлотту, как в последние несколько дней. Девушку, которая стремится подразнить меня или забирается на колени в такси, или шепчет пошлости на ухо, выходя из комнаты. О, не сомневаюсь она неподалеку. Но сейчас на ее месте более мягкая и уязвимая Шарлотта, и именно ее я хочу больше всего.

Ей я смогу управлять.

Довести до иступления.

Овладеть.

Наклоняюсь и прижимаюсь ртом к одной из великолепных холмиков и обхватываю губами твердый, как алмаз, сосок. У нее вырывается тихий всхлип. Шарлотта зарывается пальцами в моих волосах и сжимает их, когда я накрываю руками ее груди и осторожно тяну сосок зубами.

Пальцы смыкаются на мягкой плоти, и в голове мелькает мысль, как же здорово будет когда-нибудь трахнуть ее грудь, скользя в ложбинке членом. Ее груди чертовски сексапильные и чувствительные от простого прикосновения моего языка.

Я мог бы трахнуть этих красавиц, кончая на нежную кожу. Но не сегодня. Это ночь Шарлотты, а не моя.

Перехожу ко второй груди, ласкаю языком, уделяя ей столько же внимания. Звуки, срывающиеся с ее ротика, отвечают на мой вопрос, как сильно ей это нравится. У нее от каждого моего поцелуя и облизывания перехватывает дыхание. Так что ответ однозначно положительный.

— Значит, тебе это нравится, так же, как и мне, — говорю я.

— О, дааа...

Ответ протяжен и полон страсти, точно песня. Очень порочная песня.

С каждым сантиметром я спускаюсь все ниже по ее телу, целую живот, исследую языком бедра. Она вздрагивает и стонет, прерывисто дыша, пока я пробую миллиметр за миллиметром ее кожу.

Вырисовываю сладкую линию вокруг ее пупка и до конца осознаю, насколько сильно хочу, чтобы эта ночь стала для нее удивительной. Чтобы она чувствовала себя обожаемой и в тоже время хорошенько оттраханной.

Путешествуя вниз по ее телу, мой язык исследует край розовых, почти прозрачных трусиков, а потом проскальзывает под резинку, и Шарлотта вздрагивает. Единственное место, где я сейчас хочу быть — это ее киска. Единственное во всей вселенной.

Я просовываю палец под тонкую резинку розового кружева, как вдруг Шарлотта меня окрикает:

— Спенсер.

Я поднимаю взгляд.

— Ты снимешь футболку?

Одним быстрым движением я скидываю одежду, и ладони Шарлотты ложатся на мои

плечи. Потрясающе чувствовать на себе ее руки, даже если она лишь опирается на меня. Именно этого я жажду: стать единственной опорой Шарлотты, когда я своим языком переверну весь ее мир. Я миллиметр за миллиметром спускаю трусики вниз по ее бедрам, наслаждаясь и любясь каждой мельчайшей деталью. В горле пересыхает, и я с трудом сглатываю при первом взгляде на лобок, покрытый мелкими кудряшками.

Натуральная блондинка.

Зарываюсь носом в волосы и вдыхаю. Я собираюсь попробовать ее. Намериваюсь провести языком между ног моей лучшей подруги, и никогда в жизни я не был так чертовски возбужден.

— Теперь веришь мне?

— Ты о чем? — спрашивает она счастливым, слегка одурманенным голосом.

— Что меня влечет к тебе.

— Да, — отрывисто выдыхает она.

— Это невероятное притяжение, Шарлотта. Я умираю от желания попробовать тебя. Надеюсь, все сомнения отпали, учитывая, что я стою на коленях, стягивая с тебя трусики, и планирую зарыться лицом между твоих бедер, — говорю я, а Шарлотта еще тесней прижимается ко мне.

— Я больше в этом не сомневаюсь. Ни капельки. Клянусь, — всхлипывает она, с диким отчаяньем моля о прикосновениях.

Я целую местечко над клитором. Судя по стонам, Шарлотта на грани.

Так же, как и я.

Спускаю кружева до щиколоток, и Шарлотта, держась за мои плечи, окончательно скидывает их. Поднимаю голову и встречаюсь с карими глазами, в которых плещется желание, равное по силе моему собственному.

Отпала необходимость в словах и поддразниваниях.

И ждать больше не нужно.

Опускаю руки на внутреннюю сторону бедер и раздвигаю их. Не в силах сдержать стон от открывшегося мне великолепия — красивая, восхитительная, мокрая киска Шарлотты.

Прекрасный клитор, уже набухший и пульсирующий для меня.

Провожу по нему языком, и с ее губ срывается самый восхитительный в мире стон. Сжимаю ее бедра, удерживая Шарлотту на месте, пока целую сладкую киску. Я бы мог устроить здесь банкет. Ласкать ее, как безумно голодный человек. Я изнываю от желания насладиться ее вкусом, так же сильно, как мечтаю довести Шарлотту до исступления. Хочу узнать, понравится ей быстро и жадно или наоборот следует медленно и нежно растягивать удовольствие. Щелкаю языком по клитору и облизываю. Судя по тому, как Шарлотта впивается ногтями в мои плечи, она взлетает до небес от одного кончика моего языка.

У нее вкус секса, мечты и наслаждения. Я упиваюсь сладостным нектаром. Тело не просто объято пламенем, оно как вулкан. Кровь по венам несется лавой, а пульс грохочет от желания. Мой член устанавливает мировые рекорды по твердости, до боли врезаюсь в молнию джинсов.

Я хочу упиваться этой женщиной. Чувствовать на своей коже ее запах, а на щетинистом подбородке — влагу. Проклятье, мне нужно уткнуться носом в этот жар.

Пальцами раздвигаю и облизываю скользкие складки. Она стонет от удовольствия:

— О Боже...

Она несколько минут повторяет это как молитву, пока я упиваюсь греховно-сладкой

киской и узнаю, насколько ей это нравится.

Бедра Шарлотты с отчаянным рвением рвутся мне на встречу, вторя отрывистому беспорядочному дыханию. Мой язык скользит внутрь, и ногти Шарлотты впиваются мне в плечи, а когда я возвращаюсь к клитору, ее сотрясает мелкая дрожь. Вхожу в нее одним пальцем. Она такая тугая. И в следующую секунду Шарлотта всхлипывает на распев.

Охренеть, но она словно поет.

— Боже мой! О Б-о-ж-е! О Б-о-ж-е!..

Она продолжает что-то шептать, и это удивительно. Мне нравится, что она не в силах подобрать слова. Я в восторге, что она не в силах говорить, лишь стонать, пока парит в небесах от моего языка.

Она достигает самой высокой ноты, какую мне довелось слышать, и в исступлении трахает мое лицо. Шарлотта убирает руки с моих плеч, хватает меня за голову и объезжает мое лицо, пока я до последней капельки слизываю ее сладость.

Она вкуснее, чем была в душе.

Лучше, чем в моих фантазиях.

Она настоящая, как и ее оргазм на моих губах и подбородке.

Я жутко счастлив и невероятно возбужден.

Я встаю и обхватываю ее голову рукой. Шарлотта дрожит. Целиком и полностью.

И теперь я говорю то, что не мог сказать вчера в такси.

— Господи, я так чертовски сильно хочу трахнуть тебя сейчас.

Она отвечает мне тремя лучшими в мире словами:

— Я хочу тебя.

Минуточку. Я посчитал не правильно. Она добавляет еще одно. Четыре лучших для любого мужика слова:

— Я дико хочу тебя.

Я подхватываю ее теплое, гибкое тело и несу к обеденному столу. Поверьте, это не спонтанное решение.

Я обдумал все возможные варианты и выбрал именно этот.

Миссионерская поза, хоть и фантастическая, но для нашего первого раза никуда не годится. У Шарлотты от нее не снесет крышу. «Наездница» тоже не катит. Контроль должен быть в моих руках. И, конечно, в первую ночь я не стал бы брать ее сзади или в коленно-локтевой позе. Во время процесса я хочу видеть ее лицо. Губы, когда она будет на грани, и глаза, когда кончит.

Я осторожно кладу ее голую задницу на край деревянного стола, и у Шарлотты округляются глаза, озаренные вспышкой понимания. На секунду появляется, но тут же исчезает желание спросить, занимались ли они с Брэдли сексом за пределами спальни. Мне глубоко на это плевать. Сейчас она моя, а этот дятел больше никогда не прикоснется к самой прекрасной и удивительной в мире женщине. Он потерял, а я приобрел.

— Оставайся здесь, — резко говорю я, возвращаясь к журнальному столику за презервативом.

— Честно говоря, я и не планировала куда-то уходить, — монотонно говорит она, и я с улыбкой восхищаюсь ее сухим юмором.

Вернувшись, я расстегиваю джинсы, стягивая их вниз по бедрам, а потом отбрасываю в сторону. Через мгновение шаловливые ручонки стягивают мои боксеры, и Шарлотта кусает губы.

Освобожденный член салютирует ей. Ее глаза не просто округляются, они сейчас напоминают спутниковые тарелки.

— Ни фиги себе! — шепчет она, прижимая руку ко рту.

Со смехом я убираю пальчики с ее губ.

— Да, он войдет, — отвечаю я на невысказанный вопрос, который крутится у нее на кончике языка.

— Откуда ты знаешь, о чем я хотела спросить?

Я не отвечаю, вместо этого задаю другой вопрос, и кладу пакетик с ней рядом на стол.

— Хочешь знать, почему я так думаю?

— Почему?

Я провожу пальцами по скользким складкам.

— Потому что ты такая мокрая, что я войду в тебя с легкостью и без проблем. — Я беру ее за руку. — Теперь прикоснись к нему.

С восхитительным придыханием, будоражащим кровь, Шарлотта обхватывает ладошкой член, и я стону от невероятного удовольствия. Она скользит вверх и вниз, с каждым прикосновением разжигая меня еще больше. От ее поглаживаний мое тело словно объято огнем. Каждый миллиметр пылает от сильного желания. Я стою у нее между ног, а Шарлотта сидит на краю стола, голая и разгоряченная после первого оргазма. Этот момент нереально охренительный.

Она играет со мной с минуту. Ловкие пальчики исследуют вдоль и поперек мой член. От нежного, сладкого трения в моей груди зарождается рык. Шарлотта растирает каплю

предсемени по головке, и я больше не могу сдерживаться.

— Ты мне нужна, — говорю я, проводя ладонями по ее бедрам, развожу ноги еще шире. Хватаю презерватив, осторожно снимаю обертку и надеваю его.

Втискиваюсь бедрами между ее широко открытых ножек и проталкиваю головку к складкам. Прикрыв глаза, Шарлотта начинает тереться об меня, изнывая от жажды.

Зарываясь пальцами в ее волосы, я обхватываю затылок ладонями.

— Сделай это сама, — слегка грубо говорю я, пресекая на корню любые споры.

Обхватив рукой основание, она трет кончиком моего члена по киске, а потом вводит внутрь, миллиметр за миллиметром. Пока я позволяю ей вести. Пусть сделает это, как ей удобно. В какой-то момент она резко вздыхает.

— Больно?

Шарлотта качает головой, отпускает мой член и обвивает руками шею:

— Нет. Великолепно. Так здорово чувствовать тебя внутри.

Это сигнал для меня начинать представление. Я делаю последний рывок и заполняю ее. У меня сносит крышу.

Это... ад.

И небеса.

Блаженство.

Вот что это.

Я. Прямо сейчас. В эту самую секунду в раю.

Ее влажность восхитительна, внутри так жарко. Невероятные, просто охренительные ощущения. Все до единого.

Ее пальцы зарываются в мои волосы. Я обхватываю ее бедра и начинаю двигаться, давая время привыкнуть. Слежу за выражением лица и карих глаз, когда она привыкает ко мне. Я улавливаю мельчайшие намеки. Начинаю с медленных, сдержанных толчков, пока Шарлотта полностью не расслабляется, позволяя мне заполнить ее. Колени Шарлотты полностью распахиваются, губы слегка приоткрываются, и она кивает, а потом, смотрит на меня и шепчет:

— Трахни меня.

Два слова, которые воспаляют каждый сантиметр моей кожи.

Я трахаю ее, а она меня. Вхожу глубже, и Шарлотта подстраивается, приподнимаясь ко мне навстречу. Мы двигаемся в едином ритме, невероятно синхронно. Мы связаны.

Наш первый раз. Я стараюсь запомнить все до мельчайших деталей. Отблески румянца, разливающиеся на ее груди. Запах ванильного лосьона на ее плечах. Каждый стон, всхлип и вздох Шарлотты наполнен наслаждением.

Ее припухшие и приоткрывшиеся губы молят о поцелуях. Наклоняюсь и захватываю их в плен, одновременно вонзаясь в нее. Мы целуемся — грубо, жестко, грязно с вздохами, которые доказывают, что она сейчас в другом мире вместе со мной.

Я скольжу руками под ее бедрами, и она приподнимает ноги выше.

— Оберни их вокруг меня, — прошу я.

Она скрещивает лодыжки у меня на поясице.

— Так?

— Именно так, — повторяю я, а потом закрываю глаза, когда давление становится слишком бешеным. Мои квадрицепсы натянуты, и я могу только себе представить, насколько невероятным будет кончить внутри нее. Но сдерживаюсь, пока Шарлотта не

достигнет оргазма.

Я вталкиваюсь в нее сильнее и глубже, а в какой-то момент попадаю в особую точку, которая буквально поворачивает переключатель. Она задыхается, содрогаясь. Шарлотта стискивает меня ногами. То что нужно! Именно так я подведу ее к краю, туго и плотно обхватив меня. Ближе ко мне. Со мной. Подо мной. Она извивается и содрогается, и начинает терять контроль.

— О Боже... — стонет Шарлотта, и ее звуки отдаются диким эхом в моих ушах.

Ее тело как вода и огонь. В ней сокрыты все стихии. Все стороны женской природы: уязвимость, мягкость, сила, женственность.

Она вскрикивает — протяжно, низко и просто великолепно. Шарлотта поднимает свое лицо ко мне, обхватив руками шею, зазывно и пылливо. В спешке ее губы прижимаются к моему уху и шепчут нараспев, как будто я нуждаюсь в словесном подтверждении.

— Я кончаю, кончаю, кончаю.

Это словно песня.

Я офигенно ошибался, считая, что этот момент не может стать сексуальней. Еще как может. С легкостью. Верх совершенства. Нет ничего лучше, чем слышать, как она шепчет на ухо, что достигает кульминации, хотя мне это и так известно. Но Шарлотте просто необходимо об этом сказать.

Я присоединяюсь к ней, трахая ее жестко и приближаясь к собственной развязке.

Через минуту после того, как наше дыхание приходит в норму, я уже готов к неловкости, которая так и не наступает. Ни сразу, ни потом.

Я выхожу из нее, снимаю презерватив, и бросаю резинку в мусорное ведро. Возвращаюсь к Шарлотте и целую ее веки. Потом она исчезает в ванной, чтобы привести себя в порядок. Я спрашиваю, хочет ли она глянуть еще одну серию, когда Шарлотта возвращается в комнату.

Все еще обнаженная.

Мы смотрим, как Касл и Беккет пытаются распутать еще одно убийство.

Фактически, мы возвращаемся к началу вечера: едим мармеладных мишек, пьем Маргариту и гадаем над поворотами сюжета. Все это длится до тех пор, пока я не притягиваю Шарлотту ближе, и она снова действует на меня как виагра. В считанные минуты мы приступам ко второму раунду, на этот раз на диване. Очень скоро я слышу мою новую, самую любимую песню, когда Шарлотта прижимается губами к моему уху и шепчет нараспев, что кончает.

Достигнув развязки, мы засыпаем.

Вместо будильника меня будит Фидо, играя на моей голове, как на пианино. Вот так своеобразно он заявляет, что голоден. Терраса залита лучами утреннего солнца. Шарлотта крепко спит в моих объятиях.

Мы нарушили наше первое правило.

После двух восхитительных дней, заполненных сексом с небольшим перерывом на работу и непродолжительный сон, во вторник ближе к вечеру я получаю эсэмэску с Бэт-сигналом^[14].

Сообщение приходит, когда я бегу вдоль шоссе Вест-Сайд.

Тренажерный зал в моем доме. Здесь Кретин. Он пялится на мое кольцо.

Чую за километр шикарную возможность. Хотя именно благодаря Брэдли она согласилась прикинуться моей невестой, чтобы избавиться от ужасных подарков и красиво отомстить. К счастью, он потерял ее. С другой стороны, Брэдли фирменная сволочь, и теперь я могу утереть ему нос.

Меняю планы и бегу через весь город, уворачиваясь от парней в костюмах, женщин в платьях, строителей и других обитателей Нью-Йорке, которые идут по своим делам, пока я несусь как угорелый на Марри-Хилл. Когда я добегаю до ее дома, то тяжело дышу, а пот стекает по груди. Сообщаю швейцару, что пришел к Шарлотте. Меня без проблем пропускают, поскольку я в списке постоянных посетителей без ограничений. Я быстро иду к лифту и спускаюсь в тренажерный зал.

Нахожу Шарлотту в считанные секунды. Она на беговой дорожке, а Брэдли крутит педали, наблюдает за ней с велотренажера.

Встречаюсь с ним взглядом и салютирую ему двумя пальцами, а потом иду к Шарлотте. Останавливаю ее тренажер и жадно целую. Хотя она меня не ждала, но не спешит отстраняться. Наоборот пылко отвечает, тая в моих руках. Поцелуй в секунду из невинного превращается в весьма откровенный. А когда Шарлотта спрыгивает с беговой дорожки и обнимает меня, поцелуй уже выходит за рамки приличия. Не отрываясь от моих губ, она шепчет, что перед тем как пойти в «Лаки Спот», нам нужно подняться в ее квартиру.

Это по мне. Капитан Жених к вашим услугам.

Направляясь к лифту, я смотрю на Брэдли. Он пыхтит и пыжится, злой как черт.

Выпячиваю грудь и расправляю плечи.

Что тут поделать? Моя женщина меня хочет.

* * *

Следующий сигнал о помощи приходит тем же вечером, только от матери. Я работаю в небольшом кабинете в задней части бара, в окружении коробок с коктейльными салфетками и шкафчиков, где хранятся первоклассные спиртные напитки.

Сначала сообщение выглядит как приглашение:

Привет, дорогой! У нас есть билеты на мюзикл «Скрипач на крыше» завтра

вечером. Два лишних. Вы сможете с Шарлоттой прийти? Можем собраться пораньше и посидеть в «Сардис^[15]».

Сказать, что я не фанат мюзиклов огромное преуменьшением. Если честно, вопрос мамы меня страшно удивил. Вся семья в курсе, что когда дело доходит до мероприятий связанных с песнями и плясками, я нахожу уйму отмазок начиная от «слежу, как сохнет краска» и «привожу в порядок галстуки» до «надо к стоматологу».

Но сейчас мне в голову не приходит ни одна отговорка, ведь Шарлотта обожает Бродвей. Я выскакиваю из офиса и нахожу ее за барной стойкой.

— Прозвучит странно, — говорю я, присоединяясь к ней. — Но не хочешь ли завтра сходить на «Скрипач на крыше»? Со мной?

Шарлотта пристально всматривается мне в лицо, а потом прижимает ладонь ко лбу.

— Температуры нет.

— Я серьезно.

— Может она еще не поднялась.

— Я не шучу.

— Тебя прямо сейчас отвести в больничку или подождать первых признаков лихорадки?

Я стучу пальцем по своим часам.

— Приглашение истекает ровно через пять секунд. Пять, четыре, три...

Она хлопает в ладоши.

— Да! Конечно, я хочу пойти. Обожаю мюзиклы. Это так здорово. Я даже не стану спрашивать, где твой мешок с оправданиями. А просто буду наслаждаться жизнью.

— Хорошо, — говорю я и подхожу ближе, намериваясь поцеловать ее в щеку, но в последний момент останавливаюсь.

В глазах Шарлотты мелькает паника, и она слегка кивает головой. Здесь Дженни и официанты, разносят заказы.

Блин!

Какого хрена я едва не отчудил такое? Я не прочь выражать чувства на людях, но не на работе, когда рядом сотрудники, менеджер и клиенты.

— Прости, — бормочу я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Смешивая водку с тоником, темноволосая Дженни поднимает ухоженную бровь, но ничего не говорит. Шарлотта не носит в баре кольцо, но глядя на реакцию Дженни, я задумываюсь, могут ли наши сотрудники почувствовать изменения. Как животные чуют надвигающуюся бурю, догадываются ли персонал, что их начальники спят вместе? Могут понять, что это временное явление? В голове роется столько мыслей. Я стою слишком близко к Шарлотте и смотрю чересчур пристально. Все настолько очевидно? По моему взгляду понятно, что я сейчас представляю, как моя бизнес-партнерша сидит на мне обнаженная и кончает от моего языка?

Я качаю головой, отгоняя похотливые мысли и пытаюсь сгладить оплошность.

— Мы чуть не нарушили второе правило, — говорю я Шарлотте.

— Какое?

— Никаких странностей.

Она смеется и хлопает меня по плечу.

— Все в порядке, Холидэй. Это даже ни капельки не странно, — а чуть тише добавляет:

— наоборот очаровательно.

Вот черт, теперь я краснею. Потому что...

Минуточку.

Какого хрена?

Походу у меня реально жар. Я добровольно обрек себя на музыкальную каторгу, а меня обозвали очаровательным. Я с этим не согласен. Категорично. Мы сегодня трахались по полной, и Шарлотте прекрасно известно, что во мне нет ничего очаровательного.

Я сама мужественность и сила.

— Отлично, — говорю я, самоуверенно барабаня костяшками пальцев по бару, как будто мое небрежное отношение может восстановить мой крутой имидж. — Значит мы завтра идем, но только потому что ты этого хочешь.

Телефон снова гудит. Читаю сообщение, и у меня поникают плечи.

Офферманы тоже будут:)

Поворачиваюсь к Шарлотте.

— Это была засада, — говорю я, а потом делюсь подробностями.

Но она продолжает улыбаться как ни в чем не бывало.

— Все нормально. Я не против их компании. — Она наклоняется чуть ближе и шепчет: — На самом деле, за эти пару дней мне стало еще проще играть твою невесту.

— Почему же?

— Из-за того, как ты трахаешь меня всю ночь напролет, — говорит она едва слышно.

Меня охватывает желание. Я готов затащить ее в кабинет, и отыметь прям здесь на работе.

Но Дженни снова её зовет, и я возвращаюсь к компьютеру с крепким стояком.

Пока я отвечаю на электронные письма от поставщиков, до меня доходит, что от комментария Шарлотты об «очаровании», я по идеи должен был почувствовать себя странно, а это не так. Почему?

Возможно, потому что Шарлотта светилась от счастья из-за мюзикла. Проклятье, отвести ее на Бродвей наименьшее как я могу отблагодарить Шарлотту за фантастическую игру ради сделки моего отца.

Загадка решена. Мне нравится делать Шарлотту счастливой, потому что она мой друг, а друзья помогают друг другу.

Вот так-то! Я оступился, но все же не нарушил еще одно правило.

В «Сардис» к нам присоединяется репортер. Его зовут Эйб, и его лицо слегка напоминает лошадиную морду, а мешковатая одежда размера на два больше (вероятно от старшего брата). А еще я не уверен, получил ли он права или даже начал бриться.

Он делает групповое фото двух семей, когда мы чокаемся бокалами и пробуем закуску, и я искренне удивлен насколько раздутой будет заказная статья. Видать поэтому журнал отправил пацана. С другой стороны, «Жизнь и Время Метрополиса» славится лучшим минетом в мире журналистики. Берут целиком и не давятся.

Фотографии, в принципе, должны показывать нас в повседневной обстановке, но мы ни на секунды не забываем об объективах фотокамер, пока делаем заказ, общаемся и поднимаем бокалы на фоне черно-белых карикатур звезд театра и кино. В этот раз, для игры на публику, собрались только пары: мои родители, мистер Офферман с женой, и я с Шарлоттой. Харпер сегодня не пригласили, и в обычной ситуации я бы поддразнил сестру «изгнанием», но она, вероятно, с радостью пропустит это вынужденное событие с лицемерным трепом, словно мы ни сном ни духом не подозреваем о присутствии репортера.

Но я понимаю, почему Офферман раздул подобную шумиху. Статьи в таком духе помогают купле-продаже, тем самым показывая и уверяя клиентов в дружеской передаче новым владельцам международной ювелирной сети магазинов «Катрин». Одетые с иголочки, мы выглядим презентабельно для обложки журнала. На мне светло-зеленая рубашка на пуговицах и бледно-желтый галстук с анимированными пандами, а Шарлотта просто сногшибательна в черном платье с короткими рукавами и розовой лентой-пояском, обвитой вокруг талии.

— Вы сегодня не взяли с собой дочерей, — обращаюсь я к мистери Офферману, покончив с оливкой. — Полагаю, они слишком заняты в конце учебного года? Или просто не любят театра?

Он пренебрежительно отмахивается.

— У нас было всего шесть билетов, а в этом деле мужчины важнее.

Я чуть не давлюсь оливковой косточкой.

— Простите, о чем вы?

— Мои девочки не вмешиваются в бизнес, — говорит он и делает глоток скотча, а потом приподнимает бокал, прося официанта повторить.

— Я тоже не участвую в бизнесе моего отца, хотя вы меня пригласили, — отмечаю я маленькую несостыковку в его логике.

— Согласен, но твое мнение важнее, чем, скажем, твое...

Журналист хлопает меня по плечу, не дав Офферману договорить.

— Можно сфотографировать вас с Шарлоттой у бара? Фотография счастливой пары станет украшением статьи.

Я встаю, а внутренности скручивает узлом из-за лжи. Наверняка уже завтра снимки появятся в сети, а потом новость устареет, ведь через несколько дней мы разорвем «помолвку» как планировали. Или же они никогда не увидят свет... ведь «счастливой пары» больше не будет.

Когда мы отходим от стола, Шарлотта смотрит мне в глаза и явно размышляет о том же.

Мы неспешно обходим столики в ресторане.

В самом начале наш спектакль казался идеальным решением. Довольно правдоподобный способ выставить меня в выгодном свете, чтобы не сорвать сделку отцу, хотя при этом пришлось обмануть всю семью. Но теперь все зашло слишком далеко и граничит с бесстыжей манипуляцией. Моя ложь оставляет неприятный осадок в душе.

Но цель оправдывает средства, напоминаю я себе, когда мы направляемся к бару. Утром отец сказал, что к выходным будут решены все вопросы с банком, и они окончательно заключат сделку о продаже. Мне претит мысль, что Офферман мог отказаться от сделки, если бы я не стал плясать под его дудку. А еще я чувствую себя конченным мошенником, и мне за себя противно.

Хорошо хоть, что лгать осталось всего несколько дней.

Хреново, что времени осталось так мало.

— Улыбочку, — говорит Эйб, когда мы подходим к бару. За спиной у нас карикатуры Тома Хэнкса и Эдварда Аснера.

Я обнимаю Шарлотту и с легкой усмешкой наклоняюсь, вдыхая аромат ее шеи. Она пахнет персиками. Я целую ее в щеку, и у Шарлотты перехватывает дыхание. Она прижимается ко мне еще ближе, и ощущение фальши испаряется вместе с неприятным осадком. Между нами проскакивает искра. Я бы даже сказал, вспыхивает костер. От которого должен загореться объектив.

Я отпускаю Шарлотту и смотрю на журналиста с глуповатой улыбкой.

— Простите, но я бессилён. Она слишком красива.

— Очевидно, что вы ее любите, — говорит он, опуская камеру, а потом достает из кармана записную книжку. — Но все же позвольте спросить, когда она стала для вас единственной?

— Простите? — переспрашиваю я, наморщив лоб.

— Это же случилось совсем недавно? Я про верность и серьезность отношений.

— Конечно, мы верны друг другу. Мы же помолвлены, — властно отвечает Шарлотта, взяв меня за руку.

— Не сомневаюсь, — заявляет журналюга, косясь на обручалку Шарлотты. — Я спрашиваю, когда все стало так серьезно?

У Шарлотты на щеках вспыхивает румянец, и я вмешиваюсь в разговор:

— Мы начали встречаться недавно, если об этом речь.

— Ну, это понятно, — говорит Эйб, как шакал впиваясь в кость с твердым намерением не выпускать добычу. — В прошлом месяце вы красовались на страницах «Жизнь Саус-Бич» с поваром из Майами, а всего несколько недель назад произошел инцидент со знаменитой тренершей.

Будь я проклят вместе со своим гулящим образом жизни. Я напрягаюсь, мышцы натягиваются как струна. Мы влипли в ситуацию, которую так отчаянно хотел избежать мой отец.

— Это была пустая болтовня, — говорю я, не переставая ухмыляться. — Вы в курсе как это бывает.

— Вы про Кэссиди? С Кэссиди Винтерс произошла случайность? — он спрашивает, делая ударение на последнем слове, будто подталкивая меня согласиться.

— Нет, я не говорил о случайностях. Я имел в виду простую шумиху. Сплетни, и ничего более, — решительно отвечаю я, поправляя наглое ублюдка.

Он кивает и поглаживает подбородок.

— Понял. Но не с поваром. Ведь в прошлом месяце в Фейсбуке мелькало фото, как вы целуете шеф-повара в щеку.

Эйб берет телефон, проводит толстым пальцем по экрану и показывает фотографию. Он подготовился и выжидал. Заранее все спланировал, готовясь к атаке. Я пожимаю плечами, быстро соображая, как разрулить ситуацию. Придумал. Наклоняюсь и целую Эйба в щеку. При этом сопротивляюсь инстинктивному желанию съежиться, когда губы замирают в миллиметре от детского личика, но я должен проверить это дело.

— Видите? Я просто ласковый парень.

Эйб вытирает щеку ладонью.

— То есть с шеф-поваром ничего не было?

Я киваю и машу рукой в его сторону.

— Так же как и сейчас, — подтверждаю я.

К моему сожалению, я не могу сказать то, что он действительно заслуживает. Но если я уйду с заявлением «без комментариев», то это лишь сильнее подстегнет его. Спокойный ответ дает шанс разминировать бомбу.

Эйб переключается на Шарлотту.

— Вас не волнует то, что еще несколько недель назад Спенсер Холидэй мелькал в газетах, как нью-йоркский плейбой?

Она качает головой с очаровательной улыбкой.

— Нисколько. Я знаю, к кому он каждую ночь приходит домой.

— Не каждую, — бормочет паршивец.

У меня окончательно лопается терпение. На этой ноте Мистер Милый Парень уходит в отставку.

— Прости? Что ты только что сказал, Эйб? — спрашиваю я многозначительно, ведь есть существенная разница между проявлением напористости и поведением конченной сволочи.

Он поднимает подбородок.

— Я спросил, руководите ли вы «Лаки Спот» как супружеская пара?

Лжец.

Но лжец дело говорит. Нам с Шарлоттой придется подумать, как следующих пару дней обыграть фальшивую помолвку на работе. А может, не придется, ведь совсем скоро все закончится.

Но от одной мысли об этом желудок сводит от боли.

Прежде чем я успеваю ответить на вопрос Эйба, к нам подходит миссис Офферман, присоединяясь к импровизированному интервью.

— Все в порядке?

Никогда не думал, что скажу это, но я чертовски рад ее видеть.

— Мы обсуждали, как быстро у Шарлотты со Спенсером начались серьезные отношения, — отвечает журналист миссис Офферман. — Прям молниеносно.

Женщина выгибает бровь, похоже, сгорая от любопытства.

— Правда? Знаю, что все произошло быстро, но не думала, что это случилось недавно.

Поправочка, я не особо-то рад ее видеть. Ни капельки. Тем более что ее слова пропитаны ядом.

Шарлотта откашливается, заправляет прядь волос за ухо и смотрит на миссис

Офферман, а потом на Эйба.

— Да, все произошло недавно, и мы об этом упоминали не раз. Можно сказать, стремительно. Но разве любовь не приходит именно так, сражая наповал? — говорит Шарлотта, скользя пальцами по рукаву моей рубашки. Между нами слой хлопка, но клянусь, от ее прикосновения кожа вспыхивает, оставляя за собой огненный след. Наши взгляды встречаются, и у меня перехватывает дыхание. На мгновение окружающие словно исчезают.

Я киваю и сухо сглатываю от возбуждения. Не совсем уверен, кому точно отвечаю: ей, им или нам.

Но, что важно для меня, впервые я говорю совершенно искренне.

Шарлотта встает на цыпочки и нежно целует меня в губы. А когда отстраняется, берет под руку и смотрит на репортера:

— Не важно, с кем его видели несколько недель назад. Это ничего не меняет. Ничто не изменит моих чувств к нему.

У Эйба больше нет вопросов. По крайней мере, сегодня Шарлотте удалось пресечь его попытку вывести нас на чистую воду.

Я вспоминаю нашу вчерашнюю маленькую месть Брэдли в тренажерном зале. Конечно, Шарлотта получила удовольствие от представления, которое мы устроили для ее бывшего, но тот поцелуй на беговой дорожке ничто по сравнению с тем, что она сделала для меня сейчас. Шарлотта постоянно спасает меня.

Мое сердце замирает, а потом в стремительном галопе рвется к ней.

Что-то происходит. Странное и совершенно чуждое. Душа, которая так отчаянно стремится к Шарлотте, говорит со мной на языке, который я не понимаю

Зашибись! Теперь мне придется каждый день противостоять не только члену, но и сердцу.

* * *

Перед самым мюзиклом, когда мы идем по Сорок Четвертой улице к входу в театр «Шуберт^[16]», меня подзывает к себе отец.

— Все в порядке?

— Вполне, — отвечаю я, поскольку в последнюю очередь хочу его волновать. Мимо нас с визгом проносится такси, извергая выхлопные газы, и резко тормозит на красный свет. — Репортер раздражал, но я встречал такое и раньше.

Отец качает головой.

— Я имею в виду Шарлотту. С ней все хорошо?

— Она в порядке, — отвечаю я с улыбкой, радуясь, что отец больше заботится о моей девушке, чем о самой истории.

Папа кивает в сторону Шарлотты, которая идет впереди нас на пару шагов.

— Вы идеально подходите друг другу. Не знаю, почему раньше не замечал этого, но теперь, когда я вижу вас вместе, такое чувство, будто правда всегда лежала у меня перед самым носом.

Вина коршуном несется с неба. На этот раз когти намертво впиваются в грудь. Я провожу руками по волосам. Мой отец будет очень разочарован, когда мы с Шарлоттой

расстанемся.

— Ты такой безнадежный романтик, — говорю я.

Он смеется, и мы замедляем шаг, приближаясь к толпе рядом с ярко освещенным зданием.

— Вот почему у меня ювелирный магазин.

— Уже нет, — со смешком заявляю я. — Скоро ты станешь вольной птицей.

— Знаю, — он задумчиво вздыхает. — И буду по этому скучать.

— С другой стороны, ты будешь счастлив.

Он несколько раз кивает, как будто пытаясь убедить себя.

— Я с радостью буду проводить больше времени с твоей мамой. Она — центр моей вселенной. Как Шарлотта для тебя, — говорит он, похлопывая меня по спине.

Да уж, странность. Но сейчас это именно так.

Капельдинер^[17] показывает нам места.

Шарлотта скрещивает руки и тяжело вздыхает.

— С тобой все в порядке?

Она кивает, поджав губы.

— Ты уверена? А то могу поклясться, что ты злишься.

— Я в порядке.

Я скептически приподнимаю бровь:

— Ты уверена, что ничего не случилось?

— Ничего. — Опустив руки, она хватается меня за рукав рубашки, меняя тему: — Когда будем делать куклу вуду на репортера?

В притворном раздумье я смотрю вдаль.

— Давай прикинем. В моем календаре завтра на три «окно». Подойдет?

Она энергично кивает.

— Ты принесешь булавки, а я достану ткань.

— Отлично! Я найду обучающий видеоролик, чтобы все прошло гладко.

Она лучезарно улыбается и шепчет мне, когда оркестр начинает играть вступительную мелодию:

— Ненавижу эти вопросы.

— Он пытался играть жестко, и разговор вышел тупым до безобразия. Хотя ты была великолепна.

— По мне, разговор был неловким, — возражает она и притягивает меня ближе, когда по залу проносятся скрипичные ноты. — Как думаешь, он нас раскусил?

— Он что-то заподозрил, но мне кажется, просто закидывал удочку, чтобы глянуть на нашу реакцию.

— Кстати, тебе мой ответ понравился?

Это слишком слабо сказано. Я в восторге от ее слов о стремительной любви. В большем восторге, чем должен.

— Это было восхитительно.

— Я отлично разрулила ситуацию? — говорит она, игриво обдувая пальцы.

Мое сердце разрывается и катится по полу. Внутри все обрывается. Приходит осознание, насколько я жажду, чтобы она тогда говорила искренне. Мне так хочется, чтобы что-то из этого было реальным.

— Это было вполне правдоподобно, — говорю я с фальшивой улыбкой.

Ее ответ служит напоминанием, что у нас с Шарлоттой осталось всего четыре дня, даже если я по какой-то причине не желаю все заканчивать.

Она собирается уйти, а я не хочу ее отпускать.

Начинается первый акт, и я думаю — нет, уверен — что это официально мое самое нелюбимое время в мюзиклах. На это даже смотреть больно.

Распрощавшись с моими родителями и Офферманами, мы бродим по Таймс-сквер. Пытаемся протиснуться через сумасшедшие толпы блестяще — неоновоманхеттенского Манхеттена, это столпотворение в городе-многомиллионнике напоминает сардин в банке или зоопарк. Человек, разрисованный в серебряного робота, делает резкие движения рядом с ведерком, собирая монеты. Парень в прикиде Статуи Свободы задевает Шарлотту локтем.

— Ой, — бормочет она, прерывая долгое молчание.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, протягивая руку. Наверно, инстинктивно хочу позаботиться о ней. Но одергиваю руку. Она этого не хочет, ей это не нужно. Шарлотта сама может о себе позаботиться.

— Да, все нормально, — говорит она, пожимая плечами. — И эй, мы пережили еще одно представление.

— «Скрипача на крыше»?

Она качает головой:

— Нет. — Она объявляет, как диктор на радио: — Сегодня в восемь часов вечера у нас в эфире «Счастливая Обрученная Пара».

Я морщусь.

— Все верно. Они самые.

Сейчас моя очередь шутить. Я должен успокоить ее. Еще раз поблагодарить.

Но я молчу. Мне нечего сказать. Лысый мужчина с двумя золотыми зубами зазывает людей на полуобнаженное комедийное представление:

— Полуобнаженка за полцены.

Кто-то кричит в ответ:

— А голые даром?

Мы проходим мимо театра и магазина футболок, обходим пару в шортах хаки, белых кроссовках и футболках с аббревиатурой Департамента пожарной службы Нью-Йорка. Без понятия, куда мы идем. Честно говоря, я даже не представляю, зачем мы вообще пошли гулять по Бродвею. А теперь, похоже, мы попросту ходим по кругу. Да что со мной не так? Я даже не в силах сориентироваться в родном городе.

Мы достигаем угла Сорок третьей и останавливаемся на тротуаре. Автобус ползет по Восьмой авеню. Туристы обходят нас, так как мы неловко стоим, смотря друг на друга. всю мою жизнь я знал, что делать, куда идти, как встретить любой жизненный поворот судьбы. Сегодня я словно рыба, выброшенная на берег, едва понимаю, как передвигать ногами.

Я почесываю голову.

— Хм, куда мы идем, Спенсер?

Я пожимаю плечами.

— Я об этом как-то не думал.

— Чем хочешь заняться? — спрашивает она, стискивая пальцы, будто пытаюсь придумать им занятие.

— Всем, чем тебе захочется, — отвечаю я, засовывая пальцы рук в карманы брюк.

— Хочешь пойти куда-нибудь?

— Если тебе этого хочется.

Она вздыхает.

— Может, мне тогда просто вызвать такси домой?

— Ты хочешь поймать такси? — спрашиваю я, с явным желанием отвесить себе пенделя. Я сейчас сам себе противен. Моим телом как будто завладел незнакомый, неуверенный в себе трус. Я его не знаю. И мне глубоко начхать на этого паникера. Я не давал ему права распоряжаться мной. Поэтому намерен избавиться от наглого захватчика. Я поднимаю руку.

— Забудь, — говорю я с отвратительной неуверенностью. Эта поддельная помолвка может закончиться через несколько дней, но я не намерен хандрить и испоганить лучший секс в моей жизни. Без вариантов, я буду на высоте.

— Забыть? Ты про такси?

Я качаю головой и кладу руки на ее плечи:

— То, чем я хочу сейчас заняться. Отвезти тебя к себе. Раздеть. Скользнуть языком по каждому миллиметру твоей кожи, а потом сделать то, о чем мы говорили, когда посещали «Катрин».

Ее глаза искрятся от вожделения. Она нетерпеливо кивает.

— Да.

Вот и здорово, красавица.

Словить такси здесь не реально, поэтому достаю из заднего кармана телефон, чтобы зайти в «Убер^[18]». Нажимаю на кнопку приложения, но Шарлотта меня останавливает.

— Но, хм, вначале я хочу тебе кое-что сказать.

Вот блин. Сердце уходит в пятки. Она собирается покончить с этим. С нее достаточно. Она получила, что хотела. Сегодня вечером оттянемся в последний раз, и она отправит меня на скамейку запасных.

— Что? — спрашиваю я, а сердце дико колотится.

— Помнишь, мы говорили «никакой лжи»?

— Да, — сглатываю я, готовясь к неизбежному. От напряжения грудь словно сдавливают в тесках, и мне очень не нравится это чувство. Мало того, я не хочу чувствовать что-то подобное. Потребность или даже зависимость. Я с трудом понимаю, что это такое.

— Ты собираешься это сделать? — выплевываю я.

— Что?

— Положить этому конец? — спрашиваю я, потому что не могу больше ждать.

Она смеется.

— Это не смешно, — настаиваю я.

— Даже очень.

— Почему?

Она качает головой:

— Ты идиот. — Она хватает меня за рубашку и тянет к себе. Сердце готов выпрыгнуть из груди. — Это то, что я хотела тебе сказать, когда ты перед началом мюзикла спросил, все ли со мной в порядке. Помнишь я ответила, что все нормально? Я ревновала. До ужаса.

Я вспоминаю, как Шарлотта тогда скрестила руки на груди, потом шуточка о репортере и ее гордость собственным представлением.

— Ты ревновала?

— И отчаянно пыталась не делать этого. Вот почему сделала вид, что все зашибись и отшутилась про куклу вуду.

— Почему ты ревновала?

Она закатывает глаза.

— Женщины, о которых говорил Эйб. От одного упоминания о них меня охватывала ревность.

— Почему?

— А ты не понимаешь?

— Нет. Но мы уже определились, что тебе нужно мне все разжевывать как ребенку. Так что вперед. Выкладывай, учи меня уму разуму, — говорю я и постукиваю себя по голове, доказывая, что там пусто.

Она краснеет, а потом тихо говорит. Ее голос едва слышен сквозь шум улиц, звуки толпы и рев автомобилей. Но каждое слово для меня музыка:

— Потому что они были с тобой.

Я расплываюсь в улыбке.

— То же, что я чувствовал к Брэдли, когда вы встречались, — признаюсь я и понимаю, как гора сваливается с плеч. Более того, я рассказал о своих чувствах, которые в то время не понимал.

— Ты ревновал, когда я была с ним?

— Иногда, — подтверждаю я, вспоминая те дни, когда она встречалась с этим отъявленным мудаком.

Были ночи, когда она рано уходила из «Лаки Спот» вместе с Брэдли домой, а я не переставая думал о ней. Конечно, чередой женщин отвлекала меня, но сейчас, как и тогда, меня посещал зеленоглазый монстр. Никогда не думал, что расскажу ей это. И мне бы стоило придержать некоторые вещи в секрете. Я поднимаю руку.

— Можешь себе такое представить.

— Спенсер? — шепчет она.

— Да?

— Думаю, сегодня мы нарушили еще одно правило.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Какое из? Ложь?

— Да, но еще...

Мы говорим одновременно:

— Странности.

И начинаем смеяться. Вместе.

— Начиная с того момента, как ты пригласил меня на мюзикл, моя ревность и конченный репортер. Все это было странно, — говорит она и кидает на меня понимающий взгляд. — Есть только одно лекарство от странности.

— Анал?

Она бьет меня по плечу.

— Мы никогда не нарушим это правило. Никогда, — заявляет она, косясь на мою промежность. — Я больше думала о коленно-локтевой позе.

— Именно это я и имел в виду, — и, пока не приезжает машина, я целую ее.

А потом по дороге от центра города к моему дому. В лифте. Пока открываю дверь. Когда раздеваю ее и кладу на постель.

Начиная с шеи, я усыпаю поцелуями ее тело. Скольжу языком по безупречной, красивой спине. Шарлотта вздыхает и извивается на кровати. Поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, когда я приближаюсь к ее попке. Я целую ее ягодицу.

— Не волнуйся. Правило, мы нарушать не будем. Хочу, чтобы ты знала, с этим все в порядке, я рад обладать всеми остальными частичками твоего тела. Я просто дразнил, упоминая анал.

Шарлотта улыбается, тем самым благодаря меня.

— С другой стороны, мне нравится нежная кожа твоей задницы, так что, пожалуй, задержусь я тут подольше, — говорю я, вырисовывая линии на нижнем сгибе ее правой ягодицы.

Она поднимает попку выше в немой мольбе о поцелуе. Я облизываю линию вокруг изгиба ягодиц. Сначала одну, потом другую. Шарлотта начинает извиваться, с губ слетают тихие стоны. Целую и нежно прикусываю плоть. Стоны становятся громче.

По моим венам разливается похоть. Я тверд, как гранит, и стораю от желания, но не буду торопиться, ведь каждая секунда доставляет мне море наслаждения. Сжимаю пальцы и приподнимаю ее попку еще выше, а потом удивляю, медленно и основательно облизнув мокрую киску.

Шарлотта всхлипывает.

— Не ожидала такого.

— Я так и понял. Но, уверен, тебе это понравилось.

— Еще как, — судорожно выдыхает она.

Но это все, что она получит сейчас. Возвращаюсь к ее ножкам. Я собираюсь довести ее до предела своими поцелуями, заставлю изнывать от желания.

Языком провожу дорожку по внутренней части бедра.

— Каждый миллиметр, — мягко шепчу я, касаясь ее кожи. — Я хочу пометить, поцеловать и потрогать каждый миллиметр твоей шелковистой кожи.

— Я тоже этого хочу, — хныкает она, а голос становится хриплым от возбуждения. Я уже знаю слова и мельчайшие признаки ее реакции на меня, хотя мы вместе всего несколько дней. Мне нравится изучать ее тело, узнавать его вкус.

Например то, что внутренний сгиб колена у нее — эрогенная зона. Скольжу по нему губами, и с губ Шарлотты срывается короткий сексуальный стон.

Продолжаю путешествие по ее голени, а потом переключаюсь на вторую ногу и прокладываю себе путь вверх к ее попке. Сжимаю ягодицы, наклоняю бедра и зарываюсь лицом между ее ног. На вкус она шелковистая и сладкая. Мой язык утопает в мокром великолепии, а нос заполняет аромат. Она прижимается ко мне, в груди вспыхивает желание и все кости ломит от дикой потребности трахнуть ее. Она — это все, чего я жажду. Я целую ее восхитительную киску, и Шарлотта кончает на мои губы.

Я отодвигаюсь, и она переворачивается. Прекрасный ротик открыт, глаза блестят. Кожа будто светится.

— Ничего себе, — говорит она.

Я шевелю бровями в ответ, срывая с себя рубашку.

— Кажется, я пристрастилась к твоему рту, — тихо говорит Шарлотта.

— Хорошо. Мой рот тоже пристрастился к тебе.

Я тянусь снять брюки, но Шарлотта садится и хватает молнию.

— Я хочу сделать это сама.

Она стягивает с меня трусы, и мой член отдает ей честь.

Шарлотта вздыхает с мурлыканьем.

— Я тоже рада тебя видеть, — говорит она и облизывает кончиком языка головку. Но я быстро отодвигаюсь, прежде чем окончательно затеряюсь в волшебном мире, который мне проречет ее восхитительный рот. Я хватаю ее за бедра и переворачиваю.

— Опустись на колени и руки, как хорошая порочная девчонка, — требую я.

— А я порочная?

— Со мной — да, — отвечаю я и иду за презервативом.

Останавливаюсь полюбоваться открывшимся взору красивым видом: Шарлотта, на четвереньках, ее великолепная попка приподнята в воздухе. Я легонько шлепаю ее по ягодице. Шарлотта вздрагивает с сексуальным стоном.

— О Боже, — всхлипывает она.

Этот звук. Ее слова. Стоны. Эта женщина — мечта. Она осознала, как сильно любит быть со мной, а я понял, что обожаю ее трахать. Я опускаю голову и целую место, куда пришелся шлепок. А потом стремительным движением хватаю ее за запястья и толкаю на кровать.

— Я передумал. Опустись на локти. Задницу подними повыше.

Она наклоняется, как танцовщица, исполняя мою просьбу. Я провожу головкой члена по ее влажности. Шарлотта стонет, придвигаясь ближе в немом приглашении, нуждаясь во мне и желая. Еще один шлепок, и она вскрикивает от удовольствия.

Натягиваю презерватив и погружаюсь в нее. По моим венам стремительно проносятся раскаленные добела искры. Так чудесно, туго и тепло. В горле зарождается низкий гортанный животный рык.

— Ты, — говорю я со стоном. — Ты такая сексуальная. Мне кажется, я собираюсь на всю ночь разбить здесь лагерь.

Она одновременно стонет и смеется.

— Ты псих.

— Нет, просто я еще никогда в жизни не был так до охречения возбужден, — сипло отвечаю я и начинаю выпады.

Шарлотта внезапно замолкает. Больше нет стонов, всхлипов, диких вздохов.

— Правда? — спрашивает она негромко, но очень четко.

Шарлотта поворачивается и смотрит на меня. Боже мой, она такая уязвимая, тело изогнуто, а глаза светятся доверием.

— Да, — отвечаю я, врезаясь в нее, отдаваясь ей целиком и полностью. — Клянусь, Шарлотта. Ты, черт возьми, что-то сделала со мной. — Я почти полностью выхожу из нее, кроме головки. Шарлотта выгибается, пытаюсь вернуть меня обратно. — Ты сводишь меня с ума. Превращаешь в психа. — Я одним толчком заполняю ее, и дыханье Шарлотты превращается в восхитительный стон. — Я не могу насытиться тобой.

— О боже, я чувствую то же самое, — говорит она и наклоняется еще ниже, приподнимая выше попку, предлагая мне еще больше возможностей.

Шарлотта все, что я хочу. Вся без остатка. Я ее трахаю, пока она не кончает с

неистовым стоном и сексапильными всхлипами. Мои мышцы напрягаются, перед глазами все плывет. На меня обрушивается собственная кульминация ярким, с ни чем не сравнимым удовольствием.

Я плюхаюсь на кровать, и Шарлотта падает рядом. Положив голову на сгиб моей руки, она не шевелится, такая горячая, потная и обнаженная. Я рассеянно провожу пальцами по ее волосам. Шарлотта легонько касается ладонью моего живота.

— Это было волшебно, — лепечет она. — Думаю, этот раз у нас лучший. Я собираюсь достать тебе золотую звезду за выдающиеся достижения в искусстве оргазма. Пожалуй, даже статую.

— Обязательно поблагодарю киноакадемию, — начинаю я ее передразнивать.

Она бьет меня по груди.

— Так ты имитировал? Отлично, я тоже, — раздраженно говорит она.

В секунду я на ней, зажимаю как в капкане между коленей и локтей.

— Нет, ты не имитировала.

Ее глаза дразнят меня:

— Да. Именно это и делала.

— Это не правда. Но лишь за эту фразу, теперь ты покажешь мне, как сильно обожаешь, когда я тебя трахаю.

Я молниеносно поднимаю ее запястья над головой, а второй рукой шарю возле кровати и нащупываю платье. Хватаю его и вытаскиваю ленту-ремешок.

Обматываю стройные руки и фиксирую их за стойку кровати. Шарлотта следит за каждым моим движением, пока я затягиваю в узелок розовую ленту.

— Милашка в розовом, — шепчу я, проводя пальцем по ее губам.

Беру еще один презерватив и раскатываю его на члене. Что тут сказать? Да, я снова чертовски возбужден. А как может быть иначе? Шарлотта, мокрая от прошлых двух оргазмов, лежит привязанная к моей кровати. Конечно, я до одури заведен. Я развожу ее ноги, наслаждаясь представшим передо мной зрелищем: раздвинутые ноги, связанные руки и широко распахнутые глаза.

Я вклиниваюсь между ее бедер.

— Теперь ты будешь молить меня об этом.

— Я?

— Ты, — грубо отвечаю я. — Потому что ты ничего не получишь, пока хорошенько об этом не попросишь.

Я скольжу внутрь, но всего сантиметров на пять. Нависаю над ней на согнутых локтях и начинаю неторопливо трахать дразнящими движениями, не входя в нее полностью. Шарлотта со стоном извивается и изгибается дугой. От каждого моего движения с ее губ срывается сексуальный шепот и всхлип.

— Скажи это. Скажи, как сильно ты меня хочешь.

— Я не имитировала. Просто пошутила, — прерывисто дыша, говорит она.

— Скажи мне, как сильно ты хочешь этого. Насколько сильно жаждешь моего члена.

Ее бедра приподнимаются вверх:

— Я хочу тебя. Так сильно. Трахни меня глубже. Умоляю, — протяжно просит она. Как же восхитительно свидетельство ее отчаянной страсти.

Я трахаю ее жестко и глубоко, пока она не сходит с ума от удовольствия. До тех пор, Шарлотта не хрипнет от криков. Не прикрывает глаза в экстазе. Не повторяет мое имя как

молитву, содрогаясь всем телом от экстаза.

Я тоже чертовски рад нескольким оргазмам, поэтому присоединяюсь к Шарлотте в мире наслаждений.

Стоило мне только развязать ленту, как Шарлотта зарывается пальцами в моих волосах, тянет к себе и пылко целует.

— Я соврала. Это было лучшим разом.

— С каждым разом становится все лучше, — нежно говорю я.

Вскоре она встает и начинает собирать одежду. Ходит по кругу, что-то выискивая на полу.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я с любопытством.

— Одеваюсь.

— Прости мой французский, но на фига?

— Чтобы уйти. Разве мы не об этом договаривались?

Я ползу к краю кровати и неожиданно крепко обнимаю ее за талию.

— Что ты творишь?! — вскрикивает она.

Бросаю ее на матрас и начинаю щекотать.

Шарлотта пытается вырваться.

— Перестань.

Ни капли милосердия. Скольжу кончиками пальцев по ее бокам, заставляя извиваться.

— Я остановлюсь, только если ты останешься на ночь.

— Сжался, сжался! — кричит она с счастливой улыбкой, словно перед ней небо, усыпанное морем звезд.

Притягиваю ее к себе, убираю волосы за уши и шепчу:

— Ты останешься?

У нее замирает дыхание.

— Да. Тебя не заботит, что мы нарушаем еще одно правило?

— Мы все равно первые. В смысле, мне плевать, пока ты только проснувшись не полезешь меня целовать.

— Из-за утреннего дыхания?

Я киваю.

— Не твоего. Просто в целом.

Она брезгливо морщит носик.

— Утреннее дыхание — прекрасное новое нерушимое правило. Я ненавижу утренний запах изо рта.

— Я тоже.

— Но у меня нет зубной щетки.

— У меня есть запасная. Новенькая, — говорю я ей.

Она прижимает указательный палец к губам, будто взвешивает все варианты.

— А какой ты пользуешься пастой?

Чувствую, как начинаю краснеть.

Она замечает это, и у нее глаза лезут на лоб.

— Не говори мне, что ты пользуешься «Крест» со вкусом жвачки?

Я качаю головой:

— Нет. Я купил твою любимую. «Крест» с мятной свежестью.

Шарлотта прижимает руку к груди, а ее глаза искрятся счастьем. Это так мило.

— Ты купил мне зубную пасту.

Кажется, она больше рада, чем когда я купил ей кольцо. Сердце начинает бешено колотиться, с кончика языка готовы слететь слова. Признание, обличающее странные, неведомые мне ранее чувства. Я открываю рот намереваясь сказать... Рассказать о том, что начинаю к ней испытывать. Насколько для меня происходящее становится реальным.

Но ничего не успеваю, так как Шарлота наклоняется к моим губам и шепчет:

— Ты на самом деле мой лучший друг.

Друг.

Да. Ей больше от меня ничего не нужно.

Харпер облизывает лимонное мороженое в рожке.

— Это не заменит Санту, — заявляет она, приподняв лакомство, когда мы отходим от ее любимого продавца мороженого. — Но это хорошее начало. Считаю, ты купил мое молчание на несколько дней.

— Отлично. Мне больше и не нужно.

— Видела утром ваши с Шарлоттой фото.

Она толкает меня, пока мы идем вдоль Центрального парка на короткую тренировку по софтболу со звездой нашей команды, Ником. Нам троим удалось забронировать поле на полчаса в пятницу после обеда, чтобы попрактиковаться перед завтрашней игрой. Я несущу перчатку и биты, а Харпер держит свою перчатку в свободной руке.

— Ты правда не можешь удержаться, чтобы не мониторить инфу обо мне в сети? — подкалываю я ее.

— И не говори. Походу я повернута на сплетнях.

— И где мы засветились? В «Сардис»? — спрашиваю я, чтобы подтвердить мои подозрения насчет Эйба.

— Ага.

— Это репортер из «Метрополиса» такой придурок.

Харпер хмурится, уплетая лакомство.

— «Метрополис» тут не причем.

— Тогда где? — спрашиваю я, когда мы входим в парк.

Харпер с ошеломленным видом качает головой

— Черт, не могу поверить, что ты не следишь за фигней, которую о тебе пишут.

— Поверь, никогда таким не занимался. Так что я не в курсе. Давай уже, колись.

— В колонке в «Пейдж сикс».

У меня глаза на лоб лезут. «Пейдж сикс» — огромный нью-йоркский рассадник сплетен. Я обхожу его десятой дорогой.

— Как это возможно? Я думал, он работает в «Жизнь и Время Метрополиса».

— Он у них стажирется, — отвечает Харпер, — Эйб Кауфман. Я почитала о нем. Студент Колумбийского университета школы журналистики. Подрабатывает внештатным журналистом и фотографом в «Жизнь и Время Метрополиса», а так же в «Пейдж сикс». Похоже, он продал ваши фотки цитадели сплетников.

Вот же скотина.

Быстренько прикидываю преимущества. Если меня видели в «Пейдж сикс» с моей любящей невестой, это может стать главным ключом к решению купли-продажи. Мистер Офферман описается от радости, увидев мое фото в ампула хорошего, солидного, почти женатого сына уважаемого бизнесмена, у которого он покупает магазин.

— Что пишут? — спрашиваю я с надеждой.

Она останавливается, кидает мне свои перчатки, берет телефон и откашливается.

— Кхм... «Спенсер Холидэй, сын основателя знаменитой ювелирной сети «Катрин» и создатель популярного приложения «Настоящий мужчина», известного благодаря отсутствию фотографий определенной детали мужской анатомии, помолвлен со своей

деловой партнершей и совладелицей модной сети баров «Лаки Спот», а так же выпускницей Йельского университета, Шарлоттой Роудс. Бриллиант на ее кольце такой же огромный, как донжуанская записная книжечка Холидэя. Вероятно, в ближайшее время ему придется ее спалить, хотя еще несколько недель назад бывший холостяк-плейбой дописывал в ней номерочки. Холидэй, нужно было получше следить за собой! Не пропустите в воскресенье более пикантные фотографии и подробный рассказ о помолвке».

Пелена застилает глаза. Во мне бушует желание найти репортера с лошадиной мордой и удавить. Минуточку, я ненавижу насилие. Лучше сыграю грязно и испоганю его страницу на Фейсбуке. Так завалю фотками яиц, что ему придется удалить страницу.

Не моих, конечно.

Просто яиц. Желательно на фоне пейзажей.

Я провожу рукой по волосам.

— Именно такого отец не хотел видеть в газетах. — Я машу рукой на телефон. — И что, черт возьми, этот дятел собирается поведать в воскресенье? Он все повторял о нашем скоропалительном романе с Шарлоттой и доколупывался, когда мы начали встречаться. Что тут интересного? Но эта статья полный отстой. Зачем журналисту писать нечто подобное? Нафига они это делают?

— Ради наживы, такой материал отлично продается. Но я не поэтому показала тебе статью.

Я отдаю ей телефон, и мы направляемся в сторону поля.

— Тогда почему?

— Ты, правда, не понимаешь или прикалываешься?

— Потому что ты любишь сплетни?

— Ты такой идиот. Я ради тебя этим занимаюсь. Приглядываю за своим братом.

Я смягчаюсь на мгновение.

— Правда? Ты делаешь это ради меня?

— Конечно. Раз ты это не делаешь. Я слежу за интернет информацией о тебе, чтобы удостовериться, нет ли ситуации, с которой нужно срочно разобраться, и статейка в «Пейдж сикс» попадает в зону риска.

Я киваю.

— Правильно. Нам нужно разобраться с этим ради отца.

Она качает головой.

— Неправильный ответ. — Она останавливается под магнолией, пологи которой закрывают нас пышной зеленой кроной. — Глянь еще раз. — Она тычет мне в лицо экран. — Посмотри внимательно на фотку.

Я смотрю на изображение. Эйб запечатлел тот момент, когда я прижимался к шее Шарлотты. Мое лицо скрыто наполовину, а вот Шарлотта блистает на весь экран, светясь от счастья. Глаза искрятся, и клянусь, в них загадочный отблеск, но мои мысли возвращаются к ее восхитительному аромату. Воспоминание нахлынуло на меня. Персики. От нее пахло персиками и греховными мечтами.

Ураган счастья и желания.

— Видишь, о чем я?

Я смотрю на свою сестру, и понимаю — она что-то говорила, пока я витал в облаках.

— В смысле?

Она тычет в мою грудь указательным пальцем.

— Не разбивай ее сердце.

Я смотрю на нее, как на сумасшедшую, но Харпер серьезна как никогда. В голубых глазах нет обычного задора или насмешливого блеска.

— Мне нравится Шарлотта, — добавляет она, пока мы идем к полям. — Знаю, все началось как розыгрыш, но это становится реальным. По крайней мере, для нее.

Я хочу добавить «и для меня тоже», но сражен ее словами, поэтому не в силах подобрать слова. Я был настолько уверен, что правила Шарлотты нерушимы: просто секс, после которого мы должны остаться друзьями. Но у женщин есть интуиция, даже у моей сестры. Они замечают то, что не видят мужчины.

— Правда?

Харпер закатывает глаза. Ах, моя сестренка — она же заноза в заднице — вернулась.

— Знаю, тебя это может шокировать, учитывая твои нулевые познания в любви и отношениях. У тебя серьезно ни с кем не было.

— Это не так, — защищаюсь я пока мы снова идем по дорожке. — Я встречался с Амандой в колледже.

— Ох, ну ладно, повезло тебе. Четыре месяца. Круто! Офигенно серьезно. Нужно срочно позвонить в книгу рекордов.

— Тогда это казалось серьезным.

— Спенсер, тебя это может удивить, учитывая оставленную тобой вереницу разбитых сердец, но только Богу известно, почему женщины в тебя влюбляются, зная, что ты их просто трахаешь. Поэтому будь осторожен, особенно если это та, о ком ты заботишься как о друге, — говорит она, когда мы подходим к полю.

Ник уже там, практикует броски.

В голове роится миллион мыслей. Мне хочется усадить Харпер на скамью и устроить викторину. Расспросить ее о Шарлотте. Но сестра толкает меня локтем. Облизывается и смотрит на Ника голодным взглядом.

— Ч-ч-черт, он суперсекси!

Я роняю биты, которая падает мне на пальцы, прежде чем я успеваю отскочить.

— Инопланетяне похитили твой мозг?

— Посмотри. На. Него. — Она глазеет на моего приятеля, одетого в шорты и футболку. — Его руки, боже милостивый. Их нужно снимать в порно. Я собираюсь сделать несколько фото и позже ими полюбоваться.

Она начинает щелкать Ника на телефон.

— Я звоню в психушку. Мы отправим тебя на обследование, — говорю я морщась. Из-за глупой головы у меня пострадали ноги.

Ник ловит на себе взгляд Харпер и опускает биты на песок, небрежно опираясь на нее словно знаменитый бейсболист.

— Привет, Харпер. Потрясно выглядишь, куколка.

Куколка? Какого черта? Все перемешалось, Земля сошла с орбиты, и вместо Калифорнии в океан впадает Нью-Йорк. А иначе как объяснить, какого хрена мой лучший друг заигрывает с моей сестрой?

Харпер кокетливо выпячивает бедро, а потом машет Нику пальчиками и хлопает ресницами.

— Как и ты, конфетка, — говорит она, а потом подмигивает и машет на футболку. — Может, снимешь ее? И у меня появится новый кадр.

— О да, — говорит он и с видом стриптизера стягивает одежду.

— Ммм... ням-ням... — Она облизывает губы и растопыривает ногти, как кошечка. А потом наклоняется ко мне и шепчет: — Сегодня ночью я буду упиваться фантазиями о нем.

У меня глаза лезут на лоб, и я хватаю ее за плечи.

— Ты должна остановиться. Немедленно! Мы еще можем тебя спасти. Есть лечебные центры для людей с временным помешательством.

— Тебе этот поезд не остановить, — заявляет она, бросая перчатки на землю. Сестра отдает мне мороженое и бежит к полуобнаженному Нику, у которого грудь и пресс просятся на обложку журнала. Харпер проводит по его торсу ногтями, а потом обнимает за шею.

У меня непроизвольно сжимаются кулаки. Нет, я не хочу врезать Нику по морде. Меня просто охватывает первобытный защитный братский инстинкт.

— Дружище! Убери лапы! Это моя сестра!

Харпер поворачивается.

— Попался! Это тебе за мою разрушенную веру в Санту.

Розыгрыш или нет, но мне нужно время, чтобы выкинуть из головы образ Харпер в объятьях Ника, хотя с задачей я отлично справляюсь.

«Благодаря» новой навязчивой идее.

Этой фотографии. Мои мысли заикливаются на словах Харпер о чувствах Шарлотты. Я, как одержимый, плююсь на снимок в «Пейдж сикс», словно в ней скрыта суть мироздания.

У Ника квартира недалеко от парка, поэтому я оставляю у него битую перчатку и иду к остановке Колумбус-Серкл^[19], не сводя глаз с фото. Склонившись над экраном телефона, я спускаюсь по лестнице в метро и запрыгиваю в поезд. Берусь за поручень, когда в двери вагона на последней минуте вбегает девушка-хипстер в зеленых обтягивающих брюках, сжимая в обеих руках сумки.

— Фух, — выдыхает она с облегчением. Вот только двери зажали уголок тканевой сумки, девушка пытается выдернуть ее и превращается в юлу. И чем-то со всей дури бьет меня в локтевую кость.

— Ай... — вздрагиваю я.

Девушка в ужасе прижимает ладонь ко рту.

— Ты в порядке? Это мой майонез?

— Майонез?.. — переспрашиваю я, потирая локоть, а поезд на всех парах мчится по туннелю. Откуда, черт возьми, такая жуткая боль?

— У меня в этой сумке банки с майонезным песто^[20]. Я делаю его сама. И угощаю друзей. Боже, он не разбился? — с ужасом в глазах она начинает рыться в соломенной сумке.

Мое предплечье изнывает от боли, а она проверяет свой соус.

— Не переживай. На меня только что напал твой мазик, но я не буду выдвигать обвинения, — морщась, бормочу я себе под нос.

По тому, как она на меня смотрит, видно до нее наконец дошло.

— Ты в порядке?

Я киваю.

— Да. С моим локтем тоже, что и с пальцами ног.

— Тебе на ноги упал майонез?

— Нет. Меня атаковала бейсбольная бита. По-видимому, неодушевленные предметы объявили мне сегодня войну, — говорю я, пока острая боль стихает. — С твоим майонезом все в порядке?

Она кивает и держится за поручень, пока мы подъезжаем к следующей остановке.

— Он выживет. Извини, что ударила.

— Все нормально. Жизнь в крупных городах — опасная штука.

Она смотрит на фотографию на экране телефона, который я по-прежнему сжимаю в руке.

— Такая милая пара.

— Ах, да, — говорю я, поднимая телефон.

— Они выглядят такими счастливыми вместе, — добавляет майонезная девушка.

— Неужели?

Она кивает.

— Однозначно.

— Как думаешь, что он должен ей сказать?

Она наклоняет голову.

— Ты о чем?

— Должен ли он признаться ей в своих чувствах?

Она пожимает плечами с широкой улыбкой.

— Конечно, ему следует это сделать. Если девушка нравится ему так же как майонезный песто, нужно признаться ей в этом.

— Обязательно ему это передам, — говорю я, когда поезд останавливается в мидтауне^[21].

Поднявшись по лестнице и выйдя из метро, я отчетливо понимаю, что наша ситуация с Шарлоттой намного сложнее майонеза, и моя нелюбовь к мазику тут ни при чем.

* * *

«Лаки Спот» напоминает зоопарк. Для размышлений тут нет времени. И для планирования тоже. Как, в принципе, и для попыток разобраться с неведомыми мыслями, зародившимися в моей голове.

Мне нужно выработать стратегию, но я еще не до конца разобрался в происходящем.

Мы теперь больше, чем друзья?

Настоящие ли чувства?

А взаимные ли они?

И как эти чувства называются?

В моей груди словно батут, а сердце на нем делает сальто. Никогда раньше со мной такого не происходило, и, боюсь, если я решусь прыгнуть, то могу приземлиться на голову.

Или задницу.

А может даже на лицо.

Вот такие пироги. Вечер пятницы, бар переполнен, а я без понятия, что мне делать с охватившими меня майонезно-пестовыми чувствами.

В час пик я разрываюсь между оформлением заказов на ноутбуке, рассказом Шарлотты о злоключениях в поезде и помощью за стойкой бара, пока Шарлотта в кабине разрабатывает новую маркетинговую идею.

— «Бельведер» закончилась, — объявляет Дженни за стойкой, махая пустой бутылкой.

— Я принесу, — говорю я и иду в кабинет, где в кресле сидит Шарлотта в джинсах и белом топике на бретельках. Когда я ее вижу, в голове начинают мелькать образы: тот момент на углу Сорок третьей улицы; майонезный песто; зубная паста; слова, которые она сказала Эйбу прошлой ночью. Сердце громко колотится, пытаюсь вырваться из груди. То сумасшедшее ощущение, которое описывают в книгах, фильмах, песнях, стихах о влюбленных...

— Приветик, — мягко произносит она. Но меня поражает сладость звука. Он кажется таким личным, только моим.

Да.

Именно это описывают в книгах, фильмах, песнях и стихах о влюбленных. Я чувствую это, когда смотрю на нее. Ни в офисе, ни в баре мы еще не были с ней близки. Да, я этого очень хочу, но мои мысли не только о сексе. Я постоянно думаю о Шарлотте. В моей голове роится алфавитный суп, образуя слова...

— И снова здравствуй, — мягко говорю я и киваю на шкаф за ее спиной. — Мне нужен «Бельведер».

— Сейчас дам.

Отложив айпад на стул, она встает и тянется к ручке шкафа. Топик задирается, слегка оголяя спину.

— Ты великолепно выглядишь, — говорю я.

Она смотрит на меня и улыбается.

— Ты тоже. Позже поедem к тебе? Или ко мне?

Может, для нее это просто секс и больше ей ничего не нужно. Но даже если так, мне нужно знать.

— Ага. Куда захочешь.

Шарлотта открывает шкаф, а я подхожу ближе, намериваясь поцеловать ее в шею.

Но меня поражает вспышка боли, когда дверка шкафа бьет меня по башке. Дикая боль разносится по голове, телу, охватывая каждую клеточку.

Я проклинаю мучительное торнадо адовых мук.

— Господи! Боже милостивый! Ты в порядке? — говорит Шарлотта в панике, хватая меня за плечи.

Правой ладонью я закрываю глаза, черепушка раскалывается, ломит в висках.

— Кажется, ты ударила меня по голове, — говорю я, превратившись в Капитана Очевидность.

— Боже, — шепчет она с таким видом, будто я потерял глаз.

— Что?

Я отлично вижу, поэтому уверен, что пока не одноглаз, но подозреваю, что с лицом у меня не все в порядке.

— Я никогда в жизни не видела такой огромной шишки.

Я сегодня узнал о нескольких вещах.

Во-первых, я заглянул в календарь. Оказывается, сегодня неудачный день для Спенсера и мне трижды делали больно. На часах за полночь, и мне хочется верить, что угроза миновала.

Хотя никогда нельзя быть уверенным до конца.

Во-вторых, моя шишка самая огромная в истории человечества, но после трехчасового охлаждения я не только отморозил себе висок, но еще почти избавился от опухоли. Опять же, при виде такого синяка на лице любой скажет: «Ничего себе! Вот это фонарь! Чувак, тебе реально не повезло».

Именно это мне сказал парень в аптеке, когда я покупал ибупрофен.

В-третьих, ибупрофен творит чудеса.

Но пришло время реального испытания. В дверь звонят. Я знаю, это Шарлотта. Она написала, что едет ко мне с провизией. Оборачиваюсь к Фидо. Парень дрыхнет на подушке, высунув изо рта язык.

— Можешь открыть?

Он не отвечает, поэтому я ползу с дивана к двери. Нажимаю на кнопку домафона.

— Привет? Это самая горячая в мире медсестра, которую я недавно заказал в агентстве по медицинскому уходу на дому?

Из динамиков раздается смех.

— Да, именно. Я пришла обтереть тебя мочалкой.

Я впускаю Шарлотту и жду, пока она подымится на лифте на шестой этаж.

— Ты моя отрада для глаз.

Я люблюсь, как она идет ко мне.

— Только не говори, что у тебя еще и глаза болят, — дразнит она.

— Нет, только это, — отвечаю я, слегка касаясь головы.

Я закрываю дверь и возвращаюсь к дивану. Шарлотта кладет пакеты на журнальный столик и окидывает меня взглядом. Подносит пальцы к синяку, но не касается.

— Больно?

Я киваю.

Она наклоняется ко мне и целует в лоб.

Я стону для эффекта:

— Больно. Очень-очень.

Шарлотта качает головой и отходит оглядеть меня.

— Серьезно. Как ты?

Я прикусываю уголок рта, разрываясь между желанием сказать ей правду: «становится лучше», — или перейти к сочувствию и сексу. Принимаю решение за наносекунду.

— Ужасно, — бормочу я и зарабатываю еще один поцелуй.

Она садится прямо, соединив ладони.

— Хорошо, я принесла тебе любимый напиток, — говорит она и достается из пакета огромную бутылку скотча.

Я с благодарностью приподымаю бровь.

— Холодную кунжутную лапшу из твоего любимого китайского рестораника.

Она хватает и демонстрирует мне белую коробку. Я облизываю губы.

— Или, — продолжает она, вытаскивая из другого пакета что-то завернутое в белую бумагу, — панини^[22] на гриле из магазинчика за углом. Цыпленок и проволоне^[23], без майонеза, который ты ненавидишь.

Забудьте о сочувствии и сексе. Вот чего я хочу. Ее здесь, со мной. Девушку, которая меня так хорошо знает. Я обхватываю ладонями ее щеки.

— Все, что мне было нужно, — говорю я ей.

Она целует меня, но очень робко и нежно.

— Я не сломаюсь, — говорю я, отстраняясь.

— Тебе очень плохо. И все из-за меня. Я ударила тебя дверью.

— Это было случайно, — я делаю паузу, — или нет?

Она качает головой.

— Конечно, случайно.

— Я слишком фигово выгляжу?

Она закатывает глаза.

— Я тебя умоляю. Ты, как всегда, великолепен.

— Тогда в чем дело?

— Я тебя ударила, и у меня теперь кошки скребут на душе. Мне хочется, чтобы тебе стало лучше. Именно поэтому я притащила тебе всю эту провизию. — Она указывает на лакомства.

— И я ценю это.

— Давай я принесу тебе еще льда, — говорит она и идет на кухню за ледяным компрессом из морозилки. Вернувшись, она прижимает компресс к моему лбу. Я осторожно беру ее за руку.

— Шарлотта, я несколько часов сидел со льдом. Еще немножко, и шишка затянется в мой мозг. А это очень опасно.

Она хмурится, но все же убирает пакет, а потом кивает на баночку ибупрофена.

— Может, еще таблетку?

Качаю головой.

— Я выпил две в десять и сейчас немножко не в себе.

Она заламывает руки.

— Мне жаль, — шепчет она.

Я откидываюсь на подушку.

— Я каким-то образом показал тебе, что меня волнует инцидент с дверкой? Поверь, мне глубоко плевать. Конечно, если это не станет преградой для тебя трахнуть меня хорошенько, — громко заявляю я.

Она качает головой.

И я добавляю немного мягче, скользя пальцами по ее шее:

— Тогда прекращай эту суету. Мне не нужен ибупрофен. И лед. Я даже не хочу холодную лапшу, хотя это одно из моих любимых блюд, после проволоне без майонеза, которые ты принесла.

— И чего же тебе хочется?

Обхватив затылок рукой, я притягиваю ее к себе. Ее губы висят в нескольких

сантиметрах от моих. Мне казалось, я не хочу секса и сочувствия. Я ошибался. Мне хочется секса и чего-то еще.

Заняться любовью с ней, а не бесчувственным сексом. С единственной женщиной, которая сумела вызвать у меня такие чувства. Я шепчу ей на ухо:

— Тебя.

Она дрожит в моих руках, а потом медленно и игриво сползает по моему телу. Добравшись до пояса баскетбольных шорт, задорно шевелит бровями, а потом прижимает руку к моей эрекции и говорит:

— Знаешь, даже смешно, что твоя шишка соответствует твоему члену, Спенсер.

— Да? И как же? Надеюсь, не цветом.

— Самые большие в мире, — говорит Шарлотта, стаскивая с меня шорты и трусы. Я снимаю футболку.

— Даже лучше, — бормочет она и толкает меня в грудь, опрокидывая на спинку дивана и усаживаясь между моих ног. Шарлотта не спускает с меня глаз и в предвкушении облизывает губы.

У меня вырывается рык со стоном, когда она обхватывает головку члена.

Это рай. Можете хоть сейчас проверить по словарю.

Губы Шарлотты на моем члене. Она дразнит меня, лаская головку, а потом облизывает от кончика до основания. Скользит вверх и обхватывает языком. Жар разносится лавой по венам.

Бедра дрожат, безумно хочется, чтобы она вобрала меня в рот целиком, но и эти поцелуи дико заводят. Она облизывает меня как любимую конфету. Вождеделение вспышками проносится по позвоночнику. Аж искры летят.

Открыв рот шире, она придвигается ко мне, посасывая головку, и я закрываю глаза от ласк ее фантастического ротика.

Но через минуту я снова смотрю на нее. Мне нужно ее видеть. Следить за ней. Золотистые волосы рассыпаны по моим бедрам, голова покачивается между моих ног, а член скользит между пухлых красных губ.

Во всей Вселенной нет картины лучше.

Беззастенчиво любуясь моей богиней, я запускаю пальцы в ее волосы и слегка дергаю их.

— Возьми больше, — шепчу я, уговаривая углубить ласки. Шарлотта с радостью подчиняется, вбирая в сладостный ротик больше, а потом берет яйца в ладошку. У меня закатываются глаза, и я втягиваю воздух через зубы. Я больше не в силах сдерживаться. Начинаю приподыматься и раскачиваться, трахая ее красивый ротик. Стремясь к большему, притягиваю ее ближе. Кожу словно окутывает пламя. Я так близок к развязке.

— Черт, — хриплю я и оттягиваю ее от себя.

Я не могу кончить в ее рот. Особенно, когда так сильно хочу ее и жажду, чтобы она кончила первой.

— Тебе не нравится? — спрашивает она. В красивых карих глазах мелькает беспокойство.

Я усмехаюсь.

— Мне безумно нравится, но я хочу, чтобы ты прокатилась на мне. — Дотягиваюсь до кошелька и беру презерватив. — Сию секунду! После этого, обещаю, мне будет намного лучше.

В считанные секунды Шарлотта сбрасывает с себя одежду и садится на меня. Я приподымаю ее и опускаю на член. Меня, как перчаткой, обхватывает тугая горячая киска. У Шарлотты перехватывает дыхание, когда она вбирает меня в себя.

— Ты такая мокрая, просто поласкав ротиком мой член? — спрашиваю я, приподымая, а потом опускаю ее вниз.

Шарлотта кивает, отрывисто дыша, а потом делает самую сексуальную вещь на свете, но такое чувство, будто она даже не понимает этого. Шарлотта обхватывает ладонью свою грудь, пока я ее трахаю. Начинает ласкать свои фантастические сиськи. У меня внутри все закипает. Кровь бурлит, как ртуть, когда я смотрю, как меня объезжает великолепная беспутная наездница. Вторая ее рука скользит по мягкому животику, который мне хочется поцеловать и облизать. У Шарлотты вырывается стон со всхлипом. Охрененный звук. Шарлотта ласкает себя и трахает меня.

Она раскачивается вверх и вниз на моем члене, дразня себя пальцами в стремлении достигнуть пика наслаждения.

Словно она мастурбирует на моем члене.

Я хочу, чтобы она использовала меня. Делала все, что душа пожелает. В любом случае с ней я улечу до небес. У Шарлотты перехватывает дыхание, плечи вздрагивают. Она явно теряет контроль. Схватив ее за бедра, я подталкиваю ее к краю.

— Давай, малыш. Не сдерживайся. Ты так прекрасна, когда кончаешь.

— Я так близко. Так близко, — бормочет она, раскачиваясь на мне и полностью вбирая в себя. Стоны превращаются в крики.

У меня сносит крышу от этой картины. Я превращаюсь в горстку пепла. Сгорая дотла от ее губ, рта и глаз.

От всего. Она для меня гребанный мир.

Подняв руку, Шарлотта пропускает сквозь пальцы свои волосы, а вторая продолжает играть с грудью. Ее глаза закрыты. Она полностью отдалась во власть удовольствия. У меня дух захватывает, насколько она красивая, отражая меня до изнеможения. Вскоре ее движения становятся дикими, и теперь я хочу вместе с ней окунуться в вихрь удовольствия

— Посмотри на меня, — хрипло прошу я.

Её глаза приоткрываются. В затуманенных карих омутах плещется страсть, вожделение и что-то большее — невероятное и неизведанное.

Шарлотта опять прикрывает глаза.

— Посмотри на меня, — уже не просьба, а команда, грубая и горячая.

— Но так я быстрее кончаю, — протестуя бормочет она, хотя судя по тому, как Шарлотта вглядывается мне в глаза, опускает лицо и хватает за плечи — это больше признание. — Я не хочу, чтобы это заканчивалось, — говорит она со стоном.

Я знаю, что она говорит о сексе, но так хочу, чтобы это означало намного больше. Каким стало для меня.

Мы словно связаны. Она не отводит глаз, да и я не смог бы, даже если бы попытался. В ее глазах сокрыты все мои тайные желания. Мне это нужно до охречения. Она шепчет моё имя. Слова срываются с языка слаще меда. Я на грани. Яйца напряжены. Я не в силах больше сдерживаться, мне нужно, чтобы она кончила, пока я не слетел с катушек.

— Кончи на меня, — подстегиваю я, чувствуя приближение собственного оргазма. — Кончи на меня сейчас!

С диким криком ее накрывает волна удовольствия. Наклонившись, она прижимается к

моему уху и протяжно шепчет новый восхитительный напев:

— Я не могу остановиться. Просто не в силах остановиться.

Она повторяет это снова и снова. Это так необузданно и сексуально. Я в восторге от этого. Обожаю, когда Шарлотта кончает. Мне до охречения нравится делать ее счастливой. Заниматься с ней любовью. В данную секунду я люблю этот мир, даже свою шишку, ушибленный локоть и битую, упавшую мне на пальцы ног.

Шарлотта падает на меня, прижимаясь к шее, целует в ухо и непрерывно шепчет:

— Как же хорошо.

— Лучше не бывает, — соглашаюсь я, хоть «хорошо» это слишком слабо сказано.

— Только с тобой, каждая мелочь, — признается она, когда я обнимаю ее и крепко прижимаю к груди.

— Каждая, — соглашаюсь я.

Я люблю весь этот мир без остатка, а еще я самый счастливый сукин сын на планете рядом с женщиной, в которую безумно влюблен.

Вот что это такое. Именно это нашептывал мне алфавитный суп.

Я нарушил самое главное правило.

Влюбился в своего лучшего друга.

Бита соединяется с мячом с диким ударом, и я готовлюсь к третьей базе. Все жду и жду увидеть, угодит ли мяч в перчатку аутфилдера [\[24\]](#) или вернет меня «домой».

Бум. Через ограду.

Я взмахиваю кулаком и кричу.

Ник бросает биту в грязь и бежит по базовой линии, а я устремляюсь к «дому». Наблюдая за тем, как он несётся от базы к базе, мой отец подпрыгивает на импровизированной скамейке запасных. Благодаря Нику команда отца вырывается вперед на девятом иннинге [\[25\]](#).

Я поднимаю руку и даю пять нашему отбивающему, когда он добегает до основной базы.

— Хорошая работа, Грэнд Слэм [\[26\]](#), — говорю я. За этот сезон он уже дважды выбивал четырехочковый.

Как только он встает на основную базу, раздаётся «Beautiful» Кристины Агилеры. Интересный выбор. Для Ника я бы такое не поставил, но дочь мистера Оффермана назначила себя «комментатором» игры и выбирала мелодии для подач, хоум-ранов [\[27\]](#) и аутов [\[28\]](#).

В руках Эмили синие портативные колонки овальной формы, из которых льется музыка с ее сотового. Раскачивая бедрами, она призывает нашу команду присоединиться к танцу. Сестрицы поддерживают ее с трех рядов ветхих скрипучих трибун.

Отец дает Нику пять, когда тот уходит с поля.

— Ты моя призовая лошадка. Жди чек по почте, — шутит мой отец, направляясь к скамейке команды перед трибунами. Шарлотта машет и улыбается. Я смотрю на нее, и сердце готово выпрыгнуть из груди.

«Сегодня», говорю я себе. У меня есть план. Я отведу ее в любимый итальянский ресторан в Челси [\[29\]](#) и там открою перед ней душу. Расскажу, что она для меня единственная, и буду надеяться, что рядом окажется женщина с «Пейдж сикс», а не та, что хочет просто дружить со мной. Без понятия, хочет ли Шарлотта чего-то большего, как и я, или видит во мне только друга. Но я чертовски сильно уверен в своих чувствах и желаниях. Она должна быть моим другом, деловым партнером, любовницей и любимой. Хочу, чтобы она была только моей. Именно поэтому сегодня утром — после того, как мы почистили зубы — я пригласил ее на настоящее свидание.

И Шарлотта согласилась.

У меня потеют ладони от одной мысли, что сегодня у меня официальное свидание с моей первой и единственной любовью. Я рискну всем, признавшись, что наши фальшивые отношения стали для меня настоящими. Пульс зашкаливает от надежды, что мои чувства взаимны.

Черт, на время игры я положил в ее сумочку свои ключи, кошелек и сотовый, но неужели там еще спрятан магнит? Отвернувшись от Ника, я подбегаю к трибунам и быстро целую Шарлотту. Наши губы соприкасаются, и она тихо вздыхает. Через секунду из колонок Эмили звучит Сиара «Pucker Up».

Черт, пряткая девчонка.

Я отворачиваюсь от трибуны.

Еще один игрок из команды «Катрин» в шаге от базы. Радости отца нет предела. Папа в замечательном настроении: сейчас его команда выигрывает, а утром он подписал документы. Адвокат проводит окончательную сверку, и в понедельник состоится официальная подача. Если все пройдет хорошо, к тому времени мы с Шарлоттой будем по-настоящему вместе, и нам не придется расставаться. Удивительно, как все прекрасно складывается.

Когда я занимаю место на скамейке, Ник говорит мне тихим голосом, делая вид, будто общается с Шарлоттой:

— О салют, Шарлот. Как делишки? Ты по-прежнему встречаешься со Спенсером? Как оно? Ты любишь его большое эго. О да, оно просто огромное. Я тоже в восторге. — Он поворачивается ко мне с невозмутимым видом. — И как, я справляюсь?

Я делаю «удивленный» вид.

— Поразительно. Такое чувство, что ты пожизненно этим занимаешься. — Я фыркаю. — И, кстати, я надеюсь, что скоро это не будет притворством.

Он вопросительно поднимает бровь.

Пожав плечами, я говорю шепотом:

— Сначала это была игра, но теперь для меня все стало реальным. Я собираюсь сегодня во всем признаться и глянуть, взаимны ли мои чувства.

Ник протягивает кулак.

— Вперед дружище, — говорит он без намека на смех или сарказм. — Вы всегда идеально подходили друг другу.

— Да? Почему? — спрашиваю я, желая услышать подробности.

Мой приятель посмеивается и качает головой:

— Дружище, и что, по-твоему, я должен сказать? — Он смыкает ладони и хлопает ресницами с преувеличенным восторгом. — Безумно мило, когда вы заканчиваете друг за друга предложения или лакомитесь мармеладными мишками. — Покончив с представлением, он пожимает плечами. — Я могу лишь сказать, что поддерживаю тебя.

— Спасибо, друг. Я ценю это. — А потом замолкаю и прищурившись смотрю на него. — Между прочим, если ты еще раз прикоснешься к моей сестре, я тебя наголо побрею и покрашу брови в оранжевый.

У него расширяются глаза, а рука пробегает по волосам.

— Только не волосы. Они источник моей суперсилы.

— Я в курсе. Так что, будь осторожен.

Мы занимаем наши места на поле в последней части девятого иннинга. Команда соперников продувает, и в честь нашей победы играет Пинк «Raise Your Glass». Я несусь с поля и даю пять моим товарищам по команде.

Хлопаю по ладони мистера Оффермана.

— Теперь это все будет вашим, — шучу я, кивая на команду.

— Жду не дождусь, — говорит он. — Мне нравится. Надеюсь, вы с другом останетесь в команде. Нам понадобится большая бита, если мы хотим выиграть чемпионат в следующем сезоне.

Мужик, мы дворовая команда. Расслабься.

— Надеюсь, вы выиграете, — говорю я, испытывая адреналин, пока поет Пинк, а Эмили

делает вид, что как в песне держит бокал. Запихивая перчатки и бейсболку в сумку, я не свожу глаз с Шарлотты, которая празднует победу вместе с Харпер. Как же здорово видеть их вместе. Для меня это становится в порядке вещей: Шарлотта проводит время с моей семьей в качестве моей девушки, а не просто друга.

Я уже вижу, как все будет. Дни и ночи с ней. Все по-настоящему, без обмана.

Музыка резко обрывается, и необузданный энтузиазм Пинк сменяется неприятным эхом, словно записанной на диктофон, песни. Но из колонок Эмили звучит не музыка.

А голоса.

Или, точнее, мой голос.

— Ты плохо себя чувствуешь? У тебя болит голова из-за вчерашней ночи или что-то другое?

Я замираю.

Кровь леденеет, когда я ясно вспоминаю этот разговор и где он состоялся. Дамская комната в музее искусств. Челюсть сжимается, а грудь сдавливает, словно в тисках. Мне прекрасно известно, что нас ждет дальше. Я оглядываю толпу, которая собирается около основной базы. Людей немного, но все ключевые игроки на месте. Семейка Офферманов. Мои родители. Я.

Все замерли, как вкопанные, и слушают запись нашего с Шарлоттой личного разговора.

— Я не могу больше притворяться.

Слова, сказанные Шарлоттой неделю назад. Адреналин зашкаливает от желания предотвратить катастрофу. Я делаю шаг к Эмили, а из колонок доносится мой дрогнувший голос.

— Ты о помолвке?

Мой отец хмурится. Смотрит мне в глаза, и я вижу в них разочарование вперемешку со смущением.

Мистер Офферман смотрит на меня, а потом на Шарлотту на трибунах. В ее глазах плещется ужас, рот слегка приоткрыт.

Я. Должен. Остановить. Это.

Я устремляюсь к Эмили. Может, мне удастся вырвать из ее рук колонки и не дать прозвучать следующим словам.

— Прекрати. Пожалуйста, — умоляю я, пытаюсь забрать ее телефон, колонки и конченное желание вторгаться в личную жизнь людей.

Она качает головой и подымает колонки над головой, когда раздаются четкие и громкие слова Шарлотты.

— Нет. С ней все в порядке. Фальшивая помолвка не проблема.

Эмили отключает запись, и я жду, когда она скажет мне: «Попался».

Но вместо этого на краю трибун появляется Эйб и идет к Эмили на поле. Я смотрю на него. Он стоит рядом с Эмили и улыбается ей, как гордый... учитель?

Эмили смотрит на отца:

— Теперь-то ты веришь, что я не хочу изучать искусство в Колумбийском университете?

Колумбийский... Эмили собирается учиться в одном универе с настырным репортером. Вот откуда они друг друга знают. Ноздри Оффермана раздуваются, когда он делает шаг вперед.

— Эмили, сейчас не время обсуждать твое будущее. Что все это значит?

Да, меня отчасти это тоже интересует.

Тем более мне казалась, что проблема в нас с Шарлоттой, но тут еще замешены отцовско-дочерние отношения.

Эмили закатывает глаза и упирает ладонь в бедро.

— Я не хочу изучать искусство и много лет об этом твержу. Но ты не хотел слушать и не обращал внимания на мои желания. Я хочу изучать бизнес. Как и ты. Но ты считаешь, что бизнес только для мужчин. Ты ошибаешься, ведь я же спасла тебя от покупки магазинов у лжецов. С нашей первой встречи я знала, что дело не чисто, — говорит она, махая то на меня, то на Шарлотту: — Поэтому я переговорила с Эйбом на ужине в стейк-хаусе, когда узнала, что собираюсь поступать в универ, где он учится. И представляешь, он почувствовал тоже самое по поводу «счастливой парочки». Вот мы и решили вместе поработать над этим материалом и докопаться до сути происходящего. И вот она, папочка.

Она тычет в меня пальцем, как на обвиняемого:

— Спенсер Холидэй подделал свою помолвку с Шарлоттой Роудс, чтобы ты купил «Катрин», считая, что это процветающий бизнес дружной семьи, как ты и хотел, не имеющих ничего общего с обсуждением фотографий членов в сомнительных приложениях. — Девчонка широко расставляет ноги и упирает руки в боки, в глазах горит решимость. — Неплохой заголовок для завтрашней статьи? Дадите официальные комментарии?

Эйб и Эмили смотрят на нас с самодовольным восторгом, а мне глубоко плевать.

Больше всего хочется засмеяться и заявить, что это выдумка патологичной маленькой лгуни. Хотя есть крошечное желание начать аплодировать девчонке за ее мужество. Мне не по душе становится мишенью, но она во всеуслышание объявила отца сексистом. А еще отлично нами манипулировала: флирт на ужине никогда таким не был. Она играла со мной, пытаясь докопаться до лжи, которую учуяла.

— Это правда?

Спрашивает не мистер Офферман. А мой отец. Человека, которым я восхищаюсь. Глубоко уважаю. Тот, который учил меня совсем другому. Меня охватывает стыд, когда отец обходит мистера Оффермана. Он не смотрит на человека, с которым заключает бизнес-делку. Он смотрит на своего сына.

На свою плоть и кровь, солгавшую ему. Сына, опозорившего его. Конченого лжеца.

У меня горит лицо. Тот факт, что мои чувства к Шарлотте стали настоящими, ничего не меняет. Все это не важно. Я киваю и собираюсь ответить, но меня прерывают шаги по шаткому металлу. Шарлотта бежит по трибуне, потом по траве и грязи.

— Подождите, — говорит она, поднимая руку и сжимая кольцо на пальце. — Фальшивая помолвка была моей виной. Не Спенсера.

Мой отец хмурится и поворачивается к ней:

— Ты о чем?

— Это была моя идея, — говорит она с раскаяньем и виноватым взглядом. — Я попросила Спенсера притвориться моим женихом, чтобы от меня отстал бывший парень, — горько заявляет она и снимает кольцо с пальца. Этот момент мне ненавистен до скрежета зубов.

— Это неправда, — говорю я.

Шарлотта собирается взять на себя мою вину, а я этого не допущу. Это моя вина, и разбираться только мне.

Она поднимает подбородок.

— Нет, правда, — твердо заявляет она. Шарлотта не сводит с меня глаз, безмолвно прося не перебивать. А потом переводит взгляд на моего отца и мистера Оффермана: — Это все из-за меня. Мне не следовало просить Спенсера, даже если мой бывший не понимал по-человечески. Мы снимаем квартиры в одном доме, и после расставания он не давал мне житья. Все знали о его измене и смотрели на меня с жалостью. А потом, когда Брэдли решил меня вернуть, пришлось придумать что-то радикальное, чтобы остановить его.

Миссис Офферман незаметно кивает. По глазам видно, она понимает в каком положении оказалась Шарлотта.

Шарлотта так чертовски убедительна, но ей не нужно стараться. Она честна. Почти все из сказанного — правда. Пускай это я был инициатором «помолвки», но все остальное чистая правда.

В отличие от моей постоянной лжи.

— Шарлотта, ты не должна это делать, — очень тихо говорю я.

Она качает головой и громко произносит:

— Нет, должна. Я попросила его притворяться, чтобы спокойно жить. Но, пожалуйста, не вините Спенсера. Фальшивая помолвка — моя идея. Он согласился, потому что очень хороший и хотел мне помочь. Мы все спланировали, даже наш разрыв. — Она вздыхает, но не опускает головы. — Наши отношения должны были длиться неделю, которая подошла к концу. Это финал.

Она протягивает кольцо. Ее глаза темнее, чем когда-либо. Непостижимые. Она смотрит на окружающих.

— Наши отношения никогда не были настоящими, но совсем по другим причинам.

Шарлотта кладет кольцо в мою ладонь и заставляет сжать пальцы.

— Спасибо, что ради меня притворился.

Она обнимает меня.

— Мне так жаль, — шепчет она, и у меня сокращаются мышцы от надежды, что она еще что-то тихо добавит.

Хочу благодарность киноакадемии.

С тебя звезда за выступление.

Но она молчит, и ее извинения звучат как горькая правда.

Отстранившись, Шарлотта смотрит на толпу зрителей и говорит:

— Прости.

А потом уходит, просто уходит от меня. Никто не говорит, что это розыгрыш, потому что все слишком реально. С каждым ее шагом во мне будто что-то умирает. Я, как дурак, стою на основной базе, и эмоции кружат в беспорядке. Неловкость перерастает во что-то худшее. Боль. Так чертовски больно. Мое сердце разбито. Она меня не любит.

Наши отношения никогда не были настоящими.

Мистер Офферман поворачивается к моему отцу. Ноздри трепещут, во взгляде злоба.

— Мне плевать, чья это идея. Я не веду бизнес с лжецами. Сделка разорвана, — говорит он, размахивая руками.

Из колонок Эмили начинает играть Рианна с песней «Take a Bow».

Я съеживаюсь, а мистер Офферман рывкает на дочь:

— Достаточно.

Хотя бы на этот счет наши мнения совпадают.

Голова кружится, а в груди словно огромная дыра.

Но Харпер это не смущает. Она продолжает резать правду-матку.

— Послушай! — Она сжимает мое плечо, пока мы идем по парку. Моя сестра с одной стороны, а Ник с другой. — Тебе подкатило. Теперь у тебя сегодня дел немерено.

Хорошо, что она тащит меня, а то я не соображаю, куда мне идти и что делать. Отец ушел пятнадцать минут назад разгрести завалы разрушенной по моей вине сделки. Самой крупной и важной в его карьере. Все из-за меня и истории с Шарлоттой. Я пытался ее найти, но она словно растворилась в дымке тумана. Я мог бы позвонить ей с телефона Харпер, но разбитое сердце тяготит грудь мертвым грузом, поэтому я не уверен, что сейчас смогу выдержать новую пытку.

Салют, Шарлотта. Конечно полный облом, что ты меня не любишь, но у меня есть парочка интересных идей по маркетингу. О, здорово! Рад, что тебе нравится моя идея по увеличению продаж шотов. С тебя начос.

— Ясно. И что там по списку? — безразлично спрашиваю я. — Есть шанс, что каким-то чудом это просто окажется страшным сном?

Харпер с усмешкой тащит меня в сторону от скейтбордиста.

— Не мечтай. Добро пожаловать в реальность, Спенсер Холидэй. Из-за своего длинного языка ты вляпался в неприятности, и теперь тебе нужно выбираться из этой выгребной ямы.

— Как по мне, это черная дыра, — замечает Ник. — У тебя есть специальная лопата для столь глубоких работ?

Я хочу рассмеяться. Правда. А вместо этого хмурюсь.

— Пока мы будем искать лопату, может, подскажите, что мне делать с Шарлоттой? Учитывая то, что у меня совместный бизнес с женщиной, которая дала мне отворот-поворот прямо на основной базе.

Сестрица косится на меня взглядом, который мог бы воспламенить асфальт.

— Она сейчас не твоя главная забота, Спенс.

— Нет?

Харпер качает головой, а тем временем мы выходим с парка и огибаем Пятую авеню. Сестра поднимает руку и машет вдаль. Куда-то в середину проспекта.

— Там. В кварталах десяти отсюда ты найдешь ювелирный магазин. На шестом этаже кабинет отца. Тебе нужно отправиться к нему, и ползать в его ногах.

У меня понижают плечи, и я обреченно вздыхаю.

— Я напортачил и капитально все испоганил.

Ник посмеивается с сочувствием.

— Да, дружище, ты отличился. А теперь нужно все исправить.

Я развожу руками. Вдоль Пятого авеню следом за нами колесит конный экипаж.

— И каким образом? Напортачить я смог, а вот исправить... это звучит, как из области фантастики.

Ник качает головой.

— Не совсем. Просто новый феномен. По типу реверсивного осмоса, но вместо воды он

отфильтровывает твои косяки.

Харпер закатывает глаза.

— Парни. Сосредоточьтесь. Сейчас не время соревноваться в остроумии.

Запускаю пятерню в волосы.

— Ладно. Давай покончим с этим. С чего начнем?

С глубоким вздохом Харпер поворачивается к Нику.

— Скажем ему или до него самого дойдет?

Ник потирает уголок губ, а потом приподымает выше очки.

— Не уверен, что он сегодня нормально соображает.

— О чем мне сказать? Вы что, это уже обсуждали?

— Да. Тупица. Пока ты метался в поисках Шарлотты, — отвечает Харпер, и я вздрагиваю, вспомнив, как после песни Рианны сорвался с места, пытаюсь догнать Шарлотту. Но златоглавой красавицы и след простыл. Она ушла, оставив меня с разбитым сердцем. Вдобавок прихватив с собой мой сотовый, кошелек и ключи. Я сейчас слепой, как котенок.

К тому же без гроша в кармане.

— И что же, по-вашему, мне сейчас нужно сделать?

— Дружище, для начала тебе стоит извиниться перед отцом за ложь. Нужно объяснить, почему ты так поступил. Рассказать о своих благих, но, к сожалению, ошибочных намерениях. И попросить прощения, — прямолинейно говорит Ник.

Я киваю.

— Понял. Я с этим справлюсь.

— Потом тебе нужно попытаться исправить весь бардак, — добавляет Харпер.

— Как?

— Тебе нужно попытаться поговорить с мистером Офферманом. Глянуть, сможешь ли ты уладить возникший конфликт.

Меня передергивает от мысли, что придется унижаться перед этим долбодятлом.

— Он больше не хочет иметь никаких дел с отцом.

— Сейчас это так, — говорит Ник. — Погорячился в запале. Возможно, он передумает остыв. Тебе стоит попробовать.

Я киваю, они совершенно правы.

— А если это не сработает?

Сестра с моим другом смотрят на меня и закатывают глаза.

— Ты исправишь свой косяк, — говорит Харпер.

— Вот блин, — тоскливо выдыхаю я, полностью осознав, каким образом мне предстоит разгрести весь бардак, причиненный отцу.

***

Харпер дает мне десять баксов. Чувствую себя первоклашкой с карманными деньгами.

— Используй денежку только на автобусный билет, дорогой, — говорит она, как мамочка своему чаду, а потом подталкивает к входу в «Катрин». — Иди.

Собравшись с духом, я захожу внутрь в спортивных шортах и бейсболке. Дойдя до лифта, нажимаю кнопку шестого этажа. Когда дверь со свистом закрывается, я делаю глубокий вдох и выдох, пытаюсь думать лишь об отце, а не Шарлотте. Или о худших словах в моей жизни.

«Наши отношения никогда не были настоящими».

Без понятия, как я мог столь сильно ошибаться насчет нас. Я был чертовски уверен, что между нами не только сумасшедшая химия, но что-то намного больше. Я самоуверенный ублюдок, решивший, будто женщина меня хочет.

Но Шарлотта не лгунья.

Она твердила об этом с самого начала.

Предупредила, что обманщица из нее никудышная, а значит на бейсбольном поле она сказала правду.

Как, черт возьми, я смогу с ней работать? Заниматься совместным бизнесом?

Лифт поднимается на этаж отца, и двери распахиваются. Я вхожу и вижу знакомое лицо. Нина идет ко мне в строгом костюме, несмотря на сегодня выходной. С другой стороны, в субботу в магазине ажиотаж.

— Привет. Ты ищешь отца?

Я киваю.

— Да. Он в кабинете?

— Он там. Работает над каким-то контрактом.

Во мне вспыхивает надежда. Возможно, соглашение не расторгнуто. Сыр-бор оказался мимолетным. Сделка отца в силе, а на Юпитере есть гипермаркеты.

В любом случае мне нужно спросить.

— А мистер Офферман там?

— Нет, — говорит она, слегка улыбаясь, а потом нежно сжимает мою руку. — Но ты все равно зайди к нему.

Нина уходит, а я делаю глубокий вздох, расправляю плечи и иду в кабинет отца. Чтобы меня там не ждало — разочарование или гнев — я встречу это с достоинством.

Я стучу и слышу, как отец говорит:

— Войдите.

Он сидит за столом в командной футболке. Пальцы замирают над клавиатурой. Взгляд непроницаемый. Не теряя времени даром, я изливаю поток слов, будто прорвавшаяся плотина.

— Пап, я сразу хочу извиниться. Я лгал и обманывал тебя. И очень об этом сожалею. Ты меня не так воспитывал. Мне не следовало притворяться обрученным. В свое оправдание могу лишь сказать, что думал — не спорю, глупо — будто это необходимо для твоей сделки. Понимаешь, при первой встрече с мистером Офферманом, стало ясно, что он не в восторге от моего прошлого и «репутации». — Я выделил последнее слово воздушными кавычками. — Поэтому я посчитал, что будет проще на недельку прикинуться помолвленным, пока проходит купля-продажа «Катрин». Шарлотта тут ни при чем. Это была полностью моя идея. Мне казалось, я поступаю правильно и тем самым не позволю своей подмоченной репутации испоганить тебе сделку. Но в итоге именно из-за меня все пошло наперекосяк.

— Спенсер, — говорит отец, и его губы слегка подрагивают.

Я подымаю руку и качаю головой.

— Я не должен был тогда за завтраком врать Офферману и тем более тебе. И все же я не был честен. Тогда перед мюзиклом ты сказал столько хорошего о Шарлотте, а я из-за своей лжи чувствовал себя отъявленным мерзавцем. Ты другому учил меня. — С тяжелым вздохом я перехожу с самой трудной части. — Знаешь, в какой-то момент это перестало быть ложью. Да, все началось как фальшивка, только для меня это стало реальностью. Я влюбился в нее.

Легкая улыбка играет на губах отца.

— Спенсер, — он снова пытается что-то сказать, но я подхожу ближе к столу, не в силах сдержать поток слов.

— Но это не имеет значения, ты же слышал о чем она говорила. — В моем голосе слышна грусть от воспоминаний тех ужасных слов. — Мои чувства не взаимны. Вот такие вот дела. Мне жаль, что я втянул тебя в этот фарс. Знаю, что не могу все исправить, но хочу попробовать.

Я понял, как правильно поступить, поэтому без колебаний шагаю в неизвестность.

— Знаю, твое самое большое желание — отойти от дел и больше времени проводить с мамой. Именно поэтому ты хочешь продать «Катрин». Я не прошу передавать мне твою компанию или бизнес. Я предлагаю лишь свою добровольную помощь. Ради тебя я буду управлять компанией. Конечно же, бесплатно, — говорю я со смешком, даже в такие моменты нельзя падать духом. Отец слушает, а в его глазах пляшут чертики. — Я хороший бизнесмен. Пускай с отношениями у меня полный кошмар, и я явно не знаю, чего хотят женщины. Но я очень крут в управлении любого рода предприятиями. Мне очень хочется сделать это для тебя. Временно стать у руля, пока ты не торопясь подыщешь другого покупателя.

Я делаю глубокий вздох. Пускай в мои намерения никогда не входило желание работать в магазине, да и отец не собирался отдавать мне свой бизнес и все же... чувствую себя порядочным человеком, предложив отцу выход из сложившейся ситуации.

Папа встает, обходит стол и скрещивает руки на груди. Он уверенно стоит на пушистом ковре и взирает на меня темными глазами.

Очень странно, но почему-то он не злится.

— Ты прав, сын. Я не в восторге от твоей лжи и целого спектакля об обручении. Тем более меня не радует тот факт, что из-за меня ты почувствовал необходимость притворяться тем, кем не являешься. — Он замолкает на минуту и сжимает мое плечо. — Но я правда хорошо воспитал тебя, поскольку сейчас ты сделал именно то, что требовалось.

— Пап, я с радостью это сделаю, — сказав это, я осознаю насколько мое решение верное. Я вложу в это душу. Только богу известно, сколько сил мне понадобится, чтобы забыть Шарлотту. Возможно, я даже позволю ей выкупить мою долю в «Лаки Спот», и мне не придется с ней больше видеться. Только извращенец захочет каждый день находиться рядом с женщиной, разбившей ему сердце. Это будет жалить посильней бешеной осы.

Отец хлопает меня по спине, а потом обнимает.

— Ты хороший парень. Я горжусь тем, что ты признал свои ошибки и пытаешься их исправить. — Он отступает со счастливым вздохом и сжимает ладонями мои плечи. — Но я не позволю тебе этого сделать.

Я хмурюсь в замешательстве.

— Почему?

Он смеется, и глаза искрятся от веселья.

— Потому, что ты меня спас. Когда подошла моя очередь отбивать мяч, я ломал себе голову, пытаюсь придумать, как поизящней разорвать соглашение. Я долго думал о продаже «Катрин» этому напыщенному шовинистическому козлу, ты мне дал отличный повод сорваться с крючка. — Он махнул на бумагоизмельчающую машинку, а потом хлопнул в ладони. — Хорошо, что бумаги еще не были поданы.

Я расплываюсь в улыбке, впервые после того, как Шарлотта вырвала мое сердце, измельчила в мясорубке и съела на закуску.

Ладно, возможно это слишком драматично сказано. Но мое сердце разбито. Однако улыбка отца не причиняет мне боли.

— Он и правда был козлом, — говорю я, выпятив губы.

— Он по-свински обращался с женщинами, женой и дочерьми. Никакого уважения. Я не могу доверять «Катрин» такому человеку.

— Конечно, не можешь. Доверься нам, и мы найдем достойного мужчину или женщину, — говорю я охваченный гордостью за выбор своего отца.

Он цокает языком.

— Дело в том, что я уже нашел такого человека.

У меня глаза лезут на лоб.

— Правда?

— Да. Но не покупателя. — Отец окидывает взглядом кабинет, а потом задумчиво смотрит на дверь. — А человека, который будет заниматься делами, пока я путешествую. Оказывается, я не готов отпустить «Катрин», даже если не хочу все время пропадать на работе.

— Хорошо. И кто это? — робко спрашиваю я.

Но как только слова слетают с губ, я уже знаю ответ. В голове словно шестеренка встает

на место. Я щелкаю пальцами.

— Нина! Ты передаешь ей в руки управление предприятием?

Он кивает с радостным лицом.

— Да. И она согласилась. — Он показывает пальцем на бумаги на столе. — Именно над этим контрактом я работал, когда ты зашел. Нина будет генеральным директором «Катрин», а я останусь основателем и владельцем, пока буду под звездами бороздить моря с твоей мамой.

— Ты такой романтик, — говорю я, с восхищением качая головой. — Нина идеальный кандидат. Она была рядом со дня основания, и никто лучше нее не знает этот бизнес.

— Это точно! — соглашается он и идет к дивану у окна с видом на Манхэттен. — Но раз я безнадежный романтик, который уже тридцать пять лет счастлив в браке, поэтому кое-что понимаю в желаниях женщин, давай обсудим, как ты собираешься вернуть Шарлотту. Я видел, как вы друг на друга смотрите.

Отец хлопает рядом с собой по дивану. Руки и ноги как свинцовые. Я сажусь.

— Я без ума от таких мыслей. Но она ясно дала понять, что я ей безразличен.

— Хм...

— Что?

— Разве это так? — насмешливо спрашивает он.

— Кажется, она выразилась довольно ясно. Цитирую: «Наши отношения никогда не были настоящими».

— Да, она так сказала. Если откровенно, я считаю мужчинам не всегда нужно обращать внимание на слова женщины. Порой поступки говорят громче слов. И что же ты тогда видел по Шарлотте?

Перед моими глазами встает картина того, как она сорвала с пальца кольцо.

— Что мои чувства не взаимны, — прямо говорю я. Нет смысла ходить вокруг да около, он видел тоже самое.

А может, и нет. Папа наклоняет голову и приподымает бровь, а потом качает головой.

— А я видел женщину, которая рискнула всем и поставила под удар свое сердце.

Я смотрю на него в недоумении.

— Я видел женщину, которая взяла на себя твою вину, — продолжает он, показывая то на себя, то на меня. — Мы оба знаем, что Шарлотта не просила тебя прикидываться ее женихом. Это ты попросил ее. И она согласилась. Шарлотта хотела тебе помочь. И сегодня она к этому стремилась. Да, ее уловка не сработала, но ради тебя она пыталась спасти сделку с Офферманом. Пытаясь уберечь тебя от неприятностей, Шарлотта очертя голову бросилась под поезд.

Что-то внутри возрождается как феникс из пепла.

Не чуждое или странное, просто стук сердца и бешеный пульс из-за столь захватывающей перспективы.

— Боже правый! — шепчу я, вспоминая сегодняшнее утро, день и вчерашнюю ночь. Бутерброды, лапша, виски. Нарушенные правила, ревность, безупречные сокровенные моменты чистого блаженства и единения. Прошлая ночь и что она говорила во время оргазма. Насколько она была красива, восседая на мне.

Схватив воротник футболки, я слегка тяну его.

Ничего себе! Здесь жарковато. Сейчас не лучший момент думать о сексе.

Я отбрасываю подальше шаловливые мысли.

Перед глазами всплывают моменты того, как она постоянно спасала меня. С начала и до конца она всегда была рядом, когда я больше всего в ней нуждался.

— Я должен ее найти, — говорю я, хлопая себя по карманам. Пусто. — Вот, блин! У нес мой сотовый, кошелек и ключи.

— Хорошо. Только тебе стоит притормозить.

— Почему? Мне нужно поехать к ней и признаться в своих чувствах, разве нет?

— Разве нет? — передразнивая он меня, приподняв бровь. — Возможно, ты знаешь парочку приемов, как подцепить даму на вечерок. Но я знаю, как завоевать женщину на всю оставшуюся жизнь, — говорит он, постукивая себя по сердцу. — Твой отец — безнадежный романтик. Дай мастеру преподать тебе парочку уроков, как вернуть женщину.

Поднявшись с дивана, я отдаю отцу бразды правления.

— Я всем в школе мог задать жару. Научи меня своим секретам.

Он окидывает меня критическим взглядом.

— Во-первых, тебе нужно переодеться во что-то приличное.

— Я без кошелька.

Отец закатывает глаза.

— Я покупал тебе первые ползунки. Думаю, теперь я смогу раскошелиться на приличные брюки.

— Пап, это, конечно, здорово, но поклянись, что больше никогда не будешь вспоминать обо мне и этой вещи. Договорились? — говорю я, когда мы выходим из кабинета.

— Это ты про ползунки?

Я киваю.

Он пожимает плечами.

— Я постараюсь никогда не обсуждать, каким очаровательным ты был в голубеньких ползунках.

— Папа.

— Точно. Ты не был очаровательным. Сама мужественность и брутальность.

Я же говорил, что у меня самый крутой отец во Вселенной?

Я офигенно выгляжу. На мне темно-серые штаны, темно-синяя рубашка на пуговицах и новые туфли. И... погодите-ка... я выкупанный. Папа повел меня по магазинам, отвез к себе и позволил принять душ. И проклятие, я сейчас как новенький.

А еще, папочка не позволил мне звонить Шарлотте.

И да, я знаю наизусть ее номер. Он один из двух. Ее и китайского ресторана с доставкой еды на дом. Вместо этого, отец сам позвонил ей и вежливо спросил, сможет ли она увидеться со мной сегодня. Очевидно, Шарлотта согласилась, и папа сказал, что я буду у нее к шести.

Чувствую себя подростком, который едет на выпускной бал, когда нанятый мной лимузин подъезжает к ее дому. Разве что, у меня нет бутоньерки и юношеского запала. Слава богу, я это дело перерос.

Но нервозность такая же. Одним словом — зашкаливает. Я выхожу из машины и иду к швейцару. Он сообщает Шарлотте о моем прибытии, и я начинаю метаться в ожидании. Поглядываю на часы, а потом подсчитываю количество плиток на полу. Спустя три бесконечные минуты Шарлотта идет через холл.

На ней черная шелковистая приталенная блузка и юбка цвета клюквенного сока. В этом наряде мы ходили выбирать ей кольцо. И от этого факта у меня перехватывает дыхание. Надеюсь, это знак.

Пока Шарлотта приближается ко мне, я пытаюсь запомнить все до мелочей. Распушенные волосы лежат на плечах золотым шелком. На красных губах нанесен блеск. Оголенные ножки в черных туфельках на высоких каблуках. Не уверен, что говорил ей об этом, но эти туфли мои любимые. Меня дико заводит, когда она их надевает, но еще больше возбуждает мысль о том, что Шарлотта бессознательно выбирает обувь, которая мне больше всего нравится.

Не могу поверить, что мы не виделись с ней всего лишь восемь часов.

Она останавливается передо мной.

Прищурившись, Шарлотта окидывает меня взглядом. Весьма строгим.

— Не знаю, поцеловать тебя или ударить. Я весь день шлю тебе сообщения, а их получает моя сумочка.

Она открывает клатч и роется в нем. Вытаскивает мой телефон и показывает мне экран. Я ухмыляюсь, прочитав первую эсэмэску.

Эта была самая большая ложь в моей жизни. Позвони мне!

Она сжимает челюсть и смотрит на меня.

— Ой, и я тебе еще несколько раз звонила, пока не вспомнила, что твой телефон у меня. А так я весь день закидывала тебя сообщениями. Кстати, кретин, у тебя телефон был на беззвучном режиме.

— «Кретин» сегодня тема дня, когда дело доходит до меня, — говорю я с улыбкой из-за еще одной причины моей безумной любви к ней. Шарлотта стремилась ко мне и звонила.

Она стоит, уперев руки в боки.

— Хочешь глянуть, что я тебе написала?

— Да, — отвечаю я и беру ее за руку, переплетая наши пальцы. Господи, как же здорово прикасаться к ней. Просто нереально восхитительно, что она в ответ сжимает мою ладонь. — Но сейчас я хочу тебя кое-куда отвести.

— В ресторан? — спрашивает она, когда мы подходим к черному лимузину.

— Да, но позже. Сначала, я хочу устроить тебе тематическую экскурсию по Нью-Йорку. — Я киваю на ее дом. — Это первый пункт из списка уроков, извлеченных мной в турне на прошлой неделе.

Шарлотта приподымает бровь, поощряя продолжить рассказ.

— Именно здесь я капитально сглупил.

— И как же?

— В тот день, когда я попросил тебя прикинуться моей невестой, я на самом деле верил, что легко с этим справлюсь, и это ровным счетом ничего не изменит, — говорю я, распахивая и придерживая для Шарлотты дверку. С салона веет прохладой, пока я наблюдаю, как она усаживается на сиденье.

Ммм... Шарлотта выглядит так аппетитно.

— А это что-то изменило? — спрашивает она, голос звенит от напряжения.

Я киваю, сажусь с ней рядом и захлопываю дверь лимузина.

— Еще как.

Она сглатывает.

— А сейчас куда мы едим?

Я машу на север.

— Фешенебельный ресторан стейк-хаус. Слышала о таком? — спрашиваю я, пока водитель, преодолевая субботние заторы, везет нас к центру города.

— Думаю, мне знакомо это место. Интересно, что же ты там узнал?

Когда мы подъезжаем к ресторану, где в первый раз ужинали с Офферманами, я беру ее за руку и вывожу из лимузина. Хотя мы не заходим внутрь. Просто стоим под зеленым навесом, а я касаюсь ее волос. Поглаживаю шелковистые пряди, спадающие ей на плечо. У Шарлотты перехватывает дыхание, когда мои пальцы задевают ее кожу.

— Если помнишь, мы здесь были неделю назад. И уже успели попрактиковаться в поцелуях на улице и в твоей квартире, — говорю я, скользя губами по ее щеке. Шарлотта вся трепещет. — Но ничто не подготовило меня к уроку, который я извлек здесь, когда ты поцеловала меня за столом.

— И какому же?

— Насколько мне нравятся наши поддельные поцелуи.

На ее губах играет улыбка.

— А настоящие?

— Еще сильнее. На самом деле давай освежим память, насколько нам обоим это нравится. — Я обхватываю ладонями ее щеки и вкушаю восхитительную сладость губ.

Крепко целую ее, напоминая обо всем, что нас ждет в будущем. Она обнимает меня, прижимаясь грудью к моей груди, и тает от поцелуя, а потом я слышу мои любимые сногшибательные вздохи и тихие стоны.

С такими темпами, если мы не остановимся, скоро подымится и кое-что другое. И хотя я этого хочу, наше турне еще не закончилось.

Спустя двадцать минут мы подъезжаем к «Гин Джойнт», и я веду ее в знойный восхитительный бар, где она сводила меня с ума.

— А здесь я конкретно тупанул.

Она берет меня за руку, и по моему телу проносится дрожь.

— Как?

— Лучше спроси почему.

— Почему?

— Потому что твои прикосновения до одури заводят меня. Я в жизни не испытывал ничего подобного, — сипло говорю я, притягивая к себе Шарлотту. — И все же сдуру я считал, что смогу устоять против твоих чар.

Она зарывается пальцами в моих волосах и шепчет:

— Как глупо.

Шарлотта укоризненно качает головой, полностью подыгрывая мне.

— По-твоему это глупо? Подожди, пока не услышишь продолжение. Если бы я тебя отвез туда, где закончился мой вечер в прошлую субботу, ты бы поняла верх моего идиотизма.

— Неужели? — спрашивает она, когда мы садимся в прохладный салон лимузина.

— Да. Потому что в тот вечер отвезя тебя домой, я решил взять дело в свои руки. В моих фантазиях ты меня конкретно поймела.

В ее глазах вспыхивает искра понимания, а потом Шарлотта начинает отстукивать пальцами по моей ноге.

— Это дико сексуально. Хочу когда-нибудь понаблюдать за тобой.

— Да, я тоже хочу тобой полюбоваться. — Я обнимаю ее за шею и прижимаюсь губами к уху, а потом шепчу: — Трижды в ту ночь. И я отчего-то думал, что таким способом смогу выкинуть из головы мысли о тебе.

— О, Спенсер, — выдыхает она. — Я думала точно так же.

Наши губы соприкасаются, когда водитель трогается с места. Мы пылко целуемся, стирая из памяти ложь, притворство и те восемь часов, что нас разделяли. Поцелуй длится, пока мы не подъезжаем к следующему месту. Угол на Сорок третьей улице. Сейчас без пятнадцати семь, и люди спешат в театр на представление, поэтому мы не останавливаемся.

Я киваю на тонированное стекло.

— Здесь я сглупил еще больше.

— Каким образом? — счастливо спрашивает она. Видно, она, как и я, хочет услышать ответ.

— Той ночью я не был полным кретином. Я постарался открыться, рассказал о своей ревности к твоим бывшим. Но на самом деле, таким образом, я пытался сказать, что не хочу, чтобы ты была с кем-то другим, — признаюсь я, скользя губами по ее шее. — Когда бы то ни было.

— Я чувствую тоже самое, — говорит она, улыбаясь ярче солнца. Она берет телефон и показывает мне следующие сообщение, отправленное этим утром. — Глянь и просто прочти.

Насчет этой ужасной лжи.

Было мучительно больно говорить все это.

Я так не думала.

Наоборот, наши отношения стали для меня такими реальными.

Ты чувствуешь тоже самое?

Я отрываю взгляд от экрана и прижимаю ладонь к ее сердцу. Оно отчаянно бьется.

— Да, Мамонтенок. тоже самое.

Она хихикает, услышав наше ласкательное прозвище.

— Как и я. Но, прежде чем ты закончишь наше турне, я хочу, чтобы ты прочитал все остальные эсэмэски, — говорит она и убирает мою руку со своей груди, кладя в мою ладонь телефон.

Зашибись! Я только что поняла, что отправляю сообщения самой себе. Поскольку твой телефон вибрирует в моей сумочке!

Ладненько. Согласна. Это полный отстой.

Ты должен знать, все, что я наговорила на поле сплошная ложь. Я пыталась тебе помочь. Старалась придерживаться плана. Обставить все правдоподобно. Но я не в курсе, сработало ли это.

Блин! Мне так паршиво. Неужели я окончательно все испортила?

Я болтаю сама с собой. Но глянь, что я нашла...

Кажется, у меня твои ключи и бумажник. Хм... У тебя дофига карточек.

А закуплюсь-ка я у «Кейт Спейд».

И новенькими лобутенами.

Ты где? Неужели забыл, где я живу?

Знай, если это не взаимно, ты не получишь обратно свой телефон. Клянусь, если я тебя увижу и пойму, что мои чувства безответные, телефона тебе не ведать, как своих ушей. Он умрет быстро и безболезненно под прессом моего смущения.

Но если ты читаешь эти сообщения, значит, мои чувства взаимны.

И ты от меня тоже без ума.

— Да, я без ума от тебя, — говорю я и снова целую ее.

Мы подъезжаем к Центральному парку, прежде чем достигаем точки невозврата, и Шарлотта не успевает забраться ко мне на колени. Лимузин останавливается, и мы идем по траве к бейсбольному полю.

Идет игра. Сеть пиццерий против обувных бутиков. Я притягиваю Шарлотту к груди.

— Но здесь, — я киваю на поле, — я был полным дебилом.

Она усмехается.

— Почему?

— Потому что этим утром... — Я делаю глубокий вздох, наконец готовый обнажить перед ней душу. — Моя любимая заступилась за меня. — У Шарлотты перехватывает дыхание, когда я говорю слово на букву «Л». — Я должен был признаться, что люблю тебя. Рассказать о своих чувствах. — Я прижимаюсь своим лбом к ее лбу. — Мне следовало сказать, что я безумно в тебя влюблен и хочу, чтобы ты была моей. Когда ты сказала, что наши отношения никогда не были настоящими, это меня едва не убило...

— Спенсер, я так не думала. Я же сказал, что просто хотела спасти положение.

— Сейчас я это понимаю, но тогда был дураком. С другой стороны, нет худа без добра. Потому что теперь я знаю, какво потерять тебя, и я сделаю все, чтобы этого никогда не

произошло. Ты для меня единственная на свете. Ты была рядом столько времени, и хотя с одной стороны может показаться, что я влюбился скоропалительно, всего за неделю, но мои чувства к тебе расцветали в душе много лет. Просто до меня доходило как до жирафа, что ты единственная, кого я когда-либо любил. — Я провожу костяшками пальцев по ее щеке. Глаза Шарлотты искрятся радостью, и я чувствую тоже самое. — Я это знаю, поскольку ради тебя готов есть зеленых мармеладных мишек. Проходить пытку, высиживая на мюзикле «Скрипача на крыше». По вечерам пить безалкогольную Маргариту или элитное пиво. При головных болях ухаживать за тобой. А еще укладывать тебя в кровать и всю ночь напролет заниматься любовью.

Слегка приоткрыв губы, Шарлотта вздыхает с довольным видом. Она хватается меня за воротник и притягивает еще ближе к себе.

— У меня сегодня не болит голова. И я тоже хочу всю ночь быть с тобой. Потому что и я нарушила главное правило. Я тебя так люблю, что готова наплевать на утреннее дыхание и целоваться с тобой в любое время суток. И всегда соскребать майонезный песто с бутербродов, если тебе его дадут по ошибке, — говорит она, глядя мне в глаза.

— Надеюсь, этого никогда не случится, — отвечаю я с серьезным видом. — Не хочу, чтобы ты сталкивалась с майонезом или неприятным запахом изо рта. Но если такое приключится, я буду рядом, и мы вместе пройдем через эти ужасы.

— Так и будет, — соглашается она, пылко и жадно целуя меня, тем самым скрепляя сделку.

Отстранившись, Шарлотта многозначительно приподымает брови.

— Может вместо ужина в ресторане, доедим холодную кунжутную лапшу у тебя дома?

— Идет, — отвечаю я, прекрасно поняв ее желания, и они полностью совпадают с моими.

— Ой, подожди. Хочу, чтобы ты знал еще кое-что, — говорит она, скользя пальчиками между пуговиц рубашки. Маленькая прелюдия того, чем мы скоро будем заниматься.

— Что?

— Помнишь, я сомневалась, что смогу сыграть твою невесту?

— Да.

— Я смогла, потому что с тобой это очень редко казалось фальшью. Было так легко притворяться.

— Почему? — спрашиваю я, обхватывая ладонями ее бедра.

— Не было притворства, это всегда казалось реальным.

— Это на самом деле так, — говорю я, заглядывая ей в глаза. Хочу запомнить это мгновение в мелочах — новый виток в наших с Шарлоттой отношениях. Хочу видеть, чувствовать и испробовать все это. А еще насладится вкусом Шарлотты. Сию секунду! — Знаешь, что еще настоящее?

— Что? — игриво спрашивает она. Судя по интонации, Шарлотта разгадала все мои шаловливые мысли.

— Насколько сильно я тебя сейчас хочу. Это реальней некуда. Можно сказать, двадцать пять сантиметров реальности, — говорю я и прижимаюсь к ней, чтобы Шарлотта наглядно почувствовала, как она мне необходима.

Она вопросительно приподымает бровь.

— Двадцать пять? А я думала тридцать.

— Начинается с двадцати пяти, а заканчивается тридцатью, — шучу я, а потом обнимаю

ее рукой и иду к лимузину. Оказавшись внутри, я прошу водителя поднять перегородку. После того как тонированное окно со щелчком закрывается, мы наконец остаемся одни.

— Пожалуй, сейчас я соглашусь на двадцать пять.

— Ай-яй-яй, значит тебе нужна закуска перед китайской едой, — говорю я и слегка поддразнивая ее скольжу пальцами по спине, а потом сжимаю ладонями ягодицы.

— Нет, Спенсер. Мне сразу подавай десерт.

Я подымаю ее и усаживаю к себе на колени.

— Закуска. Десерт. Основное блюдо. Давай приступим, — шепчу я, приподнимая ее юбку, а Шарлотта тем временем расстегивает мою молнию.

Через несколько секунд я оттягиваю в сторону ее трусики, натягиваю презерватив и погружаюсь в восхитительное тепло. С наших губ одновременно срывается стон, а потом несколько кварталов мы целуемся и трахаемся. С каждой минутой поцелуи становятся все ненасытней, а секс жестче. Мы подъезжаем к центру. Я тяну ее за волосы, а Шарлотта впивается ногтями в мои плечи. Губы сливаются в крепком жадном поцелуе.

Мы трахаемся так, словно не виделись недели, хотя на самом деле всего лишь часы. Но я с радостью принимаю это... всепоглощающую потребность в другом человеке, тем более секс, как всегда, заоблачный. Хотя в этот раз еще лучше, ведь о конце нет и речи. Нет финальной даты, правил и притворства.

Эта ночь превращается в настоящий секс-марафон с кунжутной лапшой, едой, оргазмами, смехом и словами на букву «Л». Никогда в жизни не думал, что буду говорить их так часто и много.

Мы проверяем на прочность журнальный столик. Он выдерживает, хотя я стираю коленки, но мне это глубоко до лампочки. Чуть позже Шарлотта предлагает понежиться в душе. Я соглашаюсь, поскольку обожаю веселый душ. А потом, она становится на колени и устраивает мне лучший душ в моей жизни. Ее ловкий язычок исполняет такие пируэты, что я решаю позже спросить, а может ли она завязать в узелок стебелек вишни.

С другой стороны, это не так важно. Я не большой поклонник завязанных вишеночек. Но на ее язычок у меня большие планы. Да и на свой тоже. После полуночи, когда мы наконец добираемся до кровати, я упиваюсь ее вкусом.

Намного позже, обнявшись, мы ложимся спать, только это чистый самообман. Стоит погаснуть свету, как я вхожу в нее. Фидо своим мурлыканьем обеспечивает нам музыкальное сопровождение, а когда Шарлотта со стонами кончает, в дуэте они звучат как небольшое землетрясение.

— Шарлотта я кое в чем должен признаться, — говорю я, зарывшись пальцами в ее волосы, пока она возвращается с небес на землю.

— Выкладывай.

— Мой кот — извращенец.

Шарлотта смеется.

— Похоже, мы втроем отлично уживемся.

Я тоже так считаю.

Месяц спустя

Мы одни в «Лаки Спот». Последний заказ был отдан час назад. Бар закрыт, мы собираемся домой.

Я забираю ключи из кабинета, а Шарлотта закидывает ремешок сумочки на плечо.

— К тебе или ко мне? — игриво спрашивает она, а потом сама отвечает на вопрос. — В смысле к нам.

Ее договор об аренде заканчивается в этом месяце, поэтому мы не стали ждать и Шарлотта переехала ко мне неделю назад. Она стягивает на себя все одеяло, а я сплю голым, так что зимой могут возникнуть проблемы, но в остальном жизнь с ней практически идеальна.

Сюда стоит еще приплюсовать то, что статья Эйба так и не вышла из-за отмены продажи «Катрин». Ну, а наши фальшивые отношения превратились в настоящую историю любви. Так что я безумно счастлив, также как и мой отец, который сейчас где-то в Средиземном море, пока Нина руководит ювелирной сетью.

Единственное, что может сделать этот момент еще более совершенным, — бутылка вина.

— Прежде, чем уйти, давай выпьем по бокальчику.

Я захожу за барную стойку и беру бутылку, которую специально приготовил для этого вечера.

Она смотрит с любопытством на меня из-за стойки.

— Может, захватим домой?

Я качаю головой.

— Нет. Здесь.

Я наливаю бокал себе, а потом и ей. Протягиваю через стойку. И подымаю свой с тостом:

— За воссоздание.

Она хмурится.

— Что? Ты говоришь бессмыслицу.

— Подыграй мне. Тогда все станет на свои места. — Я делаю глоток и отставляю бокал в сторону. — Разве не забавно, что нас все считают парой?

— Но это правда, — говорит она и машет в сторону бокала. — Колись, Холидэй, ты до этого изрядно выпил?

Я не отступаю.

— Нам нужна история, — повторяю ей ее же слова, сказанные тогда на кухне, когда мы впервые обговаривали детали нашего спектакля. — Помнишь? — даю я ей подсказку. — В четверг ночью после закрытия бара мы задержались выпить по бокалу вина...

В карих глазах зарождается искра понимания.

— Да. Если память не изменяет, ты повторил все слово в слово.

Пленный ее великолепными глазами, я повторяю заново:

— Разве не забавно, что нас все считают парой?

Она вспоминает о нашем выдуманном сценарии «любовной истории»:

— А может нам стоит сойтись.

Я молчу и Шарлотта тоже. Мы оба придерживаемся сценария и так называемой «неловкой паузы».

Когда она становится достаточно длинной, я говорю с легкой усмешкой:

— Но в этот раз будет что-то большее после «неловкой паузы», — обещаю я, засунув руку в карман.

— И что же будет дальше? — хрипло спрашивает она, упираясь ладонями в стойку, и всем телом тянет ко мне.

— Фокус.

— Показывай.

Я обхожу барную стойку и иду к ней. Взмахиваю рукой над ее левым ухом, вытягиваю вторую руку из кармана и провожу над правым ухом.

— Глянь, что пряталось за твоим ушком, — говорю я, открыв перед ней ладонь.

— О Боже, — выдыхает она. Один из моих самых любимых звуков.

Я становлюсь на одно колено и беру ее за руку.

— У меня к тебе предложение. Когда мы впервые играли обрученных, ты сказала два слова, которые мы поклялись больше никогда не произносить. Но тогда они мне показались самой лучшей в мире музыкой. Миссис Холидэй. И это потому, что ты единственная, кого я когда-либо хотел так назвать. Миссис Холидэй. Я надеюсь, для тебя это звучит так же сексуально и красиво, как и для меня. Ты выйдешь за меня замуж?

— Я обожаю твои непристойные приложения и, конечно же, мой ответ: «Да», — говорит она, и по ее щекам бегут слезы.

Никогда это слово не было слаще и совершенней.

Я поднимаю кольцо, бриллиант поблескивает в лучах света.

— Это кольцо ты выбрала для себя, и оно идеально тебе подходит. Именно его я одел тебе в первый раз, и я очень хочу, чтобы ты никогда его не снимала, — говорю я, когда она протягивает руку.

— Одень его на меня, — просит она, плача от счастья. — Это кольцо единственное, которое я хочу. Ты для меня единственный на свете.

Второй раз я одеваю ей обручальное кольцо на безымянный палец, но знаю, что сейчас это навсегда.

Шесть месяцев спустя

Моя жена офигенно великолепная.

Можете не верить мне на слово. Давайте рассмотрим все ее достоинства.

Она яркая, невероятно красивая, веселая и замужем за мной.

Конец истории.

Ой, погодите! Я кое-что еще должен сказать. Да, это правда. Мы нарушили почти все наши правила: ночевки, ложь, странности, а еще мы по уши влюбились друг в друга и наши отношения не на неделю. Они на всю жизнь.

Но все же, осталось два нерушимых правила. Помните, мы обещали остаться друзьями? И мы друзья. Самые лучшие.

Теперь вам всем интересно, какое второе правило. Что ж, Шарлотта непоколебима в этом вопросе, но мне грех жаловаться, учитывая с какой легкостью она может завязать языком в узелок стебелек вишни. Я самый везучий в мире сукин сын, потому что каждый вечер спешу домой к женщине, в которую влюблен. Моей жене. Моей лучшей подруге.

И каждую ночь я делаю ее счастливой.

Ну, вы понимаете, о чем я.

Надеюсь, это так.

Жизнь отрада, когда жена рада.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— КОНЕЦ —

notes

На оригинальной обложке Rock (камешек) очень похож на Cock (член).

Яйца Бенедикт — это прекрасный завтрак, представляющий собой бутерброд из поджаренного тоста или булочки с яйцами-пашот, беконом или ветчиной и голландским соусом.

«Шейн Ко» (*Shane Company* или *Shane Co*) — крупнейшая ювелирная компания в США.

Ма́рри-Хи́лл (*англ.* *Murray Hill*) — квартал в районе Ист-Сайд в боро Манхэттен, Нью-Йорк, США.

«Игры новобрачных» (англ. *Newlywed Game*) — американское реплити-шоу, на нем разные пары молодоженов отвечают на вопросы, в результате становится ясно, насколько они знают или не знают друг друга.

Это отсылка на романтическую комедию «Високосный год», в русском варианте название «Как выйти замуж за три дня» 2009 г.

В основе сюжета: девушка узнает о традиции, что женщина 29 февраля может сделать предложение мужчине, и он не имеет права отказаться. Она летит в Дублин, где сейчас на медицинской конференции находится ее молодой человек. Из-за непогоды рейс откладывают, но героиня не сдаётся и плывет в шторм на маленьком рыбацком корабле к небольшой деревушке Ирландии. Там она уговаривает молодого хозяина паба за большую плату довести ее до Дублина. Но на пути у героев встает куча преград. Ломается машина, и они опаздывают на поезд, поэтому под проливным дождем идут к небольшой гостинице. Только выясняется, что у хозяев устарелые взгляды на жизнь. Номера сдаются только супружеским парам. Герои вынуждены прикинуться молодоженами. К вечеру на ужин спускаются все постояльцы, а именно три пары. Хозяева гостиницы, немолодой итальянец с женой и псевдо-молодожены. В ходе разговора хозяин гостиницы целует жену, а итальянец свою. Потом они настаивают, чтобы молодежь показала им старикам, как нужно целоваться. Герои сопротивляются, но хозяин гостиницы настаивает со словами: «Черт возьми, парень! Целуй девчонку».

Нью-Йорк Метс (англ. New York Mets) — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола. Клуб базируется в Квинсе.

Три пальца правой руки поднятые вверх означают три части скаутской обещания: выполнить долг перед Богом, помогать ближним, жить по закону скаутов. Кисть правой руки находится на уровне головы и немного отведена в сторону. Знак скаутов напоминает, что сильный всегда защищает слабого, а младший подчиняется старшему.

«**Тишка**» или «**Ти**» для **гольфа** (*англ. tee*) — подставка из дерева или пластмассы, на которую разрешается ставить мяч, чтобы выполнить первый удар на каждой лунке.

Драйвинг рейндж (англ. *Driving range*) — специальная площадка, на которой игроки в гольф отрабатывают дальние удары.

Старые уцелевшие здания и пирсы вдоль реки Гудзон в Нью-Йорке реконструировали под спортивно-развлекательный комплекс «Челси-пирс», который включает в себя площадку для теле- и киносъемок, спа-центр, самый большой в городе центр для занятий гимнастикой, два баскетбольных зала, футбольное поле, скалолазный центр, танцевальную студию, боулинг центр, два крытых катка и гольф-клуб. На знаменитом 59-м пирсе, где в 1912 г. ожидали прибытие «Титаника», сейчас тренируют удар в гольф. Место огорожено высокой сеткой, чтобы мячики не улетали, хотя порой это все же случается.

«Олд фешен» — коктейль-аперитив Международной ассоциации барменов. Смешивается в специальном бокале на основе бурбона, скотча, джина или ржаного виски. На дно стакана кладётся кусок сахара, добавляется капля биттера, затем две капли содовой. Всё давится мадлером. Затем добавляется лёд и заливается алкоголь. Бокал украшают долькой апельсина и вишней.

Клоузер (*англ. closer*) — питчер, закрывающий игру в бейсболе или софтболе. Обычно появляется на поле в последнем, 9 иннинге с целью сохранить имеющееся очковое преимущество команды над соперником.

Отсылка на комикс «Бэтмен». Бэт-сигнал (англ. Bat-Signal) — светящийся прожектор с нарисованной летучей мышью на его стекле, луч света которого видно над Готэмом.

Ресторан «Сардис» находится между Бродвеем и Восьмой авеню в театральном районе Манхэттена в Нью-Йорке. Данный ресторан известен сотнями карикатур знаменитостей, которыми украшены стены заведения. Открытие состоялось 5 марта 1927 г.

«Шуберт» — бродвейский театр, расположенный в западной части 44-й улицы в театральном квартале Манхэттена, Нью-Йорк, США.

Капельдинер — работник театра, проверяющий билеты, провожающий зрителей к их местам и следящий за порядком в зале.

«Убер» (англ. *Uber*) — американская международная компания из Сан-Франциско, создавшая одноимённое мобильное приложение для поиска, вызова и оплаты такси или частных водителей. С помощью приложения заказчик резервирует машину с водителем и отслеживает её перемещение к указанной точке, оплата производится с помощью данных банковской карты или наличными.

Колумбус-Серкл (*англ. Columbus Circle*) — одна из самых известных площадей Манхэттена, появившаяся с юго-западного угла Центрального парка, на пересечении Бродвея и Восьмой авеню, на рубеже XIX и XX веков. Так же называются и кварталы, прилегающие по периметру к площади.

Майонезный песто (англ. *pesto mayonnaise*) в состав которого входит, растительное и оливковое масло, горчица, яичный желток, уксус винный белый, базилик, кедровые орехи, сыр пармезан, чеснок, соль и лимонный сок или вустерский соус.

Мидтаун или **Средний Манхэттен** — один из трёх крупных торговых и деловых районов Манхэттена, находится между 14-й улицей на юге и 59-й улицей и Центральным парком на севере.

Панини — итальянский бутерброд или сэндвич, где булочка разрезается вдоль, а внутрь кладут, ветчину, сыр и др. начинки.

Проволоне — твёрдый нежирный итальянский сыр, вырабатываемый из коровьего молока. Вкус варьируется в зависимости от разновидности: от резкого до очень мягкого. Текстура — однородная, слегка шелковистая, с небольшим количеством глазков. Корка мягкая, золотистого цвета.

Аутфíлдер — игрок обороняющейся команды, патрулирующий внешнее поле.

Каждая игра разделена на периоды — «иннинги» (англ. *inning*), в каждом из которых каждая команда играет по разу в нападении и в защите. Каждый раз, когда три игрока команды нападения отправились в аут, команды меняются местами (таким образом, в каждом иннинге шесть аутов — по три для каждой команды). Обычно игра состоит из 9 иннингов. В случае равного счёта по окончании последнего иннинга назначаются дополнительные иннинги.

Грэнд Слэм — удар с хоум-раном в ситуации, когда все базы заняты раннерами, что позволяет команде набрать сразу 4 очка.

Хоум рэн — удар, после которого отбивающий пробегает через все базы и возвращается в «дом». В современном бейсболе или софтболе обычно достигается при ударе, когда мяч выбивается за пределы поля между штрафными мачтами (или касается одной из них). Такая ситуация называется «автоматический хоум-ран».

Аут — ситуация (или команда судьи), означающая, что игрок нападения в данном периоде (иннинге) выведен из игры.

Чёлси — исторический район на северо-западе Нижнего Манхэттена, Нью-Йорк, США.